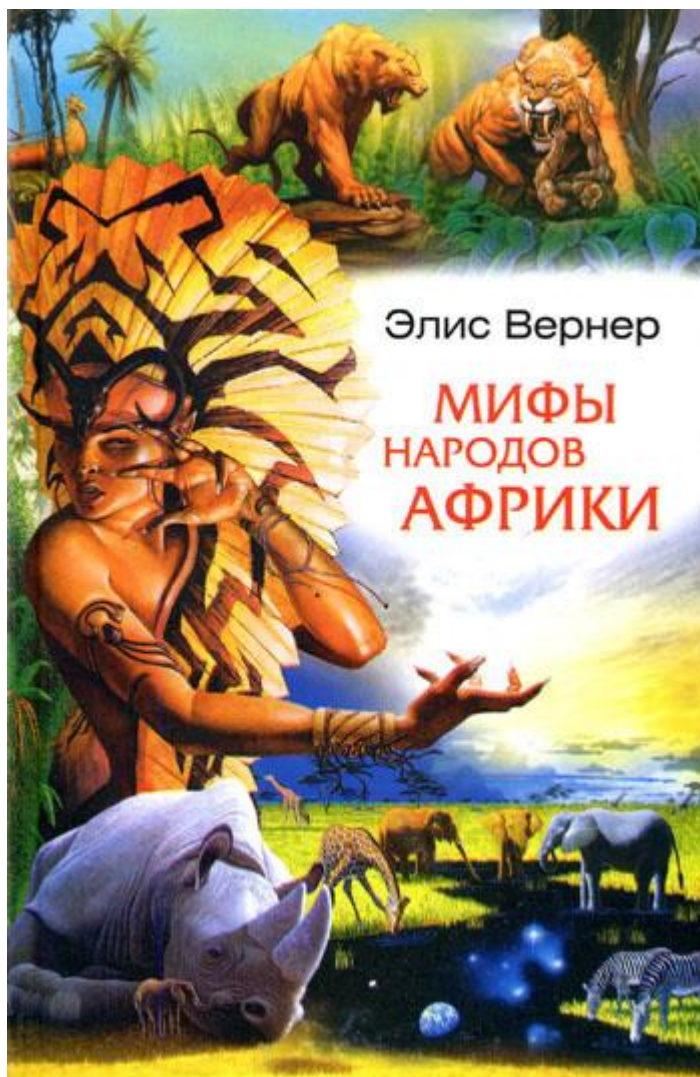

Элис Вернер Мифы народов Африки

Элис Вернер Мифы народов Африки

От автора

Большинство читателей, наверное, полагает, что в Африке с ее неразвитой письменностью и примитивными религиозными представлениями вряд ли может существовать то, что можно назвать мифологией, или же усомнится в том, что материала на эту тему хватит на целую книгу.

Должна признаться, что до того, как приступить к работе над этой книгой, я и представления не имела об огромном объеме материала, доступного для изучения. Большая его часть содержится в немецких периодических изданиях, которые подчас трудно раздобыть. Нехватка времени и ограниченные человеческие возможности помешали мне в полной мере использовать этот материал. Можно лишь надеяться, что если мне самой и не удалось в достаточной степени развить тему, то другие исследователи обнаружат в моей работе полезную информацию, которая поможет им сделать это. Впрочем, при благоприятном стечении обстоятельств я намереваюсь более углубленно изучить некоторые темы, которые в этой книге обрисованы лишь в общих чертах, – например, распространение

в Африке мифа о Хамелеоне, историй об оборотнях, о пожирателе (например, о Холумолумо у басуто и различные его вариации) и другие.

Я не стремилась выдвинуть какие-либо теории или проводить какие-то параллели с фольклором других континентов, хотя очевидные сравнения напрашиваются сами собой. Прошу считать любые намеки на теоретизирование – вроде рассуждений о том, что сходство не обязательно предполагает заимствование, – ненамеренными.

Уже написав главу «Мифы о происхождении Смерти», я обнаружила среди своих бумаг рассказ племени дурума о Хамелеоне. История эта показалась мне весьма любопытной. Дурума – одно из так называемых племен ньяка, живущих на некотором удалении от Момбасы, по соседству с племенем рабаи на востоке и диго на юго-западе. И сейчас еще племена эти в достаточной степени не изучены. История о Хамелеоне звучит так.

После сотворения человека Хамелеона и Ящерицу спросили, какая, по их мнению, участь должна его ожидать. Хамелеон ответил: «Я хотел бы, чтобы люди жили вечно», а Ящерица сказала: «Удел людей – смерть». Чтобы разрешить спор, Хамелеон и Ящерица должны были бежать наперегонки до стула (*чити*). Исполниться должно было желание победителя. Как и можно было предвидеть, победила Ящерица. С тех пор Хамелеон передвигается медленно, словно грустя о том, что не смог спасти людей от смерти. В данном случае любопытно отметить упоминание о стуле, поскольку этот незатейливый предмет присутствует и в историях о Хамелеоне, встречающихся в фольклоре Восточной и Западной Африки. Впрочем, до сих пор, насколько мне известно, фольклористы не уделяли этому моменту должного внимания. Приведенная выше история может являться самобытной вариацией легенды о состязании между Псом и Черепахой, где победа присуждалась тому, кто первым добежит до стула вождя. Пес уже мнит себя победителем, но хитрая Черепаха приходит первой: она хватается за хвост Пса и в последний момент спрыгивает с него.

Автор хотел бы выразить искреннюю признательность всем, кто внес свой вклад в создание этой книги.

Элис Вернер

Введение

Изучение мифологии целого континента – задача не из легких, но в случае с Африкой она несколько упрощается. Редкий автор не упоминает об однородности континента. В самом деле, если мы сравним его безбрежные равнины и плоскогорья с территорией Европы или Азии, то не сможем представить себе Африку разделенной на страны, населенные разными народами. Это ощущение усилится, если мы ограничим наше исследование Африки югом Сахары, что мы практически и вынуждены сделать на страницах этой книги. Таким образом, из поля нашего зрения выпадает Египет и (за исключением нескольких упоминаний) мусульманская культура некоторых африканских государств. Весь интересующий нас район (территория, простирающаяся от Кабо-Верде до мыса Гвардафуй) населен черной расой. Поскольку для обычного европейца все африканцы на одно лицо, то он полагает, будто и характеры у них схожи. Однако белый человек, долгое время проживший среди «черных» людей (впрочем, в буквальном смысле этого слова действительно «черных» сравнительно немного), легко различает личность и *тип*¹. В любом случае обитатели африканского континента разнятся между собой. Здесь проживают не только чернокожие африканцы, но и высокие, светлокожие народы галла, сомали и фульбе с их хамитскими языками; готтентоты (предположение Моффата о родстве готтентотов с

¹ Тип – то, что привлекает внимание человека, оказавшегося среди другого народа. Так, чужак сразу улавливает семейное сходство между братьями и сестрами, которых их собственные родственники считают не похожими друг на друга. Моя школьная подруга из Уэльса однажды сказала мне, что, когда она только приехала в Англию, «все англичане были для нее на одно лицо». (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*)

хамитами полностью подтвердилось), а также низкорослые светлолицые бушмены, возможно оказавшие большое влияние на готтентотов, и многие другие. Кроме того, существует явное различие между языками африканцев – стоит сравнить моносиллабические, грамматически неизменяемые языки Золотого Берега² и верховьев Нила и симметрично развитую грамматическую структуру языков банту. Если же внимательно взглянуть на сами языки банту, можно обнаружить, что и они, в свою очередь, распадаются на подгруппы. Эли Шаглен, говоря о специалисте, который не слишком продвинулся в своих изысканиях, отмечал: «Материал, над которым он трудился, состоял из нескольких томов об южноафриканских племенах, и автор попал в ловушку распространенного заблуждения: он считал, будто все, что ему стало известно о нескольких южноафриканских племенах, справедливо будет распространить не только на все народы банту, но и вообще на всех африканцев. Именно этому стремлению к необоснованным обобщениям мы обязаны теми неточностями и противоречивыми гипотезами, которыми полны книги и статьи, посвященные Африке».

В то же время многолетнее изучение африканского фольклора породило убеждение в том, что обе группы африканского народа – бантуязычная и говорящая на суданских языках – имеют много сходных обычаев и верований. Некоторые из них развились независимо друг от друга³, другие появились в результате заимствования, но я уверена, что большая часть фольклора – это плод оригинального племенного мышления. Об этом мы постоянно будем вспоминать при изучении мифологии. Но это далеко не все. Мы обнаружим, что негрские племена и банту имеют некоторые общие звенья с племенем галла, масаи и другими хамитскими или квазихамитскими народностями (я не говорю здесь об элементах, привнесенных арабами или европейцами в современный период истории Африки). Некоторые любопытные проблемы смешения культур связаны с легендами и сказками, созданными в Средиземноморье и распространившимися на юг континента через скотоводов-кочевников, которых Ван Рибеек встретил у мыса Доброй Надежды. Народ хауса, чьи лингвистические и расовые корни долгое время представляли загадку, очевидно, испытал влияние с двух сторон – со стороны чернокожих коренных племен, от которых хауса по большей части и произошли, и пришедших позже хамитских земледельческих племен. Здесь я хотела бы отметить, что использую слово «коренные» в абсолютно условном смысле и не собираюсь высказываться на этот счет. Точно так же я не пытаюсь обсуждать здесь наболевший расовый вопрос. Что именно подразумевается под словом «раса», мне совершенно неясно, специалисты также не могут прийти к единому мнению. Я очень сомневаюсь, что существуют какие-либо четкие различия между народами банту и другими (суданскими) африканцами⁴, в любом случае решение этой проблемы не входит в мою

² Золотой Берег – бывшая британская колония в Западной Африке, с 1957 года на ее территории образовано государство Гана. (Примеч. пер.)

³ Шаглен утверждает, и я согласна с его мнением, что «мифы и сказки негров Северной, Центральной и Южной Америки ведут свое происхождение от африканских прототипов». Однако далее он говорит: «Через афроамериканцев африканский фольклор оказал значительное влияние на фольклор американских индейцев». Это утверждение мне представляется спорным. Вряд ли оно применимо в отношении племен, живущих в бассейне Амазонки. Мне действительно удалось найти общие черты в приключениях Канчиля на полуострове Малакка и похождениях Братца Кролика, а также проследить параллели в гэльском фольклоре (неопубликованном, насколько мне известно), однако я все более и более склоняюсь к мнению, что похожие эпизоды могли возникать независимо друг от друга по всему миру и в каждом отдельном случае они отражают местный колорит. Но конечно, я не отрицаю возможность заимствования в ряде случаев.

⁴ «Полубанту», или «бантоидные», языки, о которых рассказывается в «Сравнительном изучении банту и бантоидных языков» Н.Н. Джонстона, изобилуют связующими звеньями, делающими лингвистическую границу еще менее отчетливой, чем мы предполагаем. О том же говорит теория Майнхофа и Вестерманна, касающаяся происхождения языков банту.

задачу.

Предположим, что в Африке существует так называемый общий фонд исходных идей. Возьмем для примера зулусское слово *инката* и обозначаемый им предмет. Слово это встречается в языке ньянджа и звучит как *нката*, в суахили как *кхата* (с придыхательным «к»), в чвана – *кхаре*, а у гереро – *онгата*. Первоначальное значение этого слова – виток, петля; обычно оно означает скрученную из травы подушечку, используемую при переноске тяжелого груза на голове. Однако зулусское слово *инката* имеет и другое, менее распространенное значение. *Инката эзве* (свиток земли) или *инката йомузи* (свиток клана) означают «символ единства народа», а также талисман, призванный обеспечить это единство и личную безопасность вождя. Это свиток, или подушка из травы, в которой спрятаны могущественные «амулеты», изготовленные в соответствии с особыми ритуалами профессиональными знахарями (*изинньянга*). На этой подушке восседает вождь во время своей инаугурации. В остальное время подушку прячут в хижине супруги вождя. Мне неизвестно, везде ли инката имеет то же ритуальное значение. В ряде случаев специалистам не удалось зафиксировать употребление этого слова. Это может означать, что оно либо вышло из употребления, либо ускользнуло от внимания исследователей. Последнее представляется наиболее вероятным, поскольку слово это относится к самым сокровенным верованиям и обычаям народа. Однако в Уганде, например, *инката* означает не только головную подушку носильщика, но и сплетенные из травы кольца, которые помещались под крышу строящегося дома. При возведении дома для первой жены короля эти свитки следовало положить под кровлю с особыми церемониями. На Золотом Берегу головная подушка, называемая на языке тви *экар*, связана с преемственностью власти вождя, она также фигурирует в некоторых магических церемониях народа ибибио (Калабар), описанных Эймори Гальботом.

Другие, не менее любопытные факты я упомяну, когда мы приступим к изучению многочисленных историй о животных (подобных «Сказкам дядюшки Римуса»), характерных для интересующего нас района.

Изучая Африку с географической, этнологической или психологической точки зрения, остро ощущаешь отсутствие четких границ. Да, Абиссиния или Басутоленд⁵, например, действительно воспринимаются как отдельные страны, подобно Швейцарии или Дании, но такие случаи нечасты, и это более всего касается образа мыслей, обычаев и верований, чем физического рельефа. Ввиду этого я вынуждена была признать безнадежной попытку географического или «регионального» изучения предмета и вместо этого попытаюсь проследить развитие основных идей через коренное население Африки.

Я представляю себе африканскую мифологию в виде пластов, но не как сменяющие друг друга слои из прочного камня, а как вкрапления разноцветного песка, которые при малейшем сотрясении или нарушении равновесия проникают как в нижние, так и в верхние пласты. Здесь мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили выше. При всем своем многообразии, которое, несомненно, присуще Африке, континент обладает однородностью, целостностью, своим собственным цветом и вкусом. Белый человек, выросший среди зулусов, чувствует себя как дома среди народа яо или гирьяма, даже не зная их языка. В какую бы часть континента ни забросила судьба африканца, он всегда ощущает некую общность с окружающими его людьми.

Не тратя время на рассуждения о прошлом, взглянем на положение вещей в настоящем. Для изучения мы выбрали территорию, простирающуюся от мыса Доброй Надежды до озера Виктория и далее на восток к реке Тана и на запад к Камеруну. Территория эта населена бантуязычными племенами. К северу от этой области живут народы, говорящие на негрских

⁵ Абиссиния – неофициальное название Эфиопии; Басутоленд – владение Великобритании в Африке, с 1966 года – государство Лесото. (Примеч. пер.)

или суданских языках. Восточный Африканский Рог⁶, оканчивающийся мысом Гвардафуй, населен хамитскими сомалийцами, родственные им племена – галла и другие, более или менее схожие с ними (самбуру, рендилье, туркана, нанди), – живут к северу, западу и югу от сомалийцев (отдельные группы – на территориях племен банту).

Впрочем, территории эти нельзя назвать совершенно однородными по составу населения. В Южной Африке существуют два элемента, не связанные с банту, хотя они теперь встречаются редко, на очень небольшой территории. Бушмены, являющиеся, по-видимому, старейшими жителями африканского континента, теперь ограничены рамками пустыни Калахари и прилегающих областей, хотя некоторые племена (почти полностью утратившие свой язык и традиции) можно встретить в Капской и Оранжевой провинциях. Если они являются теми самыми троглодитами, речь которых, по словам Геродота, подобна «мышиному писку», то они либо расселились на значительной части континента в незапамятные времена, либо позднее мигрировали к югу от Сахары. Раньше на несчастных троглодитов охотились на колесницах люди Гарамантеса, теперь говорят об одном фермере из Наталя, у которого в привычку вошло убивать одного-двух бушменов перед завтраком.

Жестокое обращение с южноафриканскими бушменами со стороны колонистов – одна из наиболее позорных страниц в колониальной истории. Об этом можно прочесть в книге Г. Стоу «Коренные народы Южной Африки». Есть и еще один момент, который мы не должны упускать из виду. Истребление бушменов происходило все же только в Южной Африке, и ошибочно было бы думать, что примеру южноафриканцев следовал весь африканский континент. На ранних этапах миграции банту в Южную Африку отношения между бушменами и новоприбывшими были, судя по всему, дружескими, часто заключались межплеменные браки. Есть основания полагать, что некоторые племена бечуанов – например, легоя – в основном происходят от бушменов. То же самое, по-видимому, можно сказать и о народе аньянджа, проживающем к западу от реки Шире. Вся важность этого факта мы поймем, когда приступим к изучению легенд о сотворении мира.

Вопрос о том, имеют ли бушмены что-то, помимо их малого роста и образа жизни, общее с пигмеями, живущими в бассейне Конго, и другими низкорослыми народами, проживающими в различных районах Африки, остается нерешенным. Впрочем, исследователи, как мне кажется, придерживаются того мнения, что физическая эволюция этих народов шла совершенно различными путями. В любом случае и те и другие представляют большой интерес не только как живые представители доисторической эпохи, но также и потому, что, подобно древним народам Европы, которых сейчас представляют только саамы, они породили, как мы убедимся, огромный фольклорный массив.

Выше уже упоминался народ, который мы привыкли называть готтентотами. Их самоназвание, когда мы говорим о народе в целом, а не об одном отдельном племени, – кой-коин (люди). К сегодняшнему дню многие готтентотские племена исчезли с лица земли не только по причине вымирания, но также и из-за утраты своего языка и племенной самобытности; они слились в смешанный «цветной»⁷ народ, говорящий только на африкаанс и искаженном английском. Колониальные документы говорят, что в XVII веке готтентоты были многочисленным и процветающим народом. Исследования Майнхофа и других доказали, что язык их принадлежал к хамитской семье, хотя заимствовал бушменские щелкающие звуки и, возможно, некоторые другие особенности.

На языковой карте Страка территория в Восточной Экваториальной Африке, населенная бантуязычными племенами, окрашена зеленым цветом, и на этой зеленой

⁶ Восточный Африканский Рог – название части Восточной Африки – полуострова Сомали, на котором расположены Сомали, Джибути и часть Эфиопии. (Примеч. пер.)

⁷ Надо отметить, что рабство внесло свою лепту в смешение различных африканских племен, включая готтентотов.

области выделяется крупное желтое пятно неправильной формы. Это масаи – кочевой, пастушеский народ с цветом кожи более светлым, чем у банту, но более темным, чем у чистокровных галла или сомалийцев. Некогда масаи заселили территорию над седьмым или восьмым градусом широты – скажем, от вулкана Элгон на севере и почти до Узамбарских холмов на юге; теперь же в Восточно-Африканском протекторате они ограничены рамками резервации. Наиболее вероятной представляется теория, согласно которой язык масаи – хамитский по происхождению, но испытавший сильное влияние со стороны банту и суданских диалектов. Связь между их легендами и фольклором готтентотов – это один из любопытнейших фактов, ставших известными в последние годы.

Помимо этих народов в Восточной Африке мы встречаем «рабские» племена. Их нельзя в полной мере называть изгнанниками, отверженными, хотя это определение верно по отношению к некоторым из них, скорее это вассалы, зависящие от более сильных племен, внушающих своим «рабам» страх и презирающих их. Такое положение занимают доробо у масаи, васанье у галла, мидган и йибир в Сомали. Это, как правило, охотники, у них много общего с южноафриканскими бушменами, хотя телосложение их, насколько нам известно, очень отличается от бушменского. Происхождение этих племен – вопрос по-прежнему спорный. Вероятно, они связаны с «отверженными» племенами, все еще живущими в Абиссинии. Васанье и доробо в прошлом имели собственные языки, о которых теперь помнят только глубокие старики. Первые теперь говорят на языке галла, а вторые – на языке масаи. Племена васанье и йибир имеют внушающую страх репутацию колдунов, а некоторые из «рабских» племен, например тумал и иль-куноно, потомственные кузнецы. Как тут не вспомнить о наших цыганах и бродячих ремесленниках.

Не принимая во внимание современных незваных гостей, таких как арабы и европейцы, вспомним, что в Абиссинии живут семитские народы, пришедшие в Африку в незапамятные времена – довольно рано по сравнению с арабами, но поздно, если мы бросим взгляд на тысячелетия древней египетской истории. Как и копты Египта, они были единственными христианами в Африке и этим обязаны вовсе не европейским миссиям, которые стали появляться на континенте с XVI века.

Поскольку книга эта посвящена мифологии, а не сравнительному религиоведению, мы не станем здесь обсуждать происхождение и распространение теории Верховного Божества, которая является предметом горячей полемики. Я лишь упомяну работы Эндрю Лэнга, патера Шмидта, Джеймса Джорджа Фрейзера и пр. Здесь же достаточно будет сказать, что в различных районах Африки встречается упоминание о некоем высшем существе, которое не является ни персонифицированной силой природы, ни прославляемым духом предков. Таковым может быть Ньянкупонг племен Золотого Берега, Нзамби племен Конго и примыкающих регионов, Леза, Чиута и Мулунгу в Ньясаленде⁸, Нгаи у масаи и Вак у галла. Иногда эти существа сливаются с солнцем, небом или первым прародителем племени; в пределах одного племени могут сосуществовать различные концепции. В следующей главе мы увидим, что отнюдь не ясно, представляли ли себе галла Вака как бога-личность или как небо; что именем Мулунгу иногда называют духов умерших; что в то время как рассказы одних зулусов об Ункулункулу позволяют предположить существование неотчетливого теизма, другие определенно называют его первым человеком, хотя и не почитают его как *идлози* (духа предков), поскольку Ункулункулу жил так давно, что никто не может составить его генеалогическое древо.

Бруно Гутманн, автор ряда интересных книг о племени чага, живущего в районе Килиманджаро, и человек, прекрасно знающий этот народ, настаивает, что их божество, Рува, нельзя отождествлять с солнцем (*и-рува*), хотя они и имеют похожие имена. Однако некоторые из собранных Гутманном легенд и обычаев определенно намекают на

⁸ Ньясаленд – бывшее британское владение в Восточной Африке, с 1964 года – независимое государство Малави. (Примеч. пер.)

существование некоторой связи.

Таким образом, хотя и представляется заманчивым посвятить отдельные главы «верховным богам», «духам предков» и «духам природы», мы все же не можем отнести эти существа к трем различным категориям.

Верховное божество не всегда – или, по крайней мере, не очень часто – считается Творцом в привычном для нас смысле. Даже если о нем говорят как о существе, сотворившем людей, почти нигде не упоминается, что он причастен и к созданию неодушевленного мира. Впрочем, Бог не всегда создает человека, иногда тот появляется независимо от него – в одной из легенд Бог спрашивает, откуда взялись новые существа. Часто верховное божество является творцом животных. В одной из историй, рассказываемых в Ньясаленде, животных называют «народом Мулунгу». Основатели же рода людского часто стихийно появляются из тростника, дерева, камня или дыры в земле.

Многочисленные мифы, рассказывающие о происхождении Смерти, часто – но не всегда – связаны с верховным божеством. Иногда мы встречаем Смерть, называемую разными именами, например, в Анголе это Калунга, в других районах Калунга – это одно из имен Бога. Племя баганда называет Смерть Валумбе и сыном Неба (Гулу). Интересная легенда о пришествии Смерти в этот мир рассказывается в третьей главе.

Но краеугольным камнем в религии банту являются духи предков, у зулусов – *амадлози*. То же верно и в отношении народов, не относящихся к группе банту; культ духов, возможно, сосуществует с более высокоразвитыми религиями или лежит в их основе. Но здесь опять-таки чрезвычайно трудно провести четкую грань. Бог, олицетворяющий силы природы, легко мог прежде быть духом умершего, как те «старые боги земли», которым поклонялся народ яо наряду с их собственными предками. Эти боги считались *genii loci*, добрыми гениями местных холмов, а в действительности прежде были вождями аньянджа, погребенными на этих самых холмах. Роско говорит: «Верховные божества некогда были человеческими существами, искусными ремесленниками или доблестными воинами, впоследствии обожествленными своими соплеменниками». В этом случае, как и в случае с упомянутыми вождями из Ньясаленда, культ мог распространиться не только на их ближайших родственников, но и на целый клан или племя, и по прошествии времени первоначальный их статус утрачивался. Не полагаясь всецело на теорию Спенсера, предполагающую, что все религии порождены чувствами – благоговением, страхом или любовью, – вызываемыми духами умерших, мы, по крайней мере, можем быть уверены, что многие религиозные и мифологические концепции действительно восходят к этому источнику.

Духи обитают в подземном мире – точной копии мира людей. Во многих языках банту подземный мир называется *Ку-зиму*, у этого слова общий корень со словами, обозначающими духов⁹. Землетрясения часто приписываются хозяевам подземного мира. Мы увидим, что истории о людях, проникших в эту таинственную страну и вернувшихся оттуда – или не вернувшихся, – встречаются довольно часто. Среди них есть многочисленные варианты сказки, которая в собрании братьев Гримм называется «Фрау Холле». Первоначально эта сказка рассказывала о Стране Смерти, хотя большинство европейских версий упустили этот факт из виду.

Лишь большинство современных, так сказать, духов индивидуализированы. Вполне естественно, что информация о предках старше деда или прадеда утрачивается. Возможно, это одна из причин, по которой в большинстве типичных языков банту слово, означающее «дух», не является именем собственным. Некоторые племена яо считают Мулунгу совокупностью всех духов, соединившим в себе множество духов, – это иллюстрация

⁹ Например, у ньянджа это *ми-зиму*; у чвана – *ба-димо*; у чага – *ва-риму*; у дуала – *бе-димо*; у суахили – *ва-зиму*. Стоит отметить, что тот же корень, с различными приставками, используется для обозначения чудовищных людоедов, или огров, фигурирующих во многих сказках банту, – *амазиму*, *мадимо*, *мазимви*, *мариму* и т. д.

смешения различных концепций, их слияния. Иногда мы встречаем героев или полубогов, которые могут быть персонифицированы как силы природы, но что более вероятно – это люди, реальные или воображаемые, которые жили давным-давно. Существовали ли они на самом деле, для нас сейчас не столь важно. Но во многих случаях доказуемо, что они могли являться человеческими существами, чьи выдающиеся заслуги перед соплеменниками или личные качества позволили им после смерти выделиться из обычного сонма духов. Таковы Хейтси-Эйбиб у готтентотов, Хубеане у бечуанов, Мриле у чага, Судика-Мбамби в Анголе; стоит, наверное, также принять во внимание Кингу из Уганды. Тесно связан с этой темой получивший широкое распространение миф о герое-освободителе, спасающем человечество из желудка проглотившего его чудовища. Некоторые очень интересные формы этого мифа и сейчас циркулируют по Африке. В некоторых из его вариаций неблагодарные люди замышляют погубить героя, но его ловкость и смекалка позволяют ему избежать гибели. Подобного рода сказки широко распространены на африканском континенте. К этой группе принадлежат истории о приключениях Хубеане.

Мы уже видели, что некоторые божества олицетворяют силы природы: небо, солнце, а также дождь, молнию и гром. Иногда ритуалы совершаются и в честь других природных явлений, не считающихся богами, – луны, звезд, радуги. Существуют также духи гор (некоторые из них ранее являлись духами предков), рек, деревьев, а также ряд странных сверхъестественных существ, которые не могут быть отнесены к этой и другим подобным группам. Майнхоф именует их «демонами-призраками» (Spukdamonen). Они обитают в уединенных местах – лесной чаще или выжженной солнцем саванне с зарослями колючего кустарника. Существует множество историй об этих существах, иногда их рассказывают сами «очевидцы». Это говорит о том, что в Африке все еще жива способность к мифотворчеству.

Много историй существует и о «маленьком народе» – коренных племенах бушменов или пигмеев, с которыми мигранты банту столкнулись при заселении территории. Банту сочли аборигенов с их странной речью, отравленными стрелами и знаниями, неизвестными более цивилизованным пришельцам, столь необыкновенными, что с легкостью наделили их сверхчеловеческими способностями, в то же время питая к ним отвращение и презирая их. В результате мы многое узнаем об образе жизни и традициях бушменов, но вынуждены рассматривать этот народ через призму мифологии.

Мы уже упоминали истории о животных, составляющих большую часть африканского фольклора. Источник их, несомненно, кроется в тотемизме – или, скорее, они возникли на том этапе человеческой жизни и мысли, который породил тотемизм. Там, где в Африке тотемизм существовал, он постепенно приобрел статус пережитка: например, у бечуанов, нанди, баганда и тви (Золотой Берег). Можно с уверенностью сказать, что некоторые сказки являлись продуктом тотемистического мышления. Такова, например, хорошо известная легенда Золотого Берега, повествующая о том, как некий человек взял в жены женщину, которая в действительности была принявшей облик человека *скупбрией*; потомки их до сегодняшнего дня воздерживаются от употребления в пищу этой рыбы. Есть еще один интересный момент: муж в конце концов теряет жену вследствие нарушения табу. Такая же или похожая катастрофа происходит во многих суданских сказках и банту и в некоторых случаях может быть связана с тотемизмом.

Чаще всего в африканском фольклоре фигурируют такие животные, как Заяц, Черепаха, Паук, Оленек, Шакал, Хамелеон, Слон, Лев и Гиена, а также многие другие, встречающиеся реже или играющие не столь значительную роль.

Превращение людей в животных и обратный процесс – обычные случаи в фольклоре, которые и сегодня считаются реальностью. Человек-гиена, человек-леопард и другие подобные существа подводят нас к теме колдовства, без которого изучение африканской мифологии было бы неполным.

Работая над книгой, я старалась ограничиться истинно африканским фольклором и, следовательно, исключить, насколько это возможно, все европейские и арабские

заимствования. Однако я все же уделила некоторое внимание современным продуктам мифотворчества, которые заслуживают внимания как сами по себе любопытные феномены. Пусть они и испытали до некоторой степени внешнее влияние, но все же являются истинными творениями африканской земли. Стоит также отметить влияние, оказанное древним арабским, персидским или индийским фольклором, который в незапамятное время проник в Африку, прижился здесь и органично слился с фольклором коренного населения Африки. Так, в Занзибаре мы обнаруживаем джатаку¹⁰ про Зайца, некоторые элементы которой отсутствуют в оригинале, – почти наверняка они были добавлены африканцами уже после заимствования истории. Абу Нувас – придворный шут из Багдада – личность невероятно популярная на всем восточном побережье Африки. Здесь о его приключениях рассказывают не только на языке суахили, но даже и на языке ронга в Делагоа-Бей. Но если вы двинетесь южнее, то обнаружите, что здесь истинная личность Абу Нуваса уже забыта, но зато в ходу производное от его имени слово «банаваси», означающее ловкого хитреца или использующееся иногда в качестве имени Зайца, занявшего место Абу Нуваса.

Обрисовав таким образом содержание книги, мы возвращаемся к отправной точке нашего путешествия и приступаем к изучению африканских верховных богов.

Глава 1 Верховные божества и небесное царство

Ранее принято было считать, что концепции верховного божества в Африке не существовало и принесена она была миссионерами. Майор Эллис, узнав, что на территории Золотого Берега используется имя Ньянкупонг, справедливо предположил, что оно принадлежит высшему существу, но сделал вывод, что в действительности это был «бог, заимствованный у европейцев и лишь слегка изменивший внешность». Однако Р.С. Раттрей, напротив, «совершенно убежден», что это не так, поскольку имя это встречается в поговорках, «известных старикам и старухам народа ашанти, и почти совсем неизвестно молодым людям ашанти и цивилизованному обществу». Имена (О)ньяме, (О)ньянку(о)понг и некоторые другие «используются народом ашанти для обозначения некой силы, как правило неантропоморфной, обитающей на небесах».

Африканцы в большинстве своем верят, что верховное божество обитает на небе, – к этому вопросу мы вернемся позже. Однако порой сложно разобраться, отделяют ли люди это божество от реального неба? В случае с племенем, говорящим на языке галла и рассказавшим мне легенду о Ваке (см. главу 3), разрешить эту проблему невозможно.

История о Ньянкупонге, которую, по словам Раттрея, «хорошо знают старики», весьма любопытна, поскольку позволяет предположить, что на более позднем этапе развития мировоззрения Ньянкупонг символизировал собой реальное небо. Более того, я не могу отделаться от мысли (хотя Раттрей и не отмечает этого), что в своей первоначальной, исконной форме этот миф являл собой попытку объяснить, каким образом небо отделилось от земли, хотя прежде они (в это верят и полинезийцы) пребывали в тесном контакте. Отголоски этого мифа встречаются повсюду, взять хотя бы верования гирьяма, полагающих, что все сущее произошло от брака Земли и Неба, или легенду гереро, записанную Ирле, о которой мы поговорим в следующей главе. Легенда утверждает, что после Великого потопа небо касалось земли, но не говорит, всегда ли так было, или же их близость стала результатом наводнения. Страх перед Овакуру (духами предков) должен был помешать людям взобраться на небо. Ирле полагает, что легенда эта исконно африканская, но возможно, что перед нами отголоски миссионерского учения. В противном случае концепция легенды в ее исходной форме не распространилась бы так широко по всему африканскому

¹⁰ Джатака – жанр древнеиндийской литературы. По форме – проза, перемежающаяся стихами. (Примеч. пер.)

континенту. Интересно отметить, что, по словам Деннетта, идея о Небесном Отце и Матери-Земле лежит в основе религии народа конго.

Вот миф народа ашанти, о котором упоминалось выше, литературно обработанный Раттреем¹¹: «Давным-давно Оньянкопонг жил на земле или, по крайней мере, совсем рядом с нами, людьми. Одна старая женщина каждый день готовила себе *фуфу* (истолченный ямс) и пестиком постоянно попадала в Оньянкопонга. Наконец терпение Оньянкопонга иссякло, он с упреком сказал старой женщине: «Почему ты постоянно толкаешь меня своим пестиком? Я уйду на небо». Так он и поступил... Теперь люди уже не могли приблизиться к Оньянкопонгу. Тогда старая женщина велела своим детям собрать все ступки, которые они смогут найти, и поставить их одну на другую, чтобы добраться до Оньянкопонга. И вот дети ее собрали ступки, поставили одну на другую, лишь одной ступки не хватило им, чтобы дотянуться до Оньянкопонга. Нигде не могли они отыскать недостающую ступку, и тогда старая женщина сказала своим детям: «Возьмите одну ступку снизу и поставьте ее наверх». Когда дети вытащили самую нижнюю ступку, все остальные ступки упали на землю и раскатились, убив много людей».

Этот эпизод, в котором верховное божество удаляется на небо после временного пребывания на земле, встречается в историях, рассказываемых в различных районах Африки. Иногда, хотя и не всегда, причиной ухода служат дурные поступки людей. Племена бушонго, живущие в бассейне реки Касаи, рассказывают о верховном божестве Бумбе¹², который, завершив сотворение мира, установив для людей табу и назначив вождей, удалился на небо и оттуда лишь время от времени являл свою волю в снах и видениях.

Отнюдь не всегда верховный бог является также и Творцом. В следующей главе мы еще вернемся к Бумбе.

Некоторые группы людей в рамках одного народа используют имя Джамби, различные формы этого имени широко распространены в юго-западной части Африки. Гереро говорят о Ндьямби Карунге как о существе, отличном от духов предков – «он – тот, кто на небе, а не в могилах». В Анголе Нзамби – «имя великого невидимого Бога, создавшего все сущее и управляющего им... Согласно преданиям, люди обидели его и он лишил их своего расположения». Среди племен, живущих в Нижнем Конго, Нзамби Мпунгу означает «то, что мы называем Создателем», а Нзамби-си – это Мать-Земля. В мифологии Нзамби Мпунгу описывается как «человеческое существо, обнаженный мужчина». Впрочем, по мнению Деннетта, это концепция более поздняя, источником ее могли послужить распятия и религиозные картинки, привезенные католическими миссионерами.

Мулунгу – это имя в различных, но легко узнаваемых вариациях широко бытует от Таны до Мозамбика. От народа яо (которому оно, по-видимому, первоначально принадлежало) это имя распространилось на восток к аньянджа и другим племенам, частично или полностью вытеснив собой имена Мпамбе, Чиута и Леза. Имя Леза (Реза и пр.) принадлежит группе племен, обитающих в центре континента, – луба, бемба, субия, ила и некоторых других. Иногда Леза отождествляется с молнией или дождем. Однако Смит говорит о племени байла следующее: «Они не просто считают дождь и Бога единым целым... Леза тесно слит с природой, но, как и Лубумба, Творец, он стоит над природой и, подобно Чиленге, считается великим основателем традиций».

Аньянджа называют радугу *ута ва Леза* (лук Лезы).

Мулунгу – это имя с несколькими, приводящими в замешательство значениями. Преподобный Дафф Макдональд и доктор Хезервик подробно изучали эту проблему. С

¹¹ У Эллиса – Ньянкупонг, у Раттрея – Оньянкопонг.

¹² Имя Бумб произошло, очевидно, от глагола «бумба» («умба»), который во многих языках банту имеет значение «делать» в смысле «придавать форму», «создавать», «формовать, как глину» и т. д. Лубумба – имя Творца у байла и других народов, живущих к востоку от племен бушонго.

уверенностью можно сказать, что это имя, используемое коренным населением, отражает идею о Верховном Божестве, обитающем на небе. Я и сама слышала, как одна из уроженок Африки говорила о громе: «*Мулунгу анена*» – «Мулунгу говорит», а в двух случаях о недавно умерших людях говорили, что они «ушли к Мулунгу». В Ньясаленде мне никогда не встречались выражения, отождествляющие Мулунгу с небом, но однажды я слышала, что приношения для духа умершего вождя «предназначались Мулунгу».

Между тем я обнаружила, что у племени гирьяма в обиходе есть слово, одно из первоначальных значений которого было «небо», теперь же оно используется в том числе и для обозначения Бога.

Вряд ли справедлива теория Блика, полагавшего, что Мулунгу может означать то же, что и зулусское Ункулункулу: последнее слово, по общему мнению, происходит от корня кулу, который никоим образом, даже в результате самой невероятной лингвистической мутации, не мог превратиться в Мулунгу. В своих рассуждениях Блик опирается на другую свою теорию, согласно которой имя Мулунгу произошло от Инамбане. С другой стороны, совершенно очевидно, что имя Мулунгу идентично зулусскому *умлунгу*, которое, каким бы ни было его первоначальное значение, теперь означает «белый человек» и, вне всякого сомнения, указывает на то, что аборигены считали первых европейцев сверхъестественными существами. Следует отметить, что языки, в которых это слово употребляется в данном значении, не используют слово «Мулунгу» в качестве имени божества. Это справедливо в отношении племени баронга из Делагоа-Бей, которое, однако, верит в то, что некие крошечные призраки, называемые Балунгвана (множественное уменьшительное от *Мулунгу*), иногда спускаются с неба во время грозы. Баронга используют слово *Тило* (небеса), означающее не только собственно видимое небо, но также и «бестелесный, призрачный элемент, играющий значительную роль в религиозных концепциях племени». Небо африканцы представляют себе в виде некоего обиталища: одна африканская женщина сказала Жюно: «Еще до того, как вы пришли и рассказали нам, что существует Всеблагое Существо, Отец Небесный, мы уже знали, что были Небеса, но не знали, что кто-то обитал там». Однако другой обращенный в христианство африканец сказал: «Наши отцы верили, что на Небесах есть жизнь». «Впрочем, – добавляет М. Жюно, – *Тило* – это нечто большее, чем просто место. Это сила, вершащая действия и проявляющая себя различными способами. Иногда ее называют *хози* (вождь или повелитель)... но, как правило, эта сила безлика». Африканцы говорят: «Небеса даруют и отнимают жизнь». Небо ассоциируется со значительными явлениями, в особенности аномальными или неожиданными, такими как бури и молнии; с рождением близнецов, которое считается явлением, идущим вразрез с природой; с конвульсиями, судорогами, наблюдающимися у младенцев, вероятно, потому, что эти припадки всегда неожиданны и необъяснимы. Оттого недомогание называется тило, и примечательно, что суахили называют его «птицей», веря, что болезни вызывает сова – этот универсальный символ предвестника беды, дурное предзнаменование. Концепция неба как места, доступного человеческим существам, включена во многие сказки, и позднее мы к ней еще вернемся.

Мы уже упоминали имя Ункулункулу, используемое зулусами. Иногда оно означает Бестелесную Силу и, подобно Мулунгу, было воспринято местными христианами как слово, означающее «Бог». Некоторые аборигены, впрочем, определенно говорили, что Ункулункулу был первым человеком, хотя и не считался одним из *амадлози* (духов предков), поскольку умер так давно, что никто из живущих не может с уверенностью назвать себя его потомком. Мы обнаруживаем, что многие верховные божества, если рассмотреть их поближе, в действительности являются предками, прародителями человеческой расы (во всяком случае, той ее части, к которой принадлежат рассказчики) или, по крайней мере, правящей династии. Дух великого вождя, не являющегося прямым предком целого племени, на шаг ближе к Богу, чем к обычному человеку.

У бапеди и бавенда из Северного Трансвааля есть бог Рибимби, который также являлся первым человеком, а сын его, Худжана, как говорят, создал мир. То же самое, вероятно,

можно отнести к Нвали, или Ньяли, племени баньяи. Некоторые племена Восточной Африки называют свое божество *Вере*, здесь есть точка соприкосновения с Вере – предком покомо, чья история будет рассказана в следующей главе.

Что же касается Ункулункулу¹³, то аборигены, с которыми беседовал епископ Каллауэй, утверждают, что «он пришел первым, он – *уланга*¹⁴, от которого произошли все люди... Старики говорят, что... в незапамятные времена он сотворил людей... Я слышал, что люди произошли от Ункулункулу, как будто бы он создал их, поскольку существовал до них».

Ункулункулу отличен от «Вождя, что обитает наверху» (*инкози э пезулу*), который, судя по всему, тождествен *Тило* народа тонга. О последнем африканцы говорят, «что он наверху, а Ункулункулу внизу; и все сущее, что находится внизу, было сотворено им». Это совпадает с идеей о том, что царство мертвых находится под землей. Нет необходимости далее развивать эту тему, поскольку проблема относится скорее к сравнительному религиоведению, чем к мифологии. Главный миф, связанный с Ункулункулу, – миф о Хамелеоне – более уместно будет изложить в главе «Мифы о происхождение смерти».

Подобным же образом Имана племени варунди представляется как сверхъестественное существо, прародитель народа и вождь духов предков (*умукуру и'имизиму*).

Трудно, подчас даже невозможно дать точные определения некоторым мифологическим персонажам. Это справедливо и в случае с Мукасой, высшим из богов Уганды, хотя он и не является ни Творцом, ни Первым Человеком. У Мукасы есть отец и дед среди богов, но это не Катонда (Творец) и не Гулу (Небо), фигурирующие в истории о Кингу, Первом Человеке, изложенной в следующей главе. Фактически до странного мало говорится о Катонде и Гулу, хотя они, как утверждают, и «повелевают стихиями», но не имеют такого значения, как Мукаса, – во всяком случае, в официально признанной религии (то есть до появления мусульманства и христианства). По мнению доктора Роско, «Мукаса определенно был человеческим существом, которое по причине его добросердечия стали считать богом». Неизвестно, считает ли себя кто-то из племени баганда потомком Мукасы. Согласно легендам, он появляется в уже населенном людьми мире, в то время как Кингу приходит в мир необитаемый. Логично предположить в таком случае, что Кингу появился задолго до Мукасы, если логическая последовательность вообще применима к мифологии. Храмы Мукасы рассеяны по всей Уганде, и все они, за исключением главного храма, расположенного на острове Бубембе, в качестве «священной эмблемы» Мукасы используют челн-колыбель. «Никому достоверно не известно, что находилось в главном храме; кто-то говорит, что там покоился огромный камень-метеорит, поворачиваемый жрецами то к востоку, то к западу в зависимости от фаз Луны». Ни один из этих предметов не упоминается в историях, рассказываемых о Мукасе, поэтому истинное их значение объяснить невозможно.

Как гласит предание, Мукаса был сыном Мусиси, бога, вызывающего землетрясения, хотя иногда его отцом называют Ванему. Мать Мукасы, очевидно, принадлежала к смертным, к клану Рыбы, и звали ее Намбуби. До рождения Мукасы Намбуби отказывалась от любой пищи, за исключением спелых бананов особого сорта. Не совсем ясно, какое влияние это оказало на ребенка, поскольку, согласно преданию, когда его отняли от груди, он не ел ничего, кроме сердец и печени животных, и пил лишь их кровь. В раннем детстве Мукаса исчез из дома, жители Бубембе обнаружили его на своем острове сидящим под огромным деревом. Они построили Мукасе дом и наняли человека по имени Семагумба –

¹³ Что касается Ункулункулу, то имя его, несомненно, означает «великий-великий» из-за удвоения *корня-кулу* (великий).

¹⁴ Букв.: «тростник». Связь между тростником и человеческими существами будет рассмотрена в следующей главе.

чьи потомки или их представители вплоть до недавнего времени являлись жрецами храма Бубембе – приглядывать за ребенком. Некоторые говорят, что, пережив на острове четырнадцать поколений людей, Мукаса умер и был погребен в лесу. Другие утверждают, что он исчез так же неожиданно, как и появился. Наибольшего внимания в его культе заслуживает тот факт, что, в отличие от многих других богов племени баганда, Мукаса не требовал человеческих жертвоприношений.

Сознательно ли отождествлялось верховное божество с небесами – неизвестно, но в преданиях часто встречается утверждение, что Бог обитает на небе. Реальное небо представлялось африканцам прочным куполом, сводом, над которым раскинулась страна, подобная миру людей. Народ тонга называет место, в котором небо смыкается с землей, «*бугимамуси...* то есть место, где женщины могут прислонить к небесному своду пестики (которые обычно прислонялись к дереву или стене)». Это «место, где женщины, стоя на коленях, толкут маис... они не могут подняться на ноги, ибо тогда их пестики будут ударять в небо». Люди часто пытались подняться на небесный свод, но попытки эти, как мы видели в легенде об Оньянкопонге, были безуспешными, словно все коллективные усилия были обречены на неудачу; отдельным людям иногда везло больше. Появление самой мысли о том, что можно подняться на небо, на заре истории представляется естественным: небо кажется одновременно и близким, и недоступным, а на горизонте словно смыкается с землей – вот одна из первых проблем, которая помимо насущных вопросов занимала пытливого ум человека. Прежде ученые, занимавшиеся изучением мифов и столкнувшиеся с этими преданиями, либо называли их Первобытным Откровением, либо говорили о внешнем влиянии, донесшем отголоски истории о Вавилонской башне.

Существует примечательная группа историй, повествующих о приключениях человеческих существ, которые (подобно герою сказки «Джек и бобовый стебель») нашли дорогу на небо. Однако прежде, чем заняться изучением этих историй, мы должны отметить тот факт, что в ряде случаев верховное божество, обитающее на небе, отправилось туда после более или менее продолжительного пребывания на земле. Здесь уместно вспомнить историю о Мукасе, хотя в легенде о нем и не говорится с полной определенностью, что он ушел на небо, равно как неизвестны и причины, побудившие его исчезнуть.

Народ мбунду, говорит Шатлен, «верит в единого великого и незримого Бога, сотворившего все сущее и управляющего им. Однако они признаются, что ничтожно мало знают о Его натуре. Предание гласит, что люди обидели Бога и Он лишил их своего расположения». Правда, здесь мы не находим свидетельств того, что Бог покинул землю и ушел на небо, но вполне возможно, что в основе этого предания лежат какие-то более древние легенды.

Представители народности бушонго говорят, что Бумба, Творец, которого они также называют Чембе (Джамби, Нзамби или Ньямбе), завершив свою работу, установил ряд табу (я думаю, что не будет преувеличением сказать «определил тотемы») для людей, назначил трех вождей для управления ими (от первого и величайшего из этих вождей ведет свое происхождение верховный вождь бушонго), а затем поднялся в воздух и исчез. С тех пор он поддерживает связь с людьми, являясь им во сне, но никакого реального культа этого бога не существует. Следует отметить, что некоторые племена имеют куда более абстрактную и нематериальную концепцию Бога, нежели другие, считающие его до некоторой степени «сверхъестественным человеком».

В исчезновении Бумбы ничьей вины нет. Как говорят балуйи, во время своего пребывания на земле Ньямбе жил у реки Замбези, а потом поднялся на небо «из страха перед людьми». Это утверждение, однако, не сопровождается никакими объяснениями и не подкрепляется другим рассказом, который звучит так: «Когда Ньямбе появился на земле, люди говорили, что он упал с неба. Чтобы вернуться туда, он стал карабкаться по нитям паутины. Поднявшись уже достаточно высоко, Ньямбе сказал людям: «Поклоняйтесь мне». Люди, услышав это (и обидевшись на то, что они сочли гордыней), сказали: «Давайте убьем Ньямбе». Ньямбе убежал на небо... Люди воткнули в землю длинные шесты, на них

поставили другие... Когда люди поднялись высоко над землей, шесты упали, и те люди, что карабкались по ним, погибли».

Однако племя субия, называющее своего верховного бога Лезой, рассказывая о том, как бог поднялся на небо по паутине, никак не обосновывает этот поступок. Некоторые пытались последовать за богом по паутине, но нить оборвалась, и люди упали на землю. Тогда они выкололи пауку глаза – этиологический миф, призванный объяснить предполагаемый факт, что у паука якобы нет глаз. Тогда люди построили леса с тем же результатом, что и в истории балуи. Легенда гласит: «Прежде люди жили с Лезой под большим деревом и здесь же поклонялись ему (после его ухода? – *Авт.*); они пригоняли под дерево большое число коз и овец, чтобы у Лезы была пища... Однажды Леза встретил под деревом человека и сказал ему: «Откуда ты пришел?» Человек ответил: «Я пришел из деревни и привел четырех коз». Леза сказал ему: «Возвращайся в деревню и скажи людям: «Леза сказал: когда вы увидите огромную тучу пыли, знайте – это Леза». Однажды люди увидели столб пыли, потом разразилась сильная буря. Люди собрались на деревенской площади. Леза пришел и встал под деревом, и люди услышали, как он сказал: «Вы должны воздавать почести моему дому. Меня же вы больше не увидите – я ухожу».

Теперь, когда люди видят падающие звезды, они говорят, что это их вождь Леза, который явился посмотреть, как живут на земле его дети. Если под «детьми» подразумеваются люди, то здесь явный намек на Небесного Отца. Племя ванконде (живущее у северной оконечности озера Ньяса) обращается к своему верховному богу, Мбамбе или Киаре, как к Отцу. Мбамба имеет человеческий облик, он «белый и сияющий» и тоже живет «над небом». Некое подобие отправления культа Лезы существует у субия, но Жакотте считает этот культ – или большую его часть – культом предков, а Леза (или Ньямбе), вероятнее всего, олицетворяет собой солнце. Балуйи совершенно определенно заявляют, что Ньямбе – это и есть солнце, они имеют обыкновение приветствовать восходящее солнце криками: «Мангве! Мангве! Наш король!» Впрочем, по этому вопросу нет согласия и в рамках одного племени, каждый волен придерживаться своего мнения. Легко предположить, что в основе идеи о Небесном Отце могло лежать как одно, так и другое представление, а может быть, и оба сразу.

Миф народа яо о Мулунгу любопытен во многих отношениях. «Сначала на земле не было людей, были только Бог и животные». Потом животные неоднократно именуется «народом Мулунгу», словно бы между ними и Богом существовали какие-то особые отношения. И все же нигде не говорится, что он их создал. Хамелеон, у которого вошло в обыкновение ставить ловушки для рыбы – его примеру местное население следует и по сей день, – однажды поутру обнаружил в одной из ловушек мужчину и женщину. Он привел их к Мулунгу, который «жил на земле, покуда не отправился на небо», и который был так же, как и Хамелеон, озадачен странными созданиями, похожими на него. Мулунгу посоветовал Хамелеону «оставить мужчину и женщину на земле». Все звери и птицы собрались, чтобы подивиться на них. В один из дней странные существа принялись добывать огонь при помощи трения. Потом они убили буйвола, зажарили и съели его. «И так они стали есть всех зверей» и наконец подожгли буш. «Снова пришел Мулунгу и сказал: «Хамелеон, я велел тебе оставить этих странных существ здесь, на земле, и вот народу моему пришел конец. Что же мне делать теперь?» Вдруг Мулунгу и Хамелеон увидели, что совсем рядом с ними загорелись заросли, и пустились бежать. «Хамелеон побежал к дереву и забрался на него, а Мулунгу остался на земле и сказал: «Я не могу влезть на дерево!» Тогда Мулунгу позвал Паука. Паук забрался на небо, вернулся и сказал: «Я легко поднялся вверх. Теперь ты, Мулунгу, поднимайся». Тогда Мулунгу отправился с Пауком на небо и сказал: «Когда люди умрут, пусть поднимутся вверх».

Как пояснил рассказчик, люди должны были подняться на небо и стать рабами Мулунгу, «потому что съели его народ здесь, на земле». Другими словами, Мулунгу отправился на небо из-за жестокого отношения людей к животным.

Невольно вспоминается – хотя, разумеется, параллель здесь вряд ли уместна – история

о бушменском боге Кагне: «Кагн создал все на земле, и мы поклоняемся ему. Сначала он был очень добр, но потом нрав его испортился из-за того, что ему пришлось много сражаться... Мы не знаем, где он, об этом ведают только антилопы. Если вы во время охоты увидите бегущих куда-то антилоп, знайте – они спешат на зов Кагна». Молятся Богу так: «О Кагн, о Кагн, разве мы не твои дети? Разве ты не видишь, что мы голодаем? Пошли нам пищу!» В этой краткой молитве есть что-то трогательное. Неудивительно, что она вдохновила Эндрю Лэнга на написание одного из прекраснейших сонетов.

Установлено, что Кагн (у доктора Блика – Кагген) некогда был Богомолем и, следовательно, богом-тотемом, но ничто не препятствует развитию высшей концепции из низшей.

Примечательно, что помощь богу оказывает Паук. В фольклоре банту он почти всегда (за исключением некоторых сказок дуала) выступает в качестве посредника между небом и землей – это персонаж совершенно отличный от коварного и злобного Ананси с Золотого Берега. В историях народа конго Паук с помощью Черепахи, Дятла, Крысы и Москита приносит на землю божественный огонь: все животные вносят свою лепту в общее дело, но именно Паук помогает им подняться на небо.¹⁵

Представление о веревке, с помощью которой можно забраться на небо, возникло, скорее всего, при виде паука, висящего на паутине. Упоминание о ней встречается в очень древней зулусской поговорке, процитированной Каллауэем¹⁶: «Кому под силу сплести веревку, чтобы забраться на небо?»

Поговорка подразумевает, что подняться на небо невозможно, и все же существует история о короле Сензангаконе, которому приписывается этот подвиг – таким путем он ускользнул от (возможно, враждебных) духов.

Древняя песня народа тонга выражает то же страстное, но безнадежное желание: «Ах! Если бы у меня была веревка! Я бы поднялся на небо и обрел там покой!»

Обычно воины тонга перед битвой кричали своим врагам: «Приготовьте свои веревки и забирайтесь на небо!», что означало, разумеется: «другим путем вам от нас не спастись». В истории, приведенной Жюно под заголовком «Дорога на небо», юная девушка, страшась гнева матери, «убегает из дома и по веревке забирается на небо».

Попасть на небо можно и забравшись на дерево. В зулусской сказке «Девушка и людоеды» брат и сестра, убегая от этих *амазиму*, влезли на дерево и «попали в прекрасную страну. Здесь они увидели красивый дом.

Дом был зеленым, а пол его блестел... Они увидели, что земля осталась далеко внизу, и не могли вернуться туда из страха перед людоедами, бродившими под деревом в поисках пищи». На небе брат и сестра нашли все, что им было нужно; они забили быка, поели мяса, а из шкуры сплели веревку, по которой втянули наверх одного из людоедов – то ли из страха, что он может помешать их возвращению на землю, то ли из чувства мести – и убили его. Впоследствии при помощи этой веревки они вернулись домой.

Согласно преданию, на вершине Килиманджаро жили ваконьинго – гномы или карлики. Вачага рассказывают, что у ваконьинго были лестницы, при помощи которых они с вершины горы могли подниматься на небо.

Мриле, мифологический герой чага, обидевшись на свою семью, уселся на стул и принялся читать заклинания, а потом вместе со стулом поднялся на небо. Там Мриле нашел мир, очень похожий на тот, что он покинул. Он отправился в путь и скоро увидел людей, мотыжающих землю. Мриле поприветствовал их и спросил дорогу до краая Луны. Люди

¹⁵ В ангольской сказке «народ Солнца» спустился на землю по паутине, чтобы набрать воды, – не содержится ли здесь намек на солнечные лучи, высушивающие землю? Увидев солнечные лучи, пробивающиеся сквозь затянутое облаками небо, английские крестьяне говорят, что это «Солнце пьет воду».

¹⁶ Нить паутины или веревка (стебель, лоза) как средство для подъема на небо встречается в легендах народов Полинезии, Меланезии и Индонезии, а также у американских племен на севере и юге.

велели ему идти дальше и спросить дорогу у людей, рубящих лес. Мриле так и поступил, и дровосеки велели ему искать людей, копающих оросительный канал. Землекопы, в свою очередь, отправили Мриле к тем, кто выпалывал сорняки, а те – к людям, жнущим хлеб. (По одной из версий, все эти люди по очереди просили Мриле помочь им, и он соглашался.) Жнецы велели ему идти до развилки. «Пойдешь по нижней дороге и придешь к людям, садящимся есть». Люди радушно встретили Мриле и усадили за свой стол, но пища, которую они предложили ему, была сырой. Тогда Мриле вынул свои палочки и показал людям, как добывать огонь и готовить на нем пищу. Они так обрадовались, что подарили ему много коров и коз, и Мриле с триумфом вернулся домой. Примечательно, что обитатели небес были незнакомы с огнем (в Полинезии подобное говорят об обитателях подземного мира).

У того же народа есть очень любопытная легенда о Небесном Дереве. Однажды девушка по имени Кичалунду отправилась косить траву и провалилась в болото. Ее спутники слышали, как голос девушки звучал все слабее и слабее, по мере того как она спускалась через три царства мертвых, следующих одно за другим, и наконец воцарилась тишина. Постепенно из того места, где Кичалунду провалилась под землю, стало расти дерево, оно тянулось все выше и выше, пока не достигло неба. Маленькие пастухи пригоняли свои стада под тень дерева и резвились среди его ветвей. Однажды двое мальчиков забрались выше остальных и исчезли из вида. Товарищи просили их вернуться, но те отказались, сказав: «Мы поднимемся на небо, в верхний мир!» Больше этих мальчиков никто никогда не видел. Люди говорят, что они отправились к племени, живущему над небом.

Два других примечательных предания о небесных обитателях тоже относятся к фольклору чага. Мужчина и женщина – как говорят, предки ныне существующего клана Молама – пришли на землю с неба. Рассказывают, что в мир людей их послал Рува; первоначально у этой пары были хвосты, которые впоследствии они вынуждены были отрезать. Другая история рассказывает о существе по имени Мруле (не путать с Мриле), которое также спустилось с неба и сперва отправилось к народу масаи, а затем к племени чага, живущему у реки Шире. У этого существа была лишь одна нога, и всем своим видом оно напоминало полулюдей, о которых мы поговорим позже. Люди, испугавшись его странного облика, отказались предоставить Мруле приют и не дали ему пищи. Поэтому он вынужден был вернуться на небо, а люди впоследствии пожалели о проявленной ими жестокости.

Мы уже упоминали сказку ронга о Дороге в небо, которая в этой связи представляет большой интерес. Она принадлежит к очень распространенной группе историй, большинство из которых, впрочем, повествуют о подземном мире мертвых, а вовсе не о стране, расположенной над небом. Эти истории демонстрируют очевидную связь с европейскими сказками, типичной из которых является сказка братьев Grimm «Фрау Холле». Но подобные идеи, вероятнее всего, возникли независимо друг от друга, поэтому вряд ли есть смысл рассуждать о едином источнике концепции и ее распространении или даже о заимствовании идеи из Европы.

Сказка «Дорога на небо», процитированная Жюно, очевидно, далека от примитивной версии и в ходе своей эволюции утратила ряд важных деталей. Поэтому разумнее будет начать с варианта, приведенного Даффом Макдональдом под заголовком «Три женщины», хотя и этот вариант ясен не во всех отношениях. Установить смысл некоторых эпизодов можно только путем сравнения этой сказки с другими историями.

«Однажды три женщины, взяв с собой детей, отправились к реке. У реки одну из женщин обманули ее товарки, сказавшие: «Брось своего ребенка в воду, своих детей мы уже бросили». На самом же деле они спрятали детей под деревом».

На первый взгляд в этой жестокой и бессмысленной шутке нет никакого смысла, но сказка чага, которая начинается совершенно по-другому, возможно, проливает свет на этот эпизод. Сын вождя взял в жены девушку из другой деревни. По пути домой он сажает невесту в большой бочонок с медом и переносит через горы на спине. По дороге девушка слышит мычание коров, принадлежащих ее отцу, и просит жениха выпустить ее, чтобы она

могла последний раз взглянуть на коров. Пока девушка отсутствует, птица, которую называют *кириндово*, занимает ее место в бочонке. Жених полагает, что невеста вернулась, и закрывает крышку бочонка. История, впрочем, не повторяет сюжетную линию сказки «Фальшивая невеста», поскольку настоящая невеста легко восстанавливает свои права и занимает полагающееся ей место, а *кириндово* (неизвестно, превратилась ли она в человека или нет) становится второй женой. Когда первая жена производит на свет ребенка, ревнивая *кириндово* изготавливает из бананового стебля фальшивого младенца и бросает его в водоем, убеждая мать, что в результате ребенок станет сильнее и красивее. Здесь мотив обмана матери, которую побуждают утопить ребенка, совершенно ясен.

Но вернемся к нашей истории про трех женщин. «И вот женщина бросила своего ребенка в воду, и крокодил проглотил его. Тогда ее товарки принялись смеяться над ней. «Мы обманули тебя!» – говорили они. Тогда мать «взобралась на дерево и сказала: «Я хочу подняться еще выше», и дерево стало расти, пока не достигло неба». Здесь не говорится, что женщина хочет найти дом Мулунгу, это станет ясно позже. Она встречает леопардов, которые спрашивают женщину, куда она направляется, и она говорит им: «Я хочу вернуть своего ребенка; мои спутницы обманули меня, они сказали: «Брось своего ребенка в воду». Леопарды отправили ее к неким существам, называемым *нсензи* (которых Макдональд причисляет к птицам), а те в свою очередь послали ее *мазомбе* (рыбам), которые спросили женщину: «Чего ты хочешь?» Та ответила: «Я хочу узнать дорогу». – «Куда?» – спросили мазомбе. «Дорогу к Мулунгу». Те, кто встречался женщине на пути, не просили ее оказать им какую-либо помощь, но ее вежливые ответы пришлись по вкусу леопардам и другим существам, поскольку говорили о ее добром нраве. Наконец женщина находит «деревню Мулунгу» и рассказывает ему свою историю. Мулунгу призывает к себе крокодила и возвращает женщине ее ребенка. «Женщина взяла ребенка и спустилась вниз, – не уточняется, как именно, – к своей матери». Ее товарки, услышав о случившемся, немедленно побросали своих детей в воду и залезли на дерево. Они дерзко разговаривали с леопардами, *нсензи* и *мазомбе* и даже осыпали их бранью.

«Затем они пришли к Мулунгу. «Чего вы хотите?» – спросил он. Женщины сказали: «Мы бросили своих детей в воду». – «Что же заставило вас сделать это?» – спросил Мулунгу. Женщины скрыли истинную причину своего поступка и ответили: «Ничего». Но Мулунгу сказал: «Это ложь. Вы обманули свою подругу, сказав ей: «Брось своего ребенка в воду», а теперь вы лжете мне». Затем Мулунгу взял калебас с молнией и сказал: «Ваши дети здесь». Женщины взяли калебас, который вдруг издал ужасный звук, похожий на выстрел из ружья, и они умерли».

В «Дороге на небо» начало, как мы уже увидели, совсем иное: юная девушка, испугавшись, что ее будут ругать за разбитый кувшин, взобралась по веревке, чтобы найти убежище на небе. Поскольку в начале истории ничего не говорится о ребенке, уже рожденном или только ожидаемом, слова девушки, пришедшей в Небесную деревню: «Я пришла сюда в поисках ребенка», ставят в тупик. Впрочем, ситуация проясняется при сравнении этой истории с вариантом, который рассказывает племя *яо* и который, без сомнения, представляет собой более древнюю форму. Можно предположить, что начало истории было изменено с целью преподать урок своенравным и капризным дочерям. Может быть также, что случайно или намеренно две различные сказки были объединены в одну. Финальная развязка аналогична в обеих историях.

Нельзя не вспомнить и многочисленные варианты сказки о сводных сестрах, одна из которых – та, с которой плохо обращаются, – добра и готова всем помочь, и в конце сказки ее непременно ждет награда, в то время как ее избалованная и испорченная сестра ведет себя по-иному и ее ждет справедливое наказание. Истории подобного рода всегда связаны не с небом, а с подземным царством мертвых. В оригинальной версии сказки «Фрау Холле» девушка падает в колодец. Жена в сказке чага (где комбинация эпизодов противоположная) бросается в озеро, где утонул ее ребенок, и оба попадают в место, именуемое Страной Духов. В варианте истории из Сьерра-Леоне мачеха посылает падчерицу к «Дьяволу». Загадочная

деревня, где, по мнению хауса, живут целители людей, тоже, судя по всему, находится в подземном мире. В другой сказке хауса «О том, как бедная девушка стала богатой» девушки не покидают мир живых; их цель – река Багаджун, возле которой живет колдунья. По пути к ней девушки проходят мимо рек из молока и меда. Этот эпизод может быть как отголоском индийских мифов, так и продуктом исключительно африканского мифотворчества.

В главе «Маленький народ» я процитирую историю чага, которая принадлежит к тому же типу, что и истории, упомянутые выше, но небо здесь заменено вершиной Килиманджаро, а вместо небесного народа фигурируют карлики ваконьинго. Примечательно, что в то время как небесные жители, по версии чага, незнакомы с огнем, герой этой сказки обучает ваконьинго защитной магии. Любопытно сравнить эту историю с преданием покомо, которое рассказывает о прародителе племени, получающем сведения об огне от коренного населения, васанье. К сказкам подобного рода мы еще вернемся, когда будем говорить о духах предков и мире мертвых.

Глава 2

Мифы о происхождении

Такой заголовок кажется мне здесь более подходящим, чем «Мифы о сотворении мира», поскольку собственно о сотворении мира в том смысле, как его понимаем мы, в легендах банту говорится чрезвычайно мало. В большинстве случаев предания не упоминают процесс сотворения земли, она словно бы существовала с самого начала. Иногда мы встречаем рассказы о сотворении людей, но гораздо чаще они просто «появляются» – спускаются с неба, выходят из земли, а порой в истории даже не делается попытки объяснить, откуда взялись люди. Жюно говорит: «Я думаю, что проблема происхождения человека занимает ум банту куда больше, чем проблема происхождения целого мира». И это действительно так. Иногда даже возникает впечатление, что, когда в фольклоре все же встречаются скудные сведения о том, что Катонда, или Мулунгу, или Ньямбе сотворили землю, солнце и т. п., – все это не более чем импровизация, призванная «успокоить» европейцев, желающих получить информацию по вопросу, который никогда прежде аборигены себе не задавали. По словам Даффа Макдональда, «существование мира принимается как данность, которая не требует объяснений. Существуют, однако, легенды, рассказывающие о появлении солнца, луны и звезд, туч и дождя, а также о том, как возникли горы и реки». Мтанга – божество народа яо (которое некоторыми отождествляется с Мулунгу) – сжал поверхность земли, и появились горные хребты, вырыл реки и «привел землю в порядок». То есть земля уже существовала, надо было только «придать ей форму».

У бушонго есть история, больше похожая на настоящую легенду о сотворении мира, но тоже весьма своеобразная, во всяком случае, мне не приходилось встречать в Африке ничего похожего. Бумба, Творец, которого африканцы представляют себе как гигантское человекообразное существо, в начале мира существовал один, а в мире в то время не было ничего, кроме воды. Некоторые детали в этом повествовании, за исключением верховного акта сотворения мира, удивительно напоминают Книгу Бытия. Здесь надо учитывать тот факт, что бушонго были совершенно не затронуты влиянием миссионеров, а также то, что передавший эту историю Тордей почти не зависел от переводчиков.

Однажды Бумба, говорят бушонго, почувствовал страшную боль в животе и «извергнул из себя солнце, луну и звезды», дав таким образом миру свет. По мере того как солнечные лучи осушали землю, на ее поверхности стали появляться песчаные отмели, но жизни на земле не было. Тогда Бумба тем же способом произвел на свет восемь живых существ, которые, в свою очередь, дали жизнь, за некоторым исключением, всему остальному. Это были леопард, орел, крокодил, маленькая рыбка (прародительница всех прочих рыб), черепаха, пантера, белая цапля, жук и козел. Затем Бумба сотворил людей. Были ли среди них три сына, которые впоследствии выходят на сцену, неизвестно. Животные взяли на себя населить мир, однако неясно, по какому принципу они это сделали. От козла произошли все

рогатые животные, от жука – все насекомые, от крокодила – все змеи и игуана, белая цапля дала жизнь всем птицам, за исключением коршуна. Затем эстафету переняли сыновья Бумбы. Один создал белых муравьев, которые, очевидно, насекомыми не считались. Второй сын создал растение, от которого возникла вся растительность на земле. Третий сын пытался создать новые существа, но единственное, что у него в результате получилось, – коршун. Почему коршун так обособляется от всех прочих птиц, не объясняется.

Согласно преданию, бушонго пришли с далекого севера, возможно из района озера Чад, уже в исторические времена. Правда, что имя Бумба (который был не только Творцом, но и первым предком, чьи прямые потомки, правящие вожди, бережно сохранили в своей генеалогии каждое звено) встречается и у других племен, таких как, например, байла. Но само имя это принадлежит банту, а бушонго принесли с собой с севера странный архаичный язык, не относящийся к группе банту, который теперь уже почти совсем вышел из употребления.

Переходя к концепции происхождения людей от деревьев или растений, мы можем связать воедино легенды гереро, зулусов и других племен, обитающих к югу от Замбези.

Зулусы рассказывают: «Говорят, что мы, люди, вышли из тростниковых зарослей». Некоторые довольствуются этим общим заявлением, другие говорят, что было некое существо Ункулункулу, которое «появилось на свет в долине, где было много тростниковых зарослей (*умланга*), и все люди произошли от Ункулункулу. Все, как и Ункулункулу, произошло от тростника – люди, животные и зерно».

Басуто определенно считали, что первые люди произошли от тростника, поэтому у них принято было втыкать тростинки или пучки тростинки в крышу хижины, где родился ребенок. У народа тонга существуют различные вариации истории, в которых фигурирует то одна тростинка, то целые тростниковые заросли: в первой версии «один мужчина и одна женщина вышли из одной тростинки, стебель которой вдруг лопнул». Во втором варианте «люди из разных племен появились из тростниковых топей, и каждое племя уже было в своей одежде, со своим оружием и обычаями».

Гереро верили, что их предки произошли от священного дерева. Они называют дерево *Омумборомбонга*, а ботаники идентифицируют его как комбретум (*Combretum primgenum*). Говорят, что настоящее дерево, от которого произошли люди, все еще растет в Каоковельде, к западу от земли племени ндонга и к югу от реки Кунене. Бейдербек говорит об этом дереве так, словно видел его собственными глазами. «В этом дереве нет ничего необычного, разве что оно выглядит очень старым и, так сказать, допотопным. Овагереро (гереро), проходя мимо него, почтительно кланяются, в руках они держат пучок зеленых веток, которые втыкают в дерево или просто бросают к его корням. Они разговаривают с деревом и сами себе отвечают за него измененными голосами». Примечание, сделанное другой рукой, гласит, что гереро почитали все деревья этого вида, приветствуя их словами: «*Tame Мукуру, узера!*» – «Отец Мукуру, ты священен!» или, скорее, «табу». «Прежде овагереро выказывали такое почтение дереву, что даже не осмеливались сидеть в его тени».

Следует, однако, отметить, что лишь сами гереро и их скот произошли от священного Омумборомбонга. Некоторые племена банту верят, что люди, а также козы, овцы и бабуины произошли от скалы. Наиболее широко распространено предание о происхождении человека от тростника, но некоторые африканцы верят, что люди вышли (вместе с животными) из пещеры. Аньянджа утверждают, что первые люди появились из дыры в земле в месте, называемом Капиримтья, где скала все еще хранит следы ног людей и животных. Это место, как говорят, находится на холме или на острове в озере, расположенном где-то на западе от озера Ньяса. Корреспонденту журнала «Жизнь и труд» (издание миссии Блантайр) показали предполагаемое место рождения человека, расположенное на территории племени вемба: «скальный массив, на котором можно увидеть то, что аборигены называют следами ног взрослого человека, ребенка, зебры, лошади и собаки».

Примечательно, что, по словам Стоу, во всех мифах банту о происхождении человека – ведущих его от расколовшегося тростника или трещины в скале – бушмены не упоминаются,

словно считается, что они существовали изначально. Некоторые из этих «преданий утверждают, что, когда их предки мигрировали на юг, они нашли незаселенную землю, там жили только дикие звери и бушмены – очевидно, в данном случае бушмены причислены к животным...».

Масаи утверждают, что, «когда Бог явился, чтобы подготовить мир для заселения его людьми, он нашел здесь доробо, слонику и змею». Доробо – это племя охотников, которые, должно быть, населяли землю до масаи, а теперь занимают по отношению к ним положение не то вассалов, не то рабов. Тот факт, что не только доробо, но также слон и змея стоят особняком, в высшей степени любопытен. На протяжении некоторого времени эти трое жили вместе, а доробо завел корову. Через некоторое время доробо поссорился со змеей, чье дыхание, сказал он, сильно раздражало его кожу. Бедная змея смиренно извинилась, сказав: «О отец мой, мое испорченное дыхание коснулось тебя ненамеренно», но доробо, хотя и не сказал ничего тогда, выждал удобный случай и убил змею палкой. Слониха, скучая по змее, осведомилась, где ее подруга. Доробо притворился, будто ничего не знает, но слониха, которая, без сомнения, уже составила свое мнение о его характере, не позволила себя обмануть. Через некоторое время у слонихи появился детеныш. К этому времени дожди уже закончились и все водоемы высохли, за исключением одного озерца, куда доробо каждый день водил свою корову на водопой. Однажды слониха тоже пришла к озеру и, утолив жажду, легла в воду, подняв со дна тучи ила, так что доробо, придя к водоему и обнаружив грязную воду, очень рассердился. Он ничего не сказал, а выждав некоторое время, в один прекрасный день сделал стрелу и убил слонику. Осиротевший слоненок сказал: «Доробо плохой. Я не останусь здесь. Сначала он убил змею, а теперь он убил мою мать. Я уйду и никогда не буду жить рядом с ним». И слоненок отправился в другие земли, где встретил одного из масаи и рассказал ему о случившемся. Масаи был так поражен услышанным, что решил сам увидеть доробо. Слоненок и масаи пришли к хижине доробо и увидели, что Бог опрокинул ее, так что открытая дверь смотрела в небо. Часть истории была утрачена, поскольку дальше мы вдруг узнаем, что Нгаи позвал доробо и сказал ему: «Я хочу, чтобы ты пришел завтра утром, мне нужно кое-что сказать тебе». Масаи услышал эти слова и сыграл над доробо шутку, которую в свое время Иаков сыграл над Исавом, – а именно решил прийти первым. Удивительно, однако, что, когда «он пришел к Нгаи и сказал: «Я пришел», тот не заметил подмены, а принялся давать ему советы, предназначенные для доробо. Так, он должен был построить большой крааль для скота, а потом отправиться в лес и найти там тощего теленка, которого следует привести домой и забить, а мясо сжечь. Затем он должен пойти в свою хижину – хижину доробо, разумеется, – и не пугаться и не кричать, что бы он ни услышал. Масаи сделал все, как было сказано, и ждал в хижине до тех пор, пока не услышал звук, похожий на гром. Нгаи опустил с неба веревку из кожи, и по этой веревке в крааль стал спускаться скот. Скот все спускался и спускался, пока крааль не заполнился. Наконец животных стало так много, что они стали ломать хижину. Масаи, испугавшись, закричал и выбежал из хижины и обнаружил, что веревка обрезана и скот больше не спускается по ней. Нгаи заявил, что если бы человек придержал язык, то получил бы куда больше скота.

Эта история призвана объяснить тот факт, что у масаи есть скот, а у доробо его нет. «Теперь же, – говорит рассказчик, – если у племен банту есть скот, значит, предполагается, что они его нашли или украли, и масаи говорят: «Это наши животные, пойдём и заберем их, ибо Бог в былые времена отдал нам весь скот на земле».

Другая версия этого мифа ничего не рассказывает о плохом поведении доробо и говорит только о том, что масаи обманом лишил его скота. Эта версия очень похожа на историю, рассказанную выше, но в конце есть одно важное дополнение, которое *может* содержать намек на более древнюю и ныне утраченную часть истории: «После этого доробо отрезал веревку, по которой спускался скот, и Бог ушел далеко».

Следует ли это понимать как намек – возможно, неясный и самому рассказчику, – что отношение доробо к его ближним сделало землю невозможной для пребывания Нгаи? Если

так, то мы должны вспомнить, что яо говорят о Мулунгу.

Эта история существенно отличается от легенды, упомянутой Ирле и объясняющей, как гереро получили скот, который нама всю жизнь у них крали. Первые люди поссорились из-за шкуры первого заколотого быка. Теперешний цвет кожи их потомков определился как раз в тот момент и зависел от того, какую часть туши их предки получили: предки гереро съели печень, поэтому дети их стали черными; нама – красные, потому что их отцы получили легкие и кровь. Легенда нанди о происхождении очень близка к легенде народа масаи, но есть и очень любопытные различия. В целом, в то время как масаи и нанди рассказывают разные версии одной и той же истории, вариант последних является более примитивной формой. В этом случае Бог тоже нашел землю, на которой жили доробо и слон, а третьим в их компании была не змея, а Гром. Гром почти с самого начала не доверял доробо, потому что тот, лежа, мог повернуться не вставая, чего не мог сделать ни слон, ни Гром. Гром предостерег слона, но тот только рассмеялся в ответ, и тогда Гром удалился на небо, где с той поры и пребывает. А доробо заметил: «Тот, кого я боялся, ушел, а слон мне не страшен» – и тут же выпустил в слона отравленную стрелу. Несчастный слон слишком поздно позвал Гром на помощь, прося забрать его на небо, но получил отказ. Доробо пустил вторую стрелу, и слон умер, а охотник «прославился во всех землях».

Интересно, отражают ли все эти истории некое туманное представление, что слон принадлежит к древнему миру, что он не просто существовал на земле до того, как там появились люди, но что он – уцелевший свидетель минувшей эпохи. Возможно, африканцы еще застали некоторых из ранних позвоночных – гигантских ящеров или китообразных, – и память о них сохранилась в фигурках, создаваемых племенами яо и аньянджа для своих церемоний.

Другие племена верили, что первый человек или первая пара людей спустились с неба, как перуанский Манко Капак и Мама Окльо¹⁷. Галла говорят, что прародитель их древнего клана – Ута Лафико – поступил именно так.

Подобного рода верования существовали и у народа баганда, считавшего, что Кинту – первый человек – спустился с неба¹⁸. Но это явно противоречит рассказываемой о Кинту истории, согласно которой обитатели неба знали о Кинту не больше, чем Мулунгу знал о двух странных созданиях, обнаруженных в ловушке Хамелеона. В истории сказано лишь, что Кинту и его корова «пришли в эту землю» (откуда – не объясняется) и нашли ее необитаемой, поскольку земля была бесплодна. Некоторое время Кинту питался молоком, что давала корова, но однажды он увидел, как какие-то существа спускаются с неба. Это были сыновья Неба (Гулу) и их сестра Намби, которая сказала братьям: «Посмотрите, это же человек, откуда он тут взялся?» Выяснилось, что Кинту и сам не знал, откуда он появился. В течение короткого разговора он произвел такое благоприятное впечатление на Намби, что она сказала братьям: «Кинту мурунгу ммага-ла, ммуфумбирве» – «Кинту хороший, он нравится мне – позвольте мне выйти за него замуж». Братья, вполне естественно, стали возражать, спрашивая сестру, уверена ли она, что Кинту действительно человеческое существо. «Я знаю, что он человек, – ответила Намби, – животные не строят дома», из чего мы можем сделать вывод, что Кинту построил себе хижину, хотя этот факт прежде в истории не упоминался. После этого Намби повернулась к Кинту и с очаровательной прямотой сказала: «Кинту, я люблю тебя. Позволь мне вернуться домой и рассказать отцу, что я встретила человека из леса, за которого хочу выйти замуж». Сыновья Неба были крайне недовольны поведением сестры, они сообщили отцу, что Кинту не ест обычную пищу и

¹⁷ Манко Капак (Великий Манко кечуа), согласно устному инкскому преданию, – первый инка, сын Солнца и Луны, Мама Окльо – его сестра (жена). (Примеч. пер.)

¹⁸ У Роско только говорится, что Кинту «предположительно» спустился от богов. Галла (с которыми правящая династия баганда вроде бы состояла в родстве) определенно утверждают, что прародитель Ута Лафико (их главного клана) спустился с неба.

вообще существо крайне подозрительное. Гулу предложил сыновьям украсть у Кинту корову «и посмотреть, умрет он или нет». Сыновья украли у Кинту корову, и тому некоторое время пришлось питаться корой деревьев. Намби, тревожась за своего любимого, спустилась на землю, чтобы позаботиться о нем, и привела его с собой на небо. Там он увидел «много людей и скота, много банановых деревьев и домашней птицы, овец и коз и многое из того, что съедобно». (Короче говоря, то, чего еще не существовало на земле, но в изобилии было на небе.) Гулу, узнав о появлении Кинту, решил подвергнуть его испытанию. Неясно, желал ли он выяснить, может ли Кинту есть человеческую – или небесную – пищу, или хотел расстроить нежелательный брак, поставив невыполнимые условия. Он приказал своим слугам построить дом без дверей и посадил в него Кинту вместе с десятью тысячами связок истолченных бананов (*эмере*), тысячей туш волов и тысячей бутылей бананового пива (*омвенге*). Если Кинту не сможет все это съесть, сказал Гулу, «значит, он не настоящий Кинту, он лжет и мы убьем его». Сообщение же, переданное Кинту, было менее ультимативным: «Гость Кинту, говорит Гулу, возьми эмере, и мясо, и пиво. Если ты не сможешь съесть их, значит, ты не Кинту и не можешь иметь корову, и я не отдам тебе свою дочь».

Кинту вежливо поблагодарил хозяина, но, оставшись один, уже готов был впасть в отчаяние, как вдруг увидел, что в самом центре его дома разверзлась земля. Он побросал в дыру излишки пищи, и дыра немедленно закрылась. Таким же способом Кинту выполнил два других задания Гулу – или, скорее, они были выполнены за него, и Кинту даже не мог объяснить как. В истории нет ни одного намека на то, кто или что было той дружественной Силой, которая встала на его сторону в борьбе с Гулу и была явно могущественнее последнего. Еще один примечательный момент – история утверждает, что Кинту молился и рассказал о своих трудностях, но не говорится, кому именно. После трех благополучно пройденных испытаний Гулу сказал, что Кинту может получить назад свою корову, если сможет отыскать ее в стаде, которое Гулу приказал собрать – всего около двадцати тысяч голов. И снова Кинту устрасился сложности задания, как вдруг услышал возле своего уха жужжание шершня. Шершень сказал: «Следи за мной! Корова, на чей рог я сяду, и есть твоя». Но в этот раз шершень не указал ни на одну из коров, и Кинту сказал: «Уведите это стадо, здесь нет моей коровы». Привели второе стадо, и опять шершень не подал условного знака, но, когда пришло третье стадо, шершень взлетел и опустился на одну из коров. «Вот моя корова», – сказал Кинту, подошел к ней и похлопал ее по боку тростью. Затем шершень подлетел к красивой телке. «А это теленок моей коровы», – сказал Кинту. Таким же образом он указал на другого теленка. Гулу рассмеялся и сказал: «Кинту – это чудо! Его никому не провести! Все, что он сказал, – правда. Хорошо, пусть позовут мою дочь Намби». И Гулу отдал свою дочь в жены Кинту и отпустил их жить на землю, дав с собой домашнюю птицу, банановое дерево, а также семена и корнеплоды основных сельскохозяйственных культур, которые теперь возделывают баганда¹⁹. Гулу также предупредил их, чтобы они ни в коем случае не возвращались, даже если им покажется, что они что-то забыли. Но поскольку нарушение этого условия повлекло за собой появление на земле Смерти, то уместнее будет рассказать об этом в следующей главе. Итак, пара спустилась на землю «здесь, в Магонге», обзавелась хозяйством и стала обрабатывать землю. Намби посадила банановое дерево, от которого расплодилось огромное количество новых отростков, и с течением времени Кингу и Намби обзавелись тремя детьми.

Этот Кинту, разумеется, фигура абсолютно мифологическая, хотя у нас есть основания предполагать, что Кинту, от которого ведут свое происхождение короли Уганды (каждое звено в родословной сохранено), был историческим персонажем, который пришел в Уганду с севера. Фактически, как отмечает Роско, предания некоторых кланов не соответствуют

¹⁹ Список включает маис и батат (сладкий картофель). Поскольку эти продукты были ввезены в Африку португальцами только в XVI веке, упоминание о них было включено в историю позднее.

легенде, приведенной выше. Некоторые говорят, что Намби не была дочерью Неба, а была женщиной из клана Протоптера (двоякодышащей рыбы), который, следовательно, уже жил в той земле к моменту появления Кинту. Здесь до сих пор хранятся некоторые, довольно сомнительные реликвии вождей, правивших до Кинту. В варианте истории, приведенном Стэнли, Кинту предстает как самый обычный переселенец, пришедший с севера со своей женой, приведший с собой основных домашних животных и принесший семена сельскохозяйственных культур. Через много лет он ушел из дома, испытывая отвращение к жестокости, выказываемой его потомками, и наследники напрасно искали его. Кинту явился только двадцать второму королю, Маванде, прося его прийти на место для собраний. С собой король мог взять только свою мать. Один из советников Маванды, втайне от короля, последовал за ним в лес. Кингу спросил Маванду, почему он ослушался его повеления, и последний, обнаружив советника, убил его. Кингу опять исчез, и никто никогда его больше не видел. Неясно, однако, что было тому причиной – непослушание ли советника или жестокость короля, убившего человека. Может быть, перед нами очередная версия легенды о Творце, покидающем землю, как в случае с Мулунгу и Бумбой.

А вот другая история о прародителе племени, который появляется на необитаемой земле, не спустившись при этом с неба, – это легенда о Вере, от которого ведет свое происхождение племя буу покомо. Иногда о нем говорят как о сверхъестественном существе, «не имеющем ни отца, ни матери». Другие рассказчики объясняют, что никто не знает, откуда он пришел и кто были его родители. Вере в одиночестве странствовал по лесам в долине Таны, питаясь фруктами с дикорастущих деревьев и сырой рыбой, поскольку ничего не знал об огне и не имел возможности добыть его. Через два года скитаний он встретил некоего Мицоцозини, который показал ему, как добывать огонь при помощи двух палочек и готовить на огне пищу. Примечательно в этой истории то, что Мицоцозини принадлежал к племени охотников васанье, которые считались куда менее искусными в ремеслах, чем банту. Это может указывать также на то, что васанье – как и доробо, с которыми они, между прочим, поддерживали добрососедские отношения, – принадлежали к коренному населению этой земли. Более того, поскольку некоторые из племени буу ведут свое происхождение от Мицоцозини, а также от Вере, мы можем сделать вывод, что уже в ранний период имели место межплеменные браки между покомо и васанье.

Прежде чем завершить эту главу, расскажу о чрезвычайно любопытном мифе нанди. Он интересен не только сам по себе, но и из-за точек соприкосновения с преданиями народов, живущих на дальнем юго-западе континента. Среди сказок народа масаи, собранных Холлисом, одна называется «Старик и его колено». Она повествует о том, как одиноко живущий старик сильно страдал от опухоли в колене, которую он принимал за нарыв. Однако через полгода, когда нарыв не прорвался, старик сам разрезал его и оттуда вышли два ребенка – девочка и мальчик. Дальше история практически повторяет сюжетную линию сказки сесуто «Тселане» и прочие сказки о людоедах, хотя и без обычного счастливого конца. Это не миф о происхождении, а обычная сказка. Впрочем, у нанди есть то, что можно назвать более древней версией этой сказки. «У клана Мои есть предание, гласящее, что первый Доробо (тут мы снова встречаем упоминание Доробо как первопредка людей) произвел на свет мальчика и девочку. Однажды нога его опухла... в конце концов нарыв прорвался и из внутренней части голени появился мальчик, а из внешней вышла девочка. У этой пары через какое-то время появились свои дети, ставшие предками всех людей на земле».

Та же идея распространена у вакулуве (живущих между озерами Ньяса и Танганьика), которые считают, что первая пара людей спустилась с неба, но потомков произвела необычным путем. Нгулве (местный эквивалент Мулунгу) заставил ребенка, известного как Канга Масала, выйти из колена женщины.

Трудно сказать, что кроется за этим представлением, но оно вновь возникает, искаженное и наполовину забытое, в готтентотской мифологии. Много споров вызвал Тсуи-Гоаб (или Тсуни-Гоам) – высшее существо готтентотов. Это имя давно

интерпретировалось как «Раненое Колено». Во время сражения, в котором Тсуи-Гоаб победил злое существо Гаунаба, Тсуи-Гоаб поранил колено. Хан, который стремился доказать, что кой-коин (самоназвание готтентотов) имели самое возвышенное представление о своем Боге, отказался от своей интерпретации в 1881 году (хотя прежде рьяно отстаивал ее) и склонился к точке зрения, что Тсуи-Гоаб означает «Красный Рассвет», тем самым включая это существо в категорию небесных богов. Кронляйн, один из признанных знатоков готтентотских языков, переводит имя как «Тот, кого трудно умиловать». Это толкование, как мы видим, сильно отличается от интерпретации Хана. Доктор Л. Шультце доказывает, что интерпретация Кронляйна недопустима с лингвистических позиций, и высказывается, на основании своих собственных независимых исследований, в поддержку прежнего толкования Хана, а именно что имя Тсуи-Гоаб – есть эквивалент Раненого Колена, ссылаясь на изложенную выше историю. Шультце не упоминает теорию, за которую ратует Хан в своей поздней работе.

Эта история, конечно, в корне отличается от мифа нанди в пересказе Холлиса, но мы уже видели, как этот миф трансформировался у масаи, более не признающих его частью своей Книги Бытия. Готтентоты, которые (как было недавно открыто в ходе изучения их языка и обычаев) находятся в отдаленном родстве с масаи и другими хамитскими и полухамитскими племенами северо-востока Африки, на протяжении столь долгого времени были отделены от своих собратьев, и легко могли позабыть первоначальное значение «Раненого Колена».

Личность Тсуи-Гоаба представляет некоторую загадку. Это персонаж, очень схожий с Хейтси-Эйбибом (о котором мы поговорим позже и которому явно приписываются некоторые приключения Тсуи-Гоаба), а также с первопредком Гурикхойсибом, долгое время скитавшимся по необитаемой земле. Далее Хан отождествляет Тсуи-Гоаба с грозовой тучей и громом. Трудно решить, есть ли для этого какие-то веские основания; лучше привести здесь историю о Тсуи-Гоабе, рассказанную Хану стариком из племени нама, который родился не позднее 1770 года, поскольку «в 1811 году... у него уже были взрослые дети».

«Тсуи-Гоаб был великим, могущественным вождем кой-коин (готтентотов); фактически он был первым кой-коином, от которого произошли все племена койкой. Но Тсуи-Гоаб – это не настоящее его имя. Этот Тсуи-Гоаб отправился на войну с другим вождем, Гаунабом, ибо последний убил многих людей Тсуи-Гоаба. В этом сражении Гаунаб то и дело одерживал верх. Но Тсуи-Гоаб от битвы к битве становился сильнее и наконец стал таким сильным, что легко убил Гаунаба одним ударом. Умирая, Гаунаб нанес врагу рану в колено. С тех пор победитель Гаунаба получил имя Тсуи-Гоаб (Больное Колено или Раненое Колено). Как следствие, он охромел. Тсуи-Гоаб был очень мудр и мог творить чудеса, которые другим были не под силу. Он мог предсказывать будущее. Он несколько раз умирал и снова воскресал. И когда бы он ни возвращался к нам, каждый раз мы устраивали большие празднества. Из каждого крааля приносили молоко, забивали тучных коров и откормленных овец. Тсуи-Гоаб дал каждому человеку много коров и овец, потому что был очень богат. Он посылает дождь, нагоняет тучи, он живет в облаках и делает наших коров и овец плодовитыми».

Эти многочисленные смерти и воскрешения также встречаются в легенде о Хейтси-Эйбибе, который, в свою очередь, тоже одним ударом убил злодея по имени Гама-Гоуб (по Хану, «это существо почти идентично Гаунабу»).

Отъявленные злодеи редко фигурируют в африканской мифологии, по крайней мере, такие персонажи не характерны для мифологии банту, которые считают, что духи могут быть плохими или хорошими – или, скорее, дружески расположенными и враждебными – в зависимости от складывающихся обстоятельств. Если в фольклоре присутствуют злые силы, то появились они там, скорее всего, вследствие хамитского влияния. Явные исключения – Мбаси племени ванконде и Мвава племени вакулуве – нуждаются в тщательном изучении.

Глава 3

Мифы о происхождении смерти

Во всех районах Африки, населенных племенами банту, Хамелеон ассоциируется с приходом в этот мир Смерти. Легенда, о которой мы сейчас поговорим, столь широко распространена на территории, населенной бантуязычными племенами, что можно с уверенностью утверждать – она наверняка известна повсюду, просто до сегодняшнего дня еще не везде зафиксирована.

Зулусский вариант истории, переданный Каллауэем, так хорошо известен, что я лучше приведу в качестве типичного примера историю, не столь известную и записанную в Ньясаленде: «Бог послал к людям Хамелеона (*Надзикамбе*) и *Мсалулу* (разновидность ящерицы) и сказал: «Когда ты, Хамелеон, придешь к людям, скажи им: «Вы умрете, но вернетесь», мсалулу он дал другое поручение: «Скажи так: «Когда люди умрут, они исчезнут навсегда». Хамелеон ушел первым, но, так как он двигался очень медленно, Ящерица Мсалулу скоро не только догнала, но и обогнала его. Она первая нашла людей и сказала им: «Когда люди умрут, они исчезнут навсегда и никогда не вернутся назад». Через некоторое время пришел Хамелеон и сказал: «Люди умрут, но вернуться». «Мы уже слышали слова Мсалулу: «Смерть станет для вас концом», – сказали люди, – а теперь является Хамелеон и говорит: «После смерти вы вернетесь», – что за вздор!» И по сей день люди, увидев Хамелеона, засовывают ему в рот табак, чтобы Хамелеон умер, приговаривая: «Ты тащился по дороге вместо того, чтобы поспешить и прийти к нам первым». Ибо, в конце концов, лучше уйти и вернуться, чем уйти навсегда».

Судя по всему, Хамелеон везде считается животным, приносящим несчастье, а эта причудливая форма возмездия путем отравления никотином, как говорят, пришла из района Конде, из Делагоа-Бей, а также из Ньясаленда.

Гирьяма (Британская Восточная Африка, к северу от Момбасы) рассказывают очень похожую историю, но в ней есть одно важное отличие. В целом варианты этой истории соответствуют одному из двух типов. В одном случае Творец отправляет обоих посланцев, в другом – он посылает только Хамелеона, а синеголовый Геккон (а в одном случае – Заяц) отправляется к людям по собственному почину, опережает Хамелеона и передает им искаженное сообщение, то ли из вредности, то ли из шалости. Так рассказывается в только что упомянутом варианте гирьяма, в то время как по версии ньянджа Мулунгу посылает двух вестников, хотя причины этого не поясняются. Может быть, Мулунгу хотел, чтобы вопрос решила судьба. Субия говорят, что Леза послал Хамелеона с сообщением; затем, дав ему хорошую фору (фактически выждав, пока он пройдет половину пути), Леза послал Ящерицу с наказом не говорить людям ничего в том случае, если Хамелеон прибедет к ним первым. Если же Ящерица опередит его, следует сказать: «Люди умрут и никогда не воскреснут».

История луйи несколько отличается. Когда Ньямбе и его жена Насилеле жили на земле, у них была собака, которая через некоторое время умерла. Ньямбе очень горевал и хотел вернуть пса к жизни, но Насилеле, не любившая собаку, сказала: «Что до меня, то я не хочу, чтобы он возвращался, этот пес – вор!» – «А я люблю свою собаку», – повторял Ньямбе, но жена упрямо стояла на своем, и тело собаки было выброшено вон. Вскоре после этого умерла мать Насилеле. На этот раз жена умоляла вернуть мать к жизни, но муж не хотел и слышать об этом, и мать Насилеле умерла «навсегда». Далее история неожиданно переходит к уже известному нам эпизоду: «Хамелеон и Заяц отправились в путь с противоречивыми сообщениями: Заяц, несший весть о кончине без воскрешения, прибежал первым, поэтому люди умирают без надежды когда-либо вернуться на землю».

Субия рассказывают первую часть этой истории, не упоминая Лезу. В их варианте фигурируют первый человек и его жена, поссорившиеся из-за собаки. Однако есть все основания думать, что Леза и первый предок – тождественны. Легенда субия, кроме всего прочего, содержит дополнительный эпизод, не обнаруженный в версии луйи, по крайней мере в том виде, в каком она изложена у Жакотте. Мужчина раскаивается и соглашается вернуть к жизни мать жены. Он относит женщину в ее дом и принимается лечить ее

«лекарствами» (травами), веля при этом жене крепко-накрепко запереть дверь и не заходить в дом. К умершей начинает возвращаться жизнь и все идет хорошо, пока мужчина не отправляется в лес, чтобы поискать там свежих трав. В его отсутствие жена открывает дверь и обнаруживает ожившую мать, но у той «вдруг выскакивает сердце» (из тела) и «она снова умирает». На этот раз муж отказался воскрешать умершую, и с тех пор никто, умерев, не возвращался на землю.

Крапф приводит любопытный вариант истории, рассказываемой племенем амакоса, живущим в Восточной Капской провинции. Эта версия понятнее и логичнее всех прочих, но мы не можем быть уверены, что она представляет собой первый, оригинальный вариант: он мог испытать на себе более позднее влияние после того, как первоначальный вариант был уже частично забыт. Давным-давно было время, когда люди не умирали, но земля вскоре переполнилась до такой степени, что ее обитатели едва могли дышать. Было созвано собрание, которое должно было решить, что делать дальше, и кто-то сказал: «Нас может спасти только одно – люди должны умирать, чтобы всем хватало воздуха». Остальные поддержали это предложение. Решено было отправить к Творцу двух посланцев, которые должны были поставить этот вопрос. На роль гонцов выбрали Хамелеона и Ящерицу. Первому сказали: «Вожди решили, что люди не должны умирать!», а Ящерице сообщили обратное: «Мы хотим, чтобы в наш мир пришла Смерть». Здесь ставится один вопрос – умирать или не умирать, речи о воскрешении после смерти не идет. Чтобы состязание было справедливым, Хамелеона отправили в путь первым. Но, как и в других версиях легенды, он то и дело останавливался по дороге, чтобы наловить мух или полакомиться ягодами, и наконец его сморил сон. Разумеется, Ящерица легко обогнала Хамелеона.

«С тех пор, – говорит Крапф или тот, кто рассказал ему историю, – на земле воцарилась Смерть. К обоим животным люди испытывают ненависть. Хамелеона, где бы его ни встретили, травят соком табака, а Ящерица вынуждена спасаться бегством, ибо бушмены съедают каждую ящерицу, которую сумеют поймать».

Интула (или *интуло*), между прочим, по мнению зулусов, столь же несчастливый, как и Хамелеон. Интуло, заползший в хижину, считается чрезвычайно плохим предзнаменованием. Мне вспоминается трогательная деталь в письме, написанном Окамсвели, матерью ныне покойного вождя Динузулу, пребывавшего в то время в изгнании. Среди прочего в этом письме упоминалось, как одна из ящериц забралась к женщине в хижину, но она не испугалась и «укрепила свое сердце», стараясь не поддаваться злomu влиянию. И хамелеон и ящерица совершенно безвредны, хотя ящерицу довольно часто считают ядовитой в странах, где, насколько известно, с ней не связаны никакие суеверия.

Трудно сказать, то ли миф породил уверенность в ядовитости ящериц, то ли наоборот. Во всяком случае, среди банту, я думаю, верно первое предположение, а «ядовитость» – это уже попытка логически обосновать миф. Интересно в этой связи отметить одну-две истории из фольклора суахили, имеющие отношение к ящерицам. Маленькие полосатые ящерицы, которых так часто можно встретить в хижинах и которые приносят несомненную пользу, избавляя жилище от мух, называются *мджуси кафири*, «ящерицы-язычники». Мусульмане утверждают, что уничтожение этих созданий – святая обязанность каждого правоверного. Говорят, что ящерицам при этом откусывают головы, но не могу ручаться, что это утверждение соответствует действительности. Я слышала о двух причинах такого отношения к ящерицам – первая гласит, что, когда некий царь велел живьем сжечь пророка Магомета (я думаю, здесь есть некоторое смешение с легендой об Аврааме и Нимроде), мджуси кафири уселся рядом с костром и принялся раздувать пламя. Другие рассказывают, что, когда пророк и два его спутника спрятались в пещере, Паук заткал паутиной вход, а Голубка отложила два яйца на пороге пещеры, чтобы обмануть преследователей. Ящерица же пыталась выдать беглецов, кивая в сторону пещеры. Мне неизвестно, циркулируют ли эти истории за пределами Африки. Возможно, некоторые древние верования аборигенов изменились под влиянием мусульманских традиций.

Иногда можно увидеть более крупную, яркой расцветки ящерицу – небесно-голубую с

золотистой головой, – которую в Ламу называют *Канде*, бегающую вниз и вверх по стволам кокосовых пальм. Отдыхая, эта ящерица то и дело кивает вниз и вверх, из-за чего в народе укоренилось предположение, будто бы ящерица занята подсчетом тех, кто попадает в поле ее зрения, и в результате все эти люди умрут. При виде этой ящерицы женщины кричат: «*Канде, Канде, усиниванге!*» – «Не считай меня!» Здесь может существовать некоторая связь с забытой легендой, похожей на те, что живут среди племен, населяющих внутренние районы континента (гирьяма, камба (акамба) и т. д.). В Западной Африке мы встречаем эту легенду у дуала и баквири из Камеруна – последние объединяют ее с другим, очень древним мифом, который мы позднее рассмотрим более подробно. Кроме того, у этих племен пару Хамелеону составляет не Ящерица, а Саламандра. В Бамуме, равно как в Абеокуте и Бенине, фигурку Хамелеона часто вырезают из дерева или отливают из металла, но истинное его место в мифологии этих племен пока не определено. Примечательно, что, в то время как на Золотом Берегу в легенде о происхождении Смерти в качестве посланцев фигурируют Овца и Коза, существуют пословицы тви и эве, указывающие на то, что эти животные появились в легендах относительно недавно, а Хамелеон фигурировал в древнем варианте мифа.

Страх, который, судя по всему, внушало это существо – и в самом деле, весь его облик и повадки, не говоря уже о способности менять окраску, внушают мысль о сверхъестественности и дают пищу предрассудкам, – прекрасно проиллюстрирован Страком. Он рассказывает, что два мальчика из племени булу, с которыми ему удалось побеседовать в Гамбурге, весьма охотно рассказывали обо всех известных им животных, которые встречались в Зоологическом саду, до тех пор, пока в террариуме на глаза им не попался хамелеон. Оба тотчас умолкли и сделали большой крюк, чтобы обойти животное. Единственными словами, которых удалось добиться от мальчиков, были: «Его послал Бог».

Несколько лет назад Майнхоф высказал предположение, что Хамелеон фигурирует в мифе, поскольку попадает в категорию «животных-духов», то есть тех, которые считаются воплощением душ усопших. В число таких животных по разным причинам включены змеи, ящерицы, птицы, рыбы и другие существа. Животные, живущие по соседству с могилами, в особенности роющие норы в земле, легко внушают людям подобные мысли. Конечно, хамелеон не роет нор, а обитает, как правило, на деревьях или кустах, но Вундт полагает, что и ползающие существа могут стать пристанищами для душ умерших. По мнению Вундта, это представление связано с восприятием личинок мух, появляющихся на разлагающемся теле. Однако Майнхоф предложил другое объяснение: он полагает, что истинная причина содержится в сказке народа дуала, где Хамелеон описывается как «вечно дрожащее существо, которое словно бы вот-вот умрет и все же не умирает», а может статься, что не умрет вовсе. Более того, Хамелеон, по словам Майнхофа, является посланцем Луны, об их взаимосвязи безусловно говорит смена его окраски.

Но как бы хороша ни была эта версия, насколько мне известно, Хамелеона нигде не называют посланцем Луны. Луна, за одним-двумя незначительными исключениями, вообще не упоминается в легендах банту, а в соответствующих мифах готтентотов и бушменов нет упоминания и о Хамелеоне, вместо него в роли посланца выступает Заяц. Я думаю, что две группы сказок первоначально существовали независимо, не смешиваясь, и некоторые общие черты у них появились также независимо друг от друга.

У чага из Килиманджаро есть история о Луне и история о Хамелеоне, но они совершенно не связаны друг с другом. Это племя группы банту находилось в тесном контакте с племенами, не принадлежащими к упомянутой группе, например с масаи. Как следствие, основная часть их фольклора по-прежнему типична для банту, но определенно включает в себя и некоторые элементы мифологии масаи.

Миф готтентотов уже неоднократно излагался во множестве вариантов. Блик предлагает четыре версии, первая из которых отличается от трех остальных весьма примечательной деталью. Любопытна роль, которую играет в этом мифе Заяц, поскольку она опирается на концепции, совершенно отличные от тех, что существуют в фольклоре банту и хамитов.

Эта версия, переведенная с оригинального текста нама, записанного Кронляйном, гласит, что Луна отправила посланца – которого Блик деликатно назвал Насекомым, хотя в оригинале определение дано более четкое, – чтобы тот передал людям ее слова: «Подобно тому как я умираю и, умирая, живу, так и вы будете умирать и возвращаться к жизни». Насекомое было медлительным, как и следовало ожидать, и вскоре его нагнал Заяц, который поинтересовался, какое же поручение дали Насекомому. Узнав обо всем, Заяц, который передвигался гораздо быстрее, предложил свои услуги, заявив, что сам готов передать людям слова Луны. Посланец согласился. Заяц же – не уточняется, то ли из шалости, то ли по глупости – сказал людям совершенно обратное. Когда Заяц вернулся, разгневанная Луна ударила его палкой, так что у Зайца верхняя губа и по сей день рассечена. В одной из версий мифа говорится, что Заяц в ответ на это расцарапал Луне лицо, и отметины на нем видны и сейчас. Но самое важное, что в трех вариациях мифа отсутствует Насекомое – к людям был послан Заяц, который, намеренно или нет, искажил слова послания. То же самое можно отметить в истории нама, которая была записана гораздо позднее доктором Шульцце. В этой истории дается объяснение случившегося – Заяц не умышленно обманул людей, всему виной его недалекий ум. «И Заяц принес людям весть и сказал так: «Подобно Луне, вы тоже будете умирать, а потом снова появляться. Вот мое сообщение». Но, выслушав Зайца, люди воскликнули: «О чем ты говоришь? Мы тебя не понимаем». Тогда смутившийся Заяц ответил: «Я говорю вам, что вы должны умирать с открытыми глазами». «Потом он отправился обратно и пришел к Луне; Луна спросила Зайца, выполнено ли ее поручение, но тот молчал, прекрасно сознавая, что солгал людям. Тогда Луна ударила Зайца и рассекла ему губу».

Первоначально я склонна была определять мифы о Луне как типично хамитские, а мифы о Хамелеоне как характерные для банту; однако я не встретила первые ни у масаи, ни у сомали, ни у галла. С другой стороны, легенда, о которой я только что рассказала, встречается у бушменов. Впрочем, бушмены ничего не говорят о том, что Заяц был послан к людям с каким-либо поручением, между тем это примечательная деталь историй галла и нанди. Мне подумалось, что готтентоты, имеющие хамитские корни, могли принести с собой концепцию о послании Творца, призванном уверить людей в их бессмертии. Впоследствии эта концепция могла смешаться с мифом о Луне, позаимствованном у бушменов, оказавших значительное влияние на язык готтентотов и, возможно, на их воззрения.

Бушмены говорят, что Заяц некогда был человеческим существом и однажды мать его умерла. Заяц так горевал о ней, что Луна поспешила его утешить, сказав, что мать на самом деле не умерла, «но вернется, подобно мне». Заяц не поверил этому, тогда Луна разгневалась, ударила его и, как уже говорилось, рассекла Зайцу губу. Потом она превратила его в животное и наложила проклятие на него – собаки должны были преследовать его, ловить и разрывать на куски, чтобы он умер «навсегда», – а заодно и на все человечество – люди тоже должны были умирать без надежды на воскрешение.

Нанди рассказывают, что однажды к первым человеческим существам пришла Собака и сказала: «Все люди умрут, как Луна, но, в отличие от нее, вам не суждено будет снова вернуться к жизни, если вы не дадите мне отпить молока из этого калебаса и пива через вашу соломинку. Если же вы угостите меня, я сделаю так, что вы, умерев, вернетесь к жизни на третий день». История не объясняет, кто послал Собаку или как она получила информацию. Люди посмеялись над Собакой и угостили ее напитками, но сделали это без должного уважения – они просто вылили молоко и пиво на скамейку, чтобы Собака слизала их. Они не дали ей калебас с молоком и не предложили выпить пива через трубочку, как это обычно делали нанди. Собака рассердилась и, напившись, ушла со словами: «Все люди умрут, одна лишь Луна будет возвращаться к жизни».

Я слышала от Абареа, вождя племени галла в районе Малинди Восточно-Африканского протектората историю, которую рассказывают южные племена галла. Она повествует о том, как Смерть пришла в этот мир. Бог (Вак) послал к людям птицу (которую галла из-за ее крика называют *Холавака*, или «Овца Бога») с вестью. Птицу эту мне пока не удалось

идентифицировать, но это вполне может быть птица-носорог – черная с белыми отметинами на каждом плече, ее крик похож на бляение овцы. (Абареа настаивал, что птица черно-белая, «как небо» – возможно, он имел в виду грозовое небо. Или же, поскольку для обозначения черного и синего цветов используется одно и то же слово, он мог говорить о синем небе, испещренном белыми облаками.) Бог одарил птицу хохолком, «похожим на флаг, чтобы все видели, что это вестник», и велел ей передать людям: когда они почувствуют приближение старости, пусть сбросят свою кожу, и тогда молодость вернется к ним. Птица отправилась в путь, но по дороге увидела змею, которая лакомялась останками только что убитого животного. Птице захотелось присоединиться к трапезе. Она сказала змее, что передаст ей «слова Бога» в обмен на мясо и, особенно, кровь животного. (Абареа сказал при этом, что змея всегда, с самого начала, была людям врагом.) Змея сперва отказалась, но потом, уступив настойчивой птице, сдалась, и птица передала змее слова Бога так: «Люди будут стареть и умирать; но, когда ты почувствуешь приближение старости, скинь кожу – и снова станешь молодой». Вот почему люди умирают и не возвращаются к жизни, а змеи сбрасывают кожу и возвращают себе молодость. Вак был так разгневан жадностью и вероломством птицы, что обрек ее на вечное несварение желудка, так что птица теперь не знает покоя. Она прячется в ветвях деревьев и кричит плачущим голосом: «*Вакатуа-а-а!*» – по словам Абареа, – «О мой Бог! Исцели меня, ибо я страдаю!»

Здесь мы видим случай, когда сообщение было передано верно, но доставлено оно было не тому адресату – такой вариант мне больше встречать не приходилось. Идея о том, что люди могут мгновенно вернуть себе молодость, сбросив кожу, встречается и у чага, которые рассказывают, что люди и по сей день могли бы делать так, если бы не любопытство двоих детей. Их родители, которые готовились в очередной раз сбросить кожу и не желали, чтобы при этом присутствовали дети, отправили их на реку за водой, которую те должны были принести в корзине, и строго наказали не возвращаться без воды. После многочисленных безуспешных попыток наполнить корзину водой дети утомились и вернулись домой, но отец, услышав их шаги, велел им возвращаться к реке. В следующий раз дети подошли к хижине неслышно, вошли в нее и увидели мать с наполовину сброшенной кожей. Мать умерла, как с тех пор умирает каждый человек. У этого народа встречается сразу несколько различных историй. В одной из них у женщины умер ребенок, и она попросила другую жену своего мужа отнести тело в заросли²⁰ и сказать: «Иди и возвращайся снова, как Луна», но женщина была ревнива и, спрятав тело в зарослях, сказала: «Иди и не возвращайся, а Луна пусть уйдет и вернется».

Замена, сделанная племенем чага в истории о Хамелеоне, – это до некоторой степени перемена современная: она связана не с приходом Смерти в этот мир, а со спасением человечества от исчезновения. Саламандра отправилась на небо и пожаловалась, что на земле стало слишком тесно; маленькая дружелюбная домашняя Ящерка услышала слова Саламандры и подумала: «Если Бог (Ирува) уничтожит людей, где же я буду спать?» Она пошла к Богу и сказала: «Саламандра обманывает тебя; на земле живет всего несколько человек». Поэтому Ящерка – желанный гость в хижине, а злобная Саламандра, изгнанная из человеческого жилья, прячется среди камней.

Прежде чем обратиться к мифу о Валумбе, упомянутому в предыдущей главе и демонстрирующему совершенно иной строй мысли, нежели тот, что мы только что обсуждали, следует рассмотреть другое представление, встречающееся у различных племен, а именно что от смерти, представляющей собой явление универсальное, в некоторых исключительных случаях можно излечиться. У племени чага есть две легенды, иллюстрирующие это представление. Одна легенда рассказывает о гигантской улитке, которая могла оживить мертвого человека – ей надо было лишь переползти через тело,

²⁰ Таков погребальный обычай у племен масаи и нанди, позаимствованный у них народом кикуйю и другими. Церемонии, которыми окружен этот обычай, говорят о том, что это вовсе не проявление бессердечия.

оставив на нем свою слизь. После того как люди случайно узнали об этой чудесной способности улитки, они стали относить тела умерших соплеменников в лес и оставлять их там, чтобы улитка сделала свое дело. Но вождь враждебного племени, которого приводило в изумление неумещающееся количество воинов противника, узнал секрет от некой женщины, послал людей в лес, повелев им поймать улитку и забить ее копиями.

Говорят также, что у гиен есть волшебный посох, называемый *Кираса*, при помощи которого они могут возвращать умерших к жизни. Они использовали посох, чтобы воскресить умерших и узнать причину их смерти, а потом поедали тела. Однажды человек украл у гиен Кирасу, и те оказались в затруднительном положении: поскольку все умершие возвращались к жизни, гиены лишились пищи. Наконец они вернули свой посох, но из опасения, что кто-нибудь снова может украсть его, бросили посох в глубокую яму, откуда ни они, ни кто-либо другой не могли достать его.

У баганда есть легенда о Хамелеоне, очень похожая не те, что упоминались выше, но наряду с ней существует и другое сказание, возможно созданное под хамитским влиянием, наложившим явный отпечаток на жизнь баганда. Это легенда, в которой Смерть является человеком – фактически сыном Гулу (Неба). Когда Кинту и Намби оставили Гулу, чтобы поселиться на земле, они взяли с собой домашних животных и растения, которые с тех пор являются основными продуктами питания в стране. Гулу предупредил Кинту и Намби, чтобы они ни в коем случае не возвращались назад, даже если обнаружат, что что-то забыли. Валумбе (Смерть) в тот момент отсутствовал, и Гулу хотел, чтобы пара отправилась в путь до его возвращения, ибо в противном случае Валумбе непременно захотел бы их сопровождать. Пройдя половину пути, супруги обнаружили, что забыли зерно, которым должны были кормить домашнюю птицу. Кинту стал настаивать, что они должны вернуться за зерном, Намби же была против, говоря: «Нет, не возвращайся. Валумбе к тому времени уже придет, а он очень злобный. Если он увидит тебя, то непременно захочет прийти сюда, а я не хочу его видеть, он приносит одно только зло». Но Кинту все-таки вернулся, и случилось то, чего так опасались Гулу и Намби, – непрошенный шурин последовал за супругами на землю, хотя в течение некоторого времени не причинял им никаких хлопот. Когда дети Кинту немного подросли, Валумбе явился и потребовал отдать ему одну из девочек, чтобы та готовила ему пищу. Кинту отказался, и Валумбе пригрозил убить детей. Кинту не обратил внимания на угрозу, но инцидент повторился несколько раз. Наконец дети стали чахнуть и умирать. Не на шутку встревоженный отец отправился к Гулу за помощью. Легко догадаться, что ответил Гулу, однако через некоторое время он все же смиростивился и послал другого сына, Каику-зи, вернуть Смерть на небо. Сперва Каикузи пробовал убедить Валумбе вернуться по-хорошему, но тот заявил, что уйдет только вместе со своей сестрой, Намби. Тогда Каикузи попытался схватить Валумбе и силой вернуть его домой, но тот выскользнул из рук брата и спрятался под землей. Дважды Каикузи удавалось схватить Валумбе и вытащить из-под земли, но тому всякий раз удавалось сбежать. Через некоторое время, когда Валумбе уже изрядно утомился, Каикузи велел Кинту приказать всем оставаться дома в течение двух дней. Даже дети не должны были выходить, чтобы пасти скот. Если же кто-нибудь увидит, как Смерть выходит из-под земли, он ни в коем случае не должен поднимать тревогу. Однако, несмотря на запрет, несколько ребятишек отправились пасти скот у холма Танда (в центральном районе Уганды). Играя на лугу, они увидели, как из-под земли появляется Смерть, и тут же подняли крик, предупреждая всех об опасности. Каикузи поспешил к детям, но было слишком поздно – Валумбе опять скрылся. Каикузи заявил, что устал охотиться на брата и должен вернуться на небо. Кинту принял это решение философски: «Очень хорошо... раз ты не можешь поймать Валумбе, оставь его и возвращайся к Гулу. Если Смерть хочет убивать людей, пусть я, Кинту, не перестану производить на свет детей, так что Смерть никогда не сможет уничтожить весь мой народ». Каикузи вернулся на небо, рассказал отцу о своей неудаче и с тех пор не покидал небо.

Здесь мы сталкиваемся с представлением о том, что причиной воспроизведения человеческого рода является Смерть. Действительно, до того как Смерть стала убивать

людей, у Кинту уже было несколько детей. Возможно, семья выросла бы до приемлемого уровня, а затем прирост прекратился, если бы не урон, нанесенный Смертью и вызвавший необходимость бесконечного размножения. Может быть и так, что рассказчик несколько запутался и добавил что-то от себя.

Смерть также появляется, хотя и под слегка измененным именем Олумбе (Орумбе) в истории о Мпобе, охотнике, который, преследуя животное, забрался в его нору и очутился в Стране Мертвых. Он отыскал свою собаку и дичь в деревне, населенной множеством людей. Вождь попросил Мпобе рассказать о себе. После чего вождь отпустил Мпобе, но предупредил, что если тот скажет хоть слово о том, что видел, то погибнет. Мпобе вернулся домой и успешно увивал от расспросов до тех пор, пока мать не заставила его сказать правду. В ту же ночь Мпобе услышал, как кто-то зовет его; голос говорил: «Я знаю, ты рассказал о том, что видел... Ты открыл секрет своей матери... что ж, хорошо... если у тебя есть чем питаться, ешь это», то есть ешь то, чем владеешь. Мпобе продержался на своих запасах несколько лет, а когда Смерть пришла за ним в следующий раз, сказал, что у него еще есть пища. Смерть отправилась восвояси, а Мпобе укрылся в лесу, думая, что так он сможет спастись. Смерть выследила его, но Мпобе снова сослался на запасы еды. На это Смерть потребовала: «Поспеш же доесть их, я хочу убить тебя». Каждый день Мпобе пытался найти новое убежище, но все его усилия были тщетны. Тогда он вернулся в свой дом и смирился с судьбой. Когда роковой вопрос прозвучал в очередной раз, Мпобе ответил: «Я закончил», и Смерть сказала: «Очень хорошо... раз ты закончил, умри!» – и Мпобе умер.

Царство мертвых здесь называется Магомбе. Рассказ об охотнике, который попал сюда через нору, встречается довольно часто, в том числе в сказке яо, о которой было упомянуто в разговоре со мной много лет назад. К сожалению, сказка эта, очевидно, не была записана, и мне не удалось получить хотя бы один письменный экземпляр. Впрочем, истории эти, уходящие корнями в первобытные сказания, так похожи, что нет необходимости искать доказательства их происхождения.

Смерть также фигурирует в интересной сказке, записанной П. Капусом со слов басумбва, племени, живущего в юго-западном районе Виктория Ньянза. Здесь Смерть называют Луфу или Лируфу. Умерев, человек попадает в подземный мир и пасет там стада, принадлежащие Смерти. Однажды умер человек и оставил двоих сыновей, младший забрал все наследство себе, оставив старшему лишь трех коров и двух слуг, и сделал его пастухом. Когда старший брат пришел со стадом младшего брата на пастбище, он встретил там отца, который велел сыну назавтра рано загнать скот домой и встретиться с ним на том же месте. Весь день отец пас на земле стада Смерти, а вечером встретился с сыном и погнал скот по дороге, которая уходила в огромную дыру в земле. Прибыв в подземное царство, отец спрятал сына на ночь. Утром появилась Смерть, Великий Вождь. С одного бока тело его совсем разложилось, другая сторона была совершенно здоровой. Слуги омыли и перевязали раны, а Смерть произнесла проклятие: «Тот, кто отправится сегодня торговать, будет обворован. Та, что будет рожать сегодня, умрет вместе со своим ребенком. Тот, кто выйдет сегодня на поле, потеряет весь свой урожай. Того, кто отправится в буш, сожрет лев». На следующий день слуги омыли здоровую часть тела Смерти, умастили ее маслами и Смерть отменила проклятия, высказанные накануне. Отец юноши сказал сыну: «Если бы ты пришел сегодня, то разбогател бы. Но раз сложилось по-другому, все, что тебе остается, – это вернуться домой и оставить брату все наследство, ибо ясно мне, что тебе суждено быть бедным».

На первый взгляд кажется, что Смерть регулярно, по четным и нечетным дням раздаст человечеству то зло, то добро. Но в данном случае трудно понять, почему отец велел сыну прийти именно в неудачный день, а потом стал сожалеть об этом, словно был тут ни при чем. Следовательно, мы можем предположить: либо событие было единичным, либо слуги Лируфу не знали, какие из дней являются неудачными.

Калунга, или Калунга-нгомбе (Калунга Скота), – так называют Смерть (Царь Теней) в племени мбунду из Анголы. Этим именем также называется царство мертвых, море и (у

гереро и кваньяма) Всевышний. Эли Шатлен приводит историю, в которой юный герой, Нгунза Килунду киа Нгунзу, услышав о смерти своего младшего брата Маки, объявляет о своем намерении сразиться с Калунгой-нгомбе. Нгунза поставил в зарослях ловушку, а сам взял оружие и притаился рядом. Наконец он услышал голос, доносящийся из ловушки: «Я умираю, умираю!» Нгунза уже собирался выстрелить, как вдруг голос произнес: «Не стреляй, освободи меня!» Нгунза спросил, кто это говорит, и в ответ услышал: «Я – Калунга-нгомбе». – «Так ты и есть Калунга-нгомбе, убивший моего младшего брата Маку?» – «Я никогда напрасно не убиваю, людей ко мне приводят. Дай мне четыре дня, а на пятый приходи в Калунгу и забирай своего брата». Нгунза отправился в Страну Мертвых, здесь Калунга-нгомбе встретил его и усадил рядом с собой. Один за другим из верхнего мира прибывали умершие. Один из них, мужчина, которого Калунга спросил о причине смерти, ответил, что его соплеменник, завидовавший богатству мужчины, заколдовал его. Женщина рассказала, что муж убил ее за измену, и т. д. Калунга-нгомбе резонно заметил: «Ты видишь, Нгунза Килунду киа Нгунзу, не только я забираю у людей жизнь; души Ндонго (народ Анголы) сами приходят ко мне. Теперь же ступай и отыщи своего младшего брата». Но Мака отказался возвращаться домой, сказав, что условия существования в подземном мире гораздо лучше, чем на земле. «Будет ли у меня на земле то, чем я владею здесь?» И Нгунза вернулся домой один. Калунга-нгомбе дал ему с собой «семена маниока, маиса, кафира» и другие – список слишком длинен, чтобы приводить его здесь, – велел посадить их на земле и сказал: «Через восемь дней я приду в твой дом». Когда Калунга-нгомбе пришел к Нгунзе, то обнаружил, что тот убежал на восток, и последовал за ним. Наконец Калунга нагнал юношу и сказал, что собирается убить его. Нгунза запротестовал: «Ты не можешь убить меня, ведь я не сделал тебе ничего плохого. Ты же сам сказал:

«Люди сами приходят ко мне, я никого не убиваю. Зачем же ты преследуешь меня?» Ничего не ответив, Калунга-нгомбе напал на Нгунзу, пытаясь поразить его своим топором, но Нгунза «превратился в духа *Китута*» и таким образом, вероятно, стал недосягаем для Калунги.

Некоторые моменты в этой истории неясны, возможно, потому, что она была взята из «с трудом записанных каракулями» заметок рассказчика, умершего до того, как Шатлен подготовил свою книгу к печати. Непонятно, почему Калунга собирался убить Нгунзу, возможно, Калунга, объявляя о своем намерении посетить дом юноши, собирался передать ему предупреждение, которое Нгунза не принял во внимание. Но почему же в этом случае Калунга не смог объяснить, отчего он отступает от своего обычая? Может быть, как и в случае с Мпобе, он велел Нгунзе никому не рассказывать о своем визите в подземный мир, а тот послушался его. Впрочем, об этом история умалчивает. Упоминание о духе Китута тоже требует пояснений. Китута, или Кианда, – это дух, который «господствует над водами и предпочитает большие деревья и вершины холмов»; он принадлежит к категории существ, о которой мы поговорим позднее.

У не (племени кру с Берега Слоновой Кости) Смерть фигурирует в нескольких сказках. В одной Смерть – это восьмиголовое чудовище. Одну из голов отрубил мальчик, узнавший о смерти матери, – здесь можно провести параллель с Нгунзой. Мальчик спасается от чудовища, но попадает в горящие заросли и погибает, а душа его покидает тело в облике ястреба. Вот почему ястребы часто парят над горящим лесом.

Еще одна история племени не, которая представляет собой вариант хорошо известных сказок о людоедах. Юная девушка отправляется в деревню Смерти и прячется в хижине старой женщины. Однако Смерть обнаруживает девушку и отказывается накормить ее до тех пор, пока она не назовет имя Смерти, – тут прослеживается связь с другой группой историй, не очень широко распространенных в Африке. Девушке помогает птица, которая сообщает ей имя. В конце концов Смерти отсекают большой палец ноги и из него выходят все люди, которых она поглотила. Последний эпизод встречается в сказках, распространенных в таких отдаленных районах, как Басутоленд и Килиманджаро. К этим историям мы еще вернемся в других главах.

У не есть еще одна легенда, связанная со Смертью. Легенда эта, насколько мне известно, не встречается ни в одной другой части света. Человек обратился к Бленьба, великому фетишу каваллы (макрели), прося дать ему какое-нибудь заклинание, которое преградит путь Смерти. Бленьба дал человеку камень, чтобы закрыть единственный путь, которым может прийти Смерть. Но когда человек нес камень к нужному месту, он встретил Немлу – маленькую антилопу, местный эквивалент Братца Кролика, которая предложила свою помощь. Вероломная антилопа, притворяясь, что помогает человеку, прошептала заклинание, которое сделало камень неподъемным, и путь для Смерти остался открытым. И по сей день «можно увидеть этот камень, свидетельствующий о произошедшем».

В следующей главе мы познакомимся с другими легендами, в которых подземный мир фигурирует в качестве обители мертвых. Возможно, некоторые из только что рассказанных историй более уместно рассматривать в связи с духами предков.

Впрочем, как уже говорилось, границы между различными темами нашего исследования так прозрачны, что эти темы иногда плавно перетекают одна в другую.

Глава 4 Духи предков

Вера в существование человеческих существ после смерти и в их влияние на жизнь оставшихся на земле является краеугольным камнем, основой религии банту и негрских племен. Даже там, где существует развитый культ конкретных сил-духов, как, например, в Уганде и Дагомее²¹, эти силы во многих случаях ведут свое происхождение от духов предков. То же происхождение имеют многие существа, которые теперь фигурируют как силы природы. Существуют, впрочем, духи природы, которые были таковыми изначально, нередки также случаи, когда две концепции сливаются в одну, пример тому – Леза. Но я еще раз повторяюсь, что точная классификация в данном случае невозможна.

Некоторые африканские племена, в частности тва и эве, создали логически последовательную, связную философию души. Существует тень, которая либо бродит вблизи могилы, либо спускается в подземное обиталище духов (*кузиму*), и душа (тва называют ее «кра»), которая вселяется в одного из потомков умершего. Но эта доктрина не везде воспринята осознанно и четко, отсюда разного рода неопределенности и противоречивые утверждения. Одни африканцы считают, что в мире живых остаются лишь духи тех, кто погиб насильственной смертью. Некоторые племена верят, что те, кто ушел в подземный мир, время от времени возвращаются на землю. В Ньясаленде считается, что духи некоторое время после смерти – год или два – пребывают возле могил, а затем уходят, возможно в подземный мир.

Любопытно отметить, что духи, по-видимому, вовсе не бессмертны. Если верить рассказу чага, записанному преподобным Дж. Раумом, духи остаются «живыми» благодаря приношениям живущих. Этот рассказ – самый подробный из всех, что мне доводилось слышать. Возможно, он отражает концепции современные и широко распространенные, но доселе не зафиксированные. Племя чага называет духов предков *вариму* (или *варуму*) и считает их «теньями» (*шериша*) умерших. (Тень часто отождествляется с жизнью, или душой, или одной из душ.) Духи называются так оттого, говорят чага, «что они не имеют костей» – они выглядят как живые люди, их нельзя потрогать, а стоит их увидеть – они тотчас исчезают. Некоторые духи выглядят как старики, другие – как мужчины в расцвете лет; встречаются среди духов также женщины и дети. Складывается впечатление, что каждый из духов остается в том возрасте, в котором человека настигла смерть. Жизнь в подземном мире почти не отличается от той, которую люди ведут на земле. Здесь тоже есть вожди и племенные собрания. Умирая, человек попадает в обиталище своего клана, а клан, в свою

²¹ Дагомея – до 1975 года название государства Бенин. (Примеч. пер.)

очередь, занимает подобающее ему место в племени. Но не все духи пребывают в этом обиталище, а лишь отцы, деды и прадеды живущих. Их называют верхними духами (*вариму вауве*) или «теми, кто известен» (*ваишиво*), поскольку имена их и общественный статус сохраняются в памяти живущих. Духи питаются приношениями потомков и тем самым, как говорят, поддерживают в себе жизнь. Далекие предки и предыдущие поколения оттесняются от приношений новоприбывшими. Ослабев, они уходят в нижний мир. Этим духов называют *вакиленгече* или, иногда, *вариму вангиндука* – «духи, которые возвращаются». В отличие от ваишиво, свободно общающихся с живущими, они никогда не показываются живым, хотя тайно навещают свои дома и насылают на людей болезни, чтобы добиться от них приношений. Но старейшие из этих духов не способны даже на это. Они уже не в состоянии добраться до приношений, «жизнь их кончена»; «они погибают» и не общаются более с живыми. Таких духов называют *валенге*. О трех частях подземного мира рассказывается в легенде о Небесном Дереве. Обычное название для подземного мира мертвых – *кузиму* или сходное с ним. У аньянджа есть слово *мзиму*, множественное число *ми-зиму*²² (хотя иногда в этом же смысле они используют имя Мулунгу). У суахили это слово фигурирует во фразе *ана вазиму* («он безумен», буквально: «он одержим духами»), в остальном оно малоупотребительно. У зулусов слово тоже устарело и также встречается лишь в одной фразе. Более употребительны сейчас слова *амадлози* (происхождение которого не совсем ясно)²³ и *аматонго* – явно связанное с *убутонго* (спать) и означающее духов, являющихся во сне, в то время как первый термин используется в отношении духов, являющихся в разных обликах – например, змей и т. п. Два этих названия обозначают одну и ту же категорию существ, но рассматриваемых с разных точек зрения. Однако даже в этом случае между ними невозможно провести четкую границу, поскольку зулусам свойственна взаимозаменяемость слов.

Следует отметить, что *мзиму* и родственные ему существа, как правило (язык суахили составляет исключение), не причисляются к категории людей, поскольку духи все же не вполне являются человеческими существами. Подобное восприятие духов, судя по всему, берет начало в верованиях чага. Кроме того, духи – это всегда лишенные тел существа, но совсем необязательно существа человекообразные. Животных, между прочим, обычно включают в категорию людей, в африканском фольклоре животные и люди практически не противопоставляются друг другу. К этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о тотемизме.

Надо сказать, что в африканском фольклоре фигурируют духи, не являющиеся духами мертвых, но именно последние более всего будоражат человеческое воображение.

Африканцы обычно не делят духов на доброжелательных и зловредных – за исключением, может быть, тех случаев, когда человек и после смерти сохраняет те качества, что были присущи ему при жизни. Возможно, причиной тому принцип: о мертвых или хорошо, или ничего. Во всяком случае, африканцы утверждают, что поведение духов во многом зависит от отношения к ним со стороны здравствующих родственников. Если духи насылают саранчу – как Чпиока в Мландже в 1894 году, – или болезни, или другие катастрофы, то лишь для того, чтобы напомнить живущим о том, что они пренебрегают своим долгом.

Вряд ли можно сказать, что среди чувств, испытываемых людьми к духам, доминирующими являются страх и неприязнь и что культ духов определяется и питается единственно страхом. От духа не ожидают, что он будет заботиться о ком-либо, кроме

²² *Мзиму* или *му-зиму* используется в суахили для обозначения места, в котором совершаются приношения духам. *Зимви* (первоначально *ли-зимви*, слово родственное зулусскому *и-зиму* и слову *ле-димо* из языка сугу) означает существо вроде великана или демона, наподобие *приму* у чага и вакикуйю. В повседневном языке суахили это слово в целом употребляется редко, его заменили заимствованные слова *шетани* или *джини*.

²³ Возможно, оно означает «люди нашего рода (племени)».

членов своей семьи; а семья, в свою очередь, не считает нужным проявлять внимание к неродственным ей духам. Это, очевидно, и послужило причиной того, что никто не поддерживал культ Ункулункулу – просто на земле не осталось ни одного человека, который мог бы причислить себя к его родственникам. Разумеется, духи вождей или знаменитых шаманов почитаются и вне их семей. Они, как мы видели в Ньясаленде и Уганде, могут даже обрести статус богов.

В племени чага не принято совершать приношения духам людей, умерших более трех поколений назад, поскольку из уже приведенных выше историй мы знаем, что вакиленгече могут отвратить приношений, только если сами, своими силами добудут их. Есть, правда, одно исключение: каждый клан совершает приношения предку, который первым поселился в стране Килиманджаро и стал обрабатывать там землю.

Чага верят, что если духи могут оказывать влияние на ход на земле, то и сами они, в свою очередь, могут испытать воздействие значительных перемен, происходящих в мире живых. Так, приход европейцев в Восточную Африку ощутили даже в подземном мире. Один африканец сообщил Рауму, что, «когда белые люди пришли сюда, они пришли и к духам предков», и последние даже вынуждены были платить белым людям налог. Все, что свойственно миру живых, может происходить и в мире подземном. «Увы! – сокрушается рассказчик. – Даже среди духов царит нищета! Духи стариков грязны, одеты в лохмотья и истощены. Так говорят все, кого духи уводят во сне в свой мир, а также предсказатели».

Как мы уже успели узнать, в мир духов проще всего попасть через пещеры или норы животных. Чага рассказывают о воротах, ведущих в подземный мир, – некоторые утверждают, что двое таких ворот находятся «на востоке, где сливаются небо и земля». Одни ворота ведут на небо, другие – «к духам». Упоминание об этих воротах встречается в процитированной выше легенде, из которой ясно, что двое ворот находятся не на горизонте, а на горе Килиманджаро. Всякий, кто входит в ворота, ведущие в мир духов, видит за ними ослепительный огонь. Может быть, здесь имеется в виду сияние заходящего солнца.

Однажды вдова, потерявшая единственного сына, пришла к восточным воротам и была так настойчива в своих мольбах, что вождь духов наконец согласился возвратить ей сына, которого вдова нашла в хижине по возвращении домой. Предание сохранило имена разных людей, отправившихся в страну духов и вернувшихся оттуда, – возможно, это были люди, очнувшиеся от каталепсии. Существует даже песня, которую обычно поют юные девушки:

Отправиться ли мне, как дочери Кидовы,
На поиски духов, обитающих под водой, –
Я вынуждена была пойти туда,
Я увидела их и вернулась.

Племя бапеди (ветвь бечуанов, живущая в Восточном Трансваале) верит, что пещера Мариматле, откуда явился человеческий род, служила также и вратами в мир духов. В бантуязычной Африке широкое распространение получила легенда, рассказывающая о мужчинах, которые, преследуя животного, полезли за ним в нору и, подобно Мпобе, очутились в обиталище мертвых. Зулусы рассказывают, что некий Ункама последовал за дикобразом в его нору и спустя день и ночь подошел к деревне, где увидел дым от очагов, людей, услышал лай собак и детский плач: «Все увиденное напоминало мир живых – деревню окружали такие же горы и реки, как на земле». Осторожный Ункама не стал подходить ближе, а сказал себе: «Лучше я не пойду к этим людям, ведь я их не знаю; вдруг они убьют меня» – и со всех ног пустился бежать домой, где родственники, считавшие его умершим, уже собирались организовывать его похороны. С другим человеком, Умкатшаной, случилось то же самое, когда он охотился на антилопу. Но он пошел дальше и встретился с «людьми, живущими внизу» лицом к лицу. Он увидел, как несколько человек доят коров, и узнал среди них своих умерших друзей. «Они сказали ему: «Уходи домой! Тебе нельзя оставаться здесь!» И он отправился домой». Ваирамба из Восточного Уньямвези также

рассказывают о человеке, преследовавшем раненого дикобраза. Этот человек тоже попал в подземный мир и пришел в деревню мертвых, где он был радушно принят и встретил многих почивших родственников, а дикобраз, которого он ранил копьем, оказался его собственной сестрой. Ему объяснили, что в подземном мире духи ведут счастливую и мирную жизнь, скот их пасется на тучных пастбищах, и вообще у них есть почти все, что можно пожелать, за исключением зерна. Поэтому они вынуждены время от времени выходить на землю, принимая облик животных, и красть зерно с полей. Мертвые передали своим здравствующим родственникам множество посланий, а также пожелание оставлять время от времени на могилах умерших приношения в виде каши и пива. (Эта история отличается от других, в которых гостю строго-настрога запрещается рассказывать живым об увиденном в мире духов.) Человека также заверили, что сестра не держит на него зла за нанесенную ей рану, «поскольку ты сделал это по незнанию, и, кроме того, рана ее здесь скоро заживет».

Эту историю рассказывают, чтобы показать, как появился обычай совершать приношения мертвым. Этот факт любопытен хотя бы потому, что африканцы нечасто дают себе труд объяснять возникновение тех или иных обычаев. Легенда эта появилась в незапамятные времена и характеризуется явной практической направленностью, учитывая веру в то, что умершие продолжают жить (в своих могилах или рядом с ними), и в то, что жизнь после смерти не так уж отличается от земного существования.

Интерес вызывает и появление в истории дикобраза, поскольку от Мелланда и Чолмли мы знаем, что у вакулуве есть что-то вроде секты или гильдии охотников за дикобразами (*валели*). Эти охотники утверждают, что посещают деревню духов, пробираясь туда через норы дикобразов, и «что вождя тамошней деревни зовут Лунгабалва. Он всегда радушно принимает их и никогда не отпускает с пустыми руками, давая им с собой дикобраза».

Достаточно взглянуть на дикобраза, чтобы понять, почему именно он ассоциируется у африканцев с подземным миром. Это животное выглядит необычно, постоянно роется в земле и редко показывается на глаза людям в дневное время. Африканцы верят, что дикобраз может стрелять своими иглами.

Но все же чаще в мир духов попадают через озера и водопады, которыми изобилует гористая страна чага. По такому водопаду духи свободно поднимаются в мир живых, хватают овец или коз, пасущихся в зоне досягаемости, а также подбирают деревянные кадушки (используемые при изготовлении пива), которые люди забывают на берегу. Если человек подойдет слишком близко к водопаду, духи могут схватить его и утащить в воду. Африканцы верят, что если в этот момент нанести себе рану ножом или любым другим острым инструментом, то духи отпустят тебя, поскольку им нужны только здоровые жертвы. Впрочем, сейчас такое случается редко, во всяком случае в районах Кисангада и Офурунье, где раньше духи доставляли людям немало хлопот: по ночам они выходили из водоемов в долине Мсангачи, чтобы красть пищу из домов людей. Устав от проделок духов, люди решили принести им в жертву какое-нибудь животное, но шаман сказал, что лучше всего найти бездетного мужчину, который наложит на водоемы проклятие – что-то вроде нашей анафемы. Бездетный мужчина был выбран потому, что ему нечего было терять в случае, если бы духи вдруг вздумали отомстить ему. Заклинание, произнесенное им, звучало так:

Если ты не перестанешь беспокоить людей,
Исчезни – уйди под землю и умри там...
Но если ты перестанешь тревожить людей и оставишь их
в покое,
Живи и впредь!

Церемония возымела желаемый эффект.

Африканцы верят также, что духи на время могут увести человека в свой подземный мир, а потом возвращают его в мир живых. В таком случае ночью спящий исчезает, оставив на постели лишь одежду. В данном случае духи не руководствуются дурными намерениями,

они переносят человека в подземный мир, чтобы открыть ему планы духов или же поведать, чего хотят духи от живых. Если человек при этом ведет себя благоразумно, ему не причинят никакого вреда. Но он не должен выказывать любопытства или отпускать замечания по поводу того, что видит: духи весьма чувствительны к критике, особенно если она затрагивает устройство их домашнего хозяйства. «Ибо духи предков едят отвратительную пищу – кузнечиков и мух», возможно в отсутствие приношений от живущих. Любой, кто не сдержит удивления при виде пищи духов, останется в подземном мире навсегда (может быть, его даже поколотят), так что лучше держать рот на замке и обсуждать жизнь духов на земле, среди своих соплеменников. Тактичные гости отправляются домой, нагруженные множеством посланий. От них, а также от предсказателей (*валаши*) люди узнают обо всем, что происходит у духов.

Упомянутые выше озера персонифицируются весьма любопытным образом. В давние времена, если случались войны или набеги, из озер доносились голоса: «О-о-о-о! Не волнуйтесь. Мы прогоним врага!» После того как захватчики отступали, из озер и рек доносились радостные крики духов-женщин. История, которая в теперешнем своем виде сложилась относительно недавно, рассказывает, как некое озеро требовало человеческих жертв. В одной деревне пропал ребенок, родные долго искали его, но безрезультатно. Наконец из озера раздался голос, велевший родителям принести пищу и оставить ее на берегу. На следующий день приношения исчезли, а на их месте появилось тело мертвого ребенка. Некий европеец, оказавшийся в то время в деревне, объявил, что сразится с чудовищем. Он нырнул в озеро и, когда на дне открылась дверь, выстрелил в нее из своей винтовки. Потом он вошел в дверь и вступил с кем-то в смертельную схватку, которая едва не стоила ему жизни. Он вернулся на землю до такой степени обожженным, что через несколько дней скончался. В нашем распоряжении слишком мало данных, чтобы судить о том, основана ли эта история на реальных событиях, и если да, то насколько верно она их отражает. Ее вполне могли сочинить, услышав о восхождении какого-нибудь незадачливого европейца к кратеру действующего вулкана.

В наши дни, говорит рассказчик, поведавший о случившемся, духи живут в водоемах и «клановых рощах», то есть в последнем случае – на земле. Иногда, впрочем, они выходят, чтобы потанцевать. Однажды ночью некий мужчина услышал голоса духов неподалеку от своего дома. Думая, что это соседи устроили праздник, он решил присоединиться к ним, несмотря на протесты жены. Вскоре мужчина осознал свою ошибку. Он вернулся домой невредимым, хотя и сильно напуганным. Вадо (племя, населяющее территорию на материке напротив острова Занзибар) говорят о населенных духами лесах Кол ело, откуда «иногда доносится грохот барабанов и пронзительные крики, подобные тем, что издают женщины на свадьбах». В лесах иногда встречаются поляны, где поверхность земли ровная и покрыта белым песком, «словно бы его насыпали люди», – это «места, где собираются духи». Призрачные барабаны и другие инструменты (рога и флейты) можно услышать в Ньясаленде и регионе Делагоа-Бей. Жители этих районов заявляют даже, что будто бы иногда им удается разобрать слова песен, которые распевает духи. При приближении человека невидимые исполнители немедленно умолкают, а потом за его спиной снова затягивают песню.

Жюно считает, что концепции народа тонга, касающиеся обиталища духов, «весьма путаные, даже противоречивые». Некоторые придерживаются представления о подземном мире – «большой деревне под землей, где все белое (чистое); обитатели деревни возделывают поля, собирают огромные урожаи и живут в достатке, а часть своего изобилия отдают своим потомкам, живущим на земле. Кроме того, у них много скота». Может показаться странным, что при такой «райской» жизни духи еще требуют от потомков частых приношений, но тонга не придерживаются представлений чага, согласно которым реальная пища действительно необходима духам для поддержания жизни. «Боги не просят пищи или имущества; они воспринимают *мабма* (приношения) как проявление любви со стороны своих потомков и как знак того, что они не забыли предков и впредь будут выполнять свой долг по отношению к ним».

Одни африканцы полагают, что умершие каким-то образом продолжают существовать в могилах, которые считаются их домом. Другие считают, что умершие живут в «священных лесах» (эквивалент «клановых рош» у чага) точно так же, как и при жизни. Они «ведут семейную жизнь, как и живые люди, здесь есть родители и дети, даже малыши, которых матери носят на плечах». Иногда в таком виде они появляются перед людьми. В наши дни это зрелище редкое, а раньше, уверяют африканцы, часто можно было видеть духов, «идущих к колодцу за водой. Они ходят своими дорогами. Они маленького роста, женщины несут детей в *нтехе* (выделанная козья шкура)».

Эти священные роши являются в действительности древними кладбищами – у тонга это захоронения только вождей – как, впрочем, и во всем Ньясаленде. Рошицы, состоящие из больших и тенистых деревьев, среди которых находятся захоронения, заботливо оберегаются от лесных пожаров. Могилы, за исключением недавних, ничем не отмечены, разве только глиняными горшками, целыми или расколотыми. Как и следует ожидать, аборигены обходят эти захоронения стороной, но мне никогда не доводилось слышать о каких-то особых верованиях или преданиях, связанных с кладбищами.

Могилы тонга – табу для всех, кроме хранителя леса, или жреца, являющегося потомком похороненных там вождей; в его обязанности входит совершать приношения на могилы с целью умиловить духов. Поистине ужасные вещи случались с теми, кто осмеливался подойти к могилам. Одна женщина недалеко от захоронений набрала фруктов *сала*, принялась разбивать их о ствол дерева и обнаружила, что внутри плоды кишат крошечными гадюками, которые обратились к ней со следующими словами: «Уходи! Зачем ты каждый день собираешь наши фрукты? Эти плоды не твои. Если ты унесешь их, чем же питаться нам, богам? Разве не мы вырастили это дерево?» Женщина отправилась домой и вскоре умерла, потому что боги прокляли ее.

Та же участь – хотя и незаслуженно – выпала другой женщине, которая нашла, как она полагала, маленького ребенка, собирающего ягоды на дереве. Думая, что ребенок потерялся, женщина усадила его на спину и принесла домой. Но когда она вошла в хижину и хотела усадить ребенка у огня, чтобы тот согрелся, она не смогла снять его со спины. Соседи поняли, что это вовсе не ребенок, а дух, и послали за шаманом, который «бросил кости» и «сразу все понял», но и ему не удалось оторвать ребенка от женщины. Тогда жители деревни решили, что женщина должна отнести ребенка туда, где она нашла его. Хранитель леса, сурово отчитав женщину, принес в жертву от ее имени белого петуха, умоляя обиженных духов смилостивиться над ней. «Она сделала это не нарочно. Она думала, что это ребенок, она не знала, что это бог». Когда жертва была принесена, странное существо неожиданно «слезло со спины женщины и исчезло, и никто не знал, как и куда оно отправилось. Что до женщины, то ее вдруг охватили судороги и она умерла».

Вывод из этих историй один – за добро не всегда воздается добром.

Другие легенды рассказывают о том, что случается с людьми, рубящими деревья или убивающими змей в священных местах или строящими свои хижины слишком близко к ним. Старого шамана, хранителя леса Либомбо, хватил удар, видимо апоплексический, когда он пошел посмотреть на дерево, что нависло над дорогой, построенной португальскими властями. Его собственный рассказ звучал так: «Боги подошли ко мне и спросили: «Что ты здесь делаешь? Ты должен сидеть дома!» Я упал и лишился сознания, и оставался в таком состоянии четыре дня. Я не мог есть, боги словно запечатали мне рот. Я не мог говорить! Соседи подобрали меня и принесли домой». Шаман поправился после того, как его старший сын совершил жертвоприношение; но для того, чтобы боги окончательно сменили гнев на милость, потребовалось несколько церемоний. В дальнейшем старик старался не приближаться к португальской дороге.

У кизиба, живущих на западном берегу озера Виктория, есть сказка, весьма неожиданным образом связывающая священные леса с хвостатыми обитателями неба. Однажды мужчина взял в жены странную женщину, которую он встретил на дороге – она шла одна и несла огромный барабан. (Это обстоятельство в дальнейшем никак не

комментируется.) Женщина велела мужчине ни в коем случае не входить в Лес Духов, но он, разумеется, именно так и сделал. Там он встретил людей – без сомнения, предков, – которые – то ли из озорства, то ли чтобы наказать его за непослушание – сказали ему, что у его жены есть хвост. Мужчина не мог успокоиться до тех пор, пока не убедился, что так оно и есть. Тогда женщина исчезла, чтобы никогда больше не возвращаться. Но голос из населенного духами леса произнес: «Ты поверил наветам на своего ближнего, горе тебе!»

Представление о том, что мертвые возвращаются в мир живых в облике животных, в Африке распространено очень широко. В основе его лежит не идея долговременной реинкарнации, поскольку все преобразования мертвых носят временный характер. Приняв облик животного, мертвые либо поднимаются из подземного мира, либо выходят из могил, или же являются людям в священных лесах, подобно старому вождю из Либомбо, который явился своему потомку – шаману – в образе зеленой свиномордой змеи. «Я сам, – сказал Нколеле, тот самый шаман, – отправился в лес с приношением, которое приготовил для богов, а потом *появилось оно*. Это был змей... Хозяин Леса, Момбова-Нфлопфу (Лицо Слона). Он выполз из зарослей и принялся кружить вокруг присутствующих. Женщины в ужасе бросились прочь. Но змей явился только затем, чтобы поблагодарить нас. Он не собирался кусать нас. Он сказал нам: «Спасибо! Спасибо! Вы все еще здесь, дети мои! Вы пришли с дарами и принесли мне фрукты. Это хорошо!»... Это была огромная змея, толстая, как моя нога. Змей подполз ближе, но не укусил меня. Я посмотрел на него, а он сказал: «Спасибо! Ты все еще здесь, внук мой!»

Нколеле, несомненно, обладал живым воображением. Увидев огромную змею, он уверовал в то, что она действительно могла произнести процитированные выше слова. Одна моя подруга рассказала мне, что, когда ей было восемь-девять лет, она гуляла в одном французском саду и там к ней обратился майский жук. Он сказал: «*Petit fille, écoute!*» («Слушай, дитя!») – и умолк. Несомненно, воображения маленького ребенка просто не хватило, чтобы продолжить речь жука.

Облик змеи духи выбирают наиболее часто – возможно, по причине, которую указал Вундт, а именно потому, что в умах коренного населения змеи ассоциируются с червями, поселяющимися в разлагающихся телах. Некоторые народы (например, коренное население Мадагаскара) верят, будто душа, покидающая тело, принимает вид червя. У коренного населения, незнакомого с научными классификациями, это представление легко распространяется на всех ползающих тварей. Впрочем, на Мадагаскаре преобладает скорее индонезийское, чем африканское влияние и, насколько мне известно, упомянутое выше представление в Африке не встречается. Африканцы к этой проблеме подходят проще: любое животное, которое они видят на могиле или вблизи нее, может являться новым воплощением умершего, в особенности это касается змей, которые словно выползают из могил. Один из африканцев, с которым беседовал Каллауэй, говорит: «Человек видит змею на могиле, возвращается домой и говорит: «О, я видел его сегодня, он грелся в солнечных лучах на своей могиле!»

Зулусы утверждают, что только определенные виды змей являются *амадлози*. Другие разновидности змей, включая несколько ядовитых, «считаются обычными тварями: они никогда не были людьми... а всегда были только животными». (К таким животным причисляют и свиномордую змею, которую, как мы успели убедиться, народ тонга из Либомбо считает змеей-духом, впрочем, у тонга речь может идти о других видах змей.) Из тех змей, что «были людьми», некоторые, хотя и не все, не ядовиты. Однако не всякий представитель этих видов змей обязательно является предком. Змей-предков можно узнать по тому, как они себя ведут, заползая в хижину. Иногда достаточно того, что они вообще посещают дома людей; змеи-предки не едят лягушек или мышей. Они ничем не выдают своего присутствия в хижине до тех пор, пока их не обнаружат; они не боятся людей; «змея, заползшая в хижину, не вызывает у людей страха... а лишь только радость, они сразу понимают, что пришел вождь деревни». С другой стороны, «когда в хижине появляется обычная змея, она принимается раскачиваться из стороны в сторону; она боится людей, и

они убивают ее, потому что знают – эта змея дикая». «Змеи-люди», если их регулярно кормить и не дразнить, становятся ручными – этим можно объяснить поведение свиномордой змеи Момбо-ва-Нфлор-фу. С другой стороны, народ яо считает, что когда мертвые возвращаются в облике змей, то делают это исключительно для того, чтобы досаждать людям, а значит, их можно убивать без всяких угрызений совести. Если зулус по незнанию убьет *змею-итонго*, она непременно придет к нему во сне, чтобы пожаловаться, и «ему нужно будет принести искупительную жертву».

Другие существа, в которых могут перевоплощаться души усопших, – это богомолы, некоторые виды ящериц (одна разновидность является *аматонго* старых женщин), львы, леопарды, гиены (обычно это умершие колдуны) и т. п.

Глава 5 Легенды о мире духов

Как мы уже имели возможность заметить, истории о людях, поднявшихся на небо при помощи веревки, или же, наоборот, о тех, кто спустился в подземный мир, *кузиму*, и вернулся оттуда, почти идентичны и встречаются в африканском фольклоре очень часто. Не так широко представлены легенды о духах предков, обитающих на небе. Люди, попадающие на небо, как правило, имеют поручение либо к верховному божеству, либо к небесным обитателям, не имеющим ничего общего с обычными человеческими существами. В Страну Мертвых же можно попасть через пещеру или дыру в земле, например нору животного, или через дверь на дне озера. В предыдущей главе упоминалась история о вратах на восточном горизонте. В прежние времена человек, потерявший детей и страшющийся угасания своего рода, мог войти в эти врата и изложить духам свою просьбу. Духи милостиво выслушивали человека и отправляли домой, обещая послать ему еще детей. Но число просителей со временем так выросло, что предки, будучи не в силах помочь всем, закрыли два входа – в этом эпизоде может содержаться намек на извержение вулкана. Третьи врата были открыты несколько дольше, но и этот вход со временем был закрыт, и теперь никому не под силу отыскать его.

Эпизод с паломничеством, совершаемым безутешными родителями, представляет интерес хотя бы из-за сходства с историей, знакомой нам с детства и уже упомянутой в первой главе, – это «Фрау Холле» из сборника братьев Гримм «Детские и семейные сказки». Существует множество африканских вариантов этой истории, и некоторые из них мы сейчас рассмотрим.

Пройдя через врата, отец подошел к калитке в ограде крааля, здесь он ждал до тех пор, пока к нему не вышла старая женщина. Она провела мужчину в хижину и спрятала его в маленькой спальне. В полдень, когда «солнце отдыхает», мужчина увидел детей, которых вел человек, являвшийся, судя по всему, их стражем. Мужчина узнал среди детей своих умерших малышей и показал их старой женщине. Она отправила мужчину домой, сперва спросив его, предпочитает ли он пройти через «врата с нечистотами» или «врата сахарного тростника». Если бы мужчина выбрал последний вариант, ему бы пришлось пройти – каким именно образом, в тексте не уточняется – через огонь и заросли тростника, он получил бы ожоги и порезы и вернулся бы домой только для того, чтобы умереть. Если бы мужчина выбрал менее привлекательную на первый взгляд альтернативу, он бы очутился дома целым и невредимым и прожил бы еще долгие годы. В истории не говорится, нашел ли мужчина по возвращении домой своих детей.

Вера в то, что озера и прочие водоемы служат входами в подземный мир духов, основана, по всей вероятности, на частых смертях от утопления в местности, где потоки быстры и опасны. Мать, которую обманом заставили утопить ребенка, сама бросилась в воду и попала в Страну Духов, как в случае с Марувой в сказке, о которой мы поговорим ниже.

Но есть и более простой способ. Некоторые африканские племена верят, что духи будто бы обитают в священных лесах. В этом случае никакие физические препятствия не

мешают людям проникнуть в их убежище, хотя, разумеется, делают это они на свой страх и риск. Жюно приводит интересную историю, действие которой происходит в Мачакени, неподалеку от Лоренсу-Маркиша²⁴. В течение нескольких лет люди радовались небывалым урожаям, но со временем стали пренебрегать своим долгом и перестали совершать приношения духам. И вот однажды, как обычно, посадив батат и сахарный тростник в плодородную почву у подножия холмов, люди обнаружили, что посевы их не взошли. Напуганные перспективой голода, они поднялись на холмы и посадили батат и тростник там, но и на этот раз ничего не взошло. Через некоторое время, спустившись в долину, обнаружили, что их покинутые поля принесли обильный урожай, но собрать они его не смогли. Никто не мог вырыть из земли батат, никто не мог сорвать банан с дерева. Появившиеся духи стали преследовать людей, и те рады были унести ноги. Женщины, отправившиеся в лес за хворостом, обнаружили в дупле дерева пчелиный улей. Всякий, кто пытался просунуть в дупло руку, чтобы набрать меда, ломал ее у запястья. Единственной, кто избежал этой участи, была дочь вождя, Сабулана, отказавшаяся подходить к дереву. Она связала охапки хвороста для своих товаров и помогла им водрузить их на голову. Когда женщины вернулись домой, Сабулана посоветовала им «бросить кости» (проконсультироваться с предсказателем), чтобы узнать, как поправить дело. Предсказатель велел Сабулане отправиться в священный лес и принести жертву. На следующее утро все жители деревни собрались возле леса, но лишь одна Сабулана осмелилась войти туда. Она обнаружила духов, сидящих на поляне, словно вожди племен, собравшиеся на совет. Духи спросили девушку о цели ее прихода, и она ответила им песней, которая для нас особого смысла не представляет:

Это я, это я, Сабулана,
Дочь страны пастбищ, –
Это я, дочь страны пастбищ,
Сабулана, Сабулана.

Предкам так понравилась песня Сабуланы, что они попросили девушку пропеть ее еще раз. Затем они (видимо, без дальнейших расспросов) одали ее съестными припасами и позвали своих детей, велев тем донести груз не только до края леса, где ждали жители деревни, но и до самой деревни. Через некоторое время у всех женщин чудесным образом зажили руки. Вскоре Сабулана вернулась на поляну, где сидели духи. «Ступай и скажи своим людям, – начали вещать духи, – что они согрешили: они возделывали землю и собирали урожай, но забывали воздавать нам почести. Теперь пусть они придут со своими корзинами и мешками и каждый заберет столько пищи, сколько сможет унести на своей голове, потому что они наконец вознесли нам молитвы... Мы гневались на наших детей, ибо они питались сами, но не совершали приношений. Как ты думаешь, кто помешал вашим посевам взойти? Это сделали мы, оттого что вы грешили снова и снова».

За свои заслуги Сабулана и ее мать стали вождями.

Совершенно отличная и весьма любопытная концепция мира духов представлена в зулусской сказке «Унана Боселе». Двоих детей, а впоследствии и их мать проглотил слон. «Очутившись в желудке слона, женщина увидела обширные леса и большие реки, а также множество холмов. С одной стороны высились скалы; здесь множество людей выстроили себе целые деревни; и было там много собак и много скота; и все это было внутри слона; здесь же женщина увидела и своих детей».

Короче говоря, по словам Тэйлора, перед нами описание зулусского Аида. Эту историю можно с некоторыми поправками причислить к категории сказок, которые мы рассмотрим несколько позже, – это истории о людях и животных, проглоченных, а затем извергнутых

²⁴ Лоренсу-Маркиш – до 1976 году название столицы Мозамбика Мапуту. (Примеч. пер.)

чудовищем. Однако вместо того, чтобы ждать помощи извне, женщина сама проложила себе путь на свободу после того, как вместе с детьми отведала внутренностей слона. Дети пожаловались матери, что ничего не ели до тех пор, пока она не пришла, «она же сказала: «Почему же вы не пожарили это мясо?» А дети сказали: «Если бы мы прикоснулись к этому чудовищу, оно наверняка убило бы нас!» – «Нет, – ответила мать, – это чудовище умрет, а вы останетесь живы!» Женщина разожгла огромный костер, потом отрезала у слона большой кусок печени, поджарила его и поела вместе с детьми. Потом они снова отрезали кусок мяса, поджарили его и съели. Все люди, что находились в брюхе у слона, смотрели и удивлялись: «Поглядите, они едят мясо слона, почему же мы голодаем?» Женщина сказала: «Да, да, слона можно есть!» Тогда люди стали отрезать себе мясо и есть его».

Этот довольно отталкивающий инцидент процитирован в полном объеме, поскольку он часто повторяется в историях о животных. Результат был предсказуем.

«Слон сказал другим животным: «После того как я проглотил женщину, я чувствую себя больным; мои внутренности просто разрываются от боли!» (В другой версии сказки говорится, что стоны слона были столь ужасны, что все животные, кормившиеся в разных частях леса, пришли узнать, что происходит.) «И животные сказали: «О Вождь, может быть, тебе так плохо оттого, что слишком много людей скопилось у тебя в желудке?» Через некоторое время слон умер. Женщина разрезала плоть слона ножом, а ребро разрубила топором. Первой из брюха слона вышла корова. «Му-у, – сказала она, – наконец-то мы видим землю». Спасенные люди преподнесли женщине различные дары, коров, коз и овец. Она выбралась из слона вместе со своими детьми и стала очень богатой».

О мертвых, обитающих в подземном мире, рассказывают предания о Умкатшане и Ункаме, а также сказка об Унтумби-япанси. Унтумби-япанси была дочерью вождя, который также имел сына, Усильване, и еще одну дочь – Усильванеказану. Судя по всему, Усильване занимался черной магией, хотя рассказчик определенно об этом не говорит. Однажды Усильване вернулся с охоты, принес с собой детеныша леопарда, и сказал: «Это моя собака, дайте ей молока; смешайте его с вареной кукурузой и сделайте кашу; кашу давайте холодной, чтобы животное могло есть, ибо оно умрет, если кормить его горячей пищей». Слуги выполнили все приказы Усильване, леопард подрос и окреп, к ужасу людей, которые не уставали повторять: «Он сожрет нас! Усильване станет *умтакати* (колдуном). Зачем он приручил леопарда и называет его собакой?»²⁵ Любимая сестра Усильване, Усильванеказана, очень тревожилась по этому поводу. Случилось так, что однажды, оставшись дома одна, она накормила леопарда горячей кашей и он умер. Увидев мертвого леопарда, брат рассердился и ударил сестру ножом. Затем он собрал кровь Усильванеказаны в кувшин, омыл ее тело и уложил ее на постель так, чтобы все подумали, будто она спит. Затем Усильване заколол овцу и сварил кусок мяса в крови сестры. Когда вторая сестра пришла домой, Усильване предложил ей отведать мяса. Унтумби-япанси уже готова была съесть его, но ей помешала муха. Та назойливо вилась возле куска мяса, жужжа: «Ж-ж-ж, дай мне отведать мяса, и я расскажу тебе кое-что». Тщетно девушка пыталась отогнать муху, но потом сдалась и позволила ей отведать мяса, и муха рассказала ей обо всем, что случилось.

Унтумби-япанси нашла тело сестры и убежала из хижины, чтобы рассказать обо всем родителям. Усильване бросил в нее свое копьё, и оно уже готово было пронзить тело Унтумби-япанси, но в отчаянии девушка воскликнула: «Разверзись, земля, чтобы я могла войти!»²⁶ Земля разверзлась и поглотила ее, а Усильване, совершенно сбитый с толку,

²⁵ Как мы увидим в главе 14, некоторые животные (или духи в их обличье?) используются колдунами в качестве посыльных. В Ньясаленде в число таких животных включают леопарда, сову и гиену. Вот почему зулусы в разговоре никогда не называют леопарда его именем, *ингве*, предпочитая именовать его *исило* (дикий зверь). В то же время *Исило* – это титул зулусских королей, и (как и в Уганде) лишь члены королевской семьи имеют право носить или по-иному использовать шкуру леопарда.

²⁶ Легенда, связанная с разоренным селением близ Кипини, рассказывает о том, как семь маленьких девочек, преследуемых воинами из племени галла, воззвали к Богу, моля о помощи, земля разверзлась и поглотила их.

вернулся домой. До самого вечера Унтомби-япанси шла под землей, история не говорит, что именно она там увидела. Затем девушка прилегла поспать, а на следующее утро снова пустилась в путь. В полдень она вышла на землю и, поднявшись на холм, возвышавшийся над полем ее отца, громко закричала: «Это лето скорби! Усильване убил Усильванеказану, обвинив ее в смерти леопарда». Старая женщина, услышавшая слова девушки, повторила их соседям, и вождь велел убить ее за «клевету на сына вождя». То же самое повторилось на следующий день, на этот раз жизни лишился старик, услышавший крик Унтомби-япанси. Но на третий день все люди слышали голос девушки, они подбежали к ней и спросили: «Что случилось?» Унтомби-япанси рассказала им все. Жители деревни отправились в дом Усильване, схватили его и привели к вождю, спрашивая, какого наказания достоин злодей. Отец, охваченный горем, стыдом и отчаянием, велел всем выйти из хижины и закрыть двери, внутри остались лишь он, его жена и сын. Потом вождь поджег дом. Судя по всему, Унтомби-япанси пришла к отцу вместе с жителями деревни, потому что, перед тем как отдать приказ, отец повернулся к ней и сказал: «А ты, Унтомби-япанси, отправляйся к своей сестре (замужняя сестра до сего момента не упоминалась) и живи с ней, ибо я и твоя мать сгорим вместе с этим домом, мы не желаем больше жить, потому что Усильванеказана мертва, и мы хотим умереть вместе с ней... Возьми нашего мула, сядь на него и езжай. Когда ты будешь на вершине холма, ты услышишь, как ревет огонь, пожирающий деревню, но не оглядывайся, езжай дальше».

На пути к краалу сестры Унтомби-япанси встретила *имбулу* – судя по описанию, крупную ящерицу, но, очевидно, обладающую способностью принимать человеческий облик. Обманным путем ящерица заставила девушку отдать ей свои одежды и уселась на ее мула. И вот процессия прибыла в деревню, где имбулу приняли с почетом, как дочь вождя, а Унтомби-япанси, которую теперь называли Собачий Хвост (*Умсилавезинья*), сочли за служанку и отправили в поле распугивать птиц. Девушка, отправившаяся в поле вместе с Унтомби-япанси, очень удивилась, увидев, что та прогнала птиц при помощи пения – без сомнения, это была волшебная песня, хотя в истории об этом не говорится, а слова на первый взгляд не содержат никакой оккультной силы. В полдень Унтомби-япанси покинула свою товарку, сказав, что хочет искупаться в реке. Когда она вышла из воды, «все ее тело сияло, как медь». Унтомби-япанси ударила в землю медным посохом и сказала: «Явитесь, люди моего отца, и скот моего отца, и моя пища!» Земля разверзлась, и оттуда появилось множество людей, включая умерших родителей и сестру, они вели с собой много скота и несли пищу для Унтомби-япанси. Из земли вышел и ее мул (это означает, что не обязательно все вышедшие из земли были умершими). Девушка села на мула и запела песню, подхваченную людьми. Потом она слезла с мула, снова ударила в землю посохом, заставила скрыться в землю людей и скот и вернулась в поле. На следующий день ее товарка, снедаемая любопытством, втайне последовала за девушкой и увидела все происходящее своими глазами. Она рассказала об этом вождю, который спрятался в зарослях у реки и наблюдал за тем, как девушка произносила свои заклинания. Имбулу была разоблачена и убита, а вождь сделал Унтомби-япанси своей второй женой, и «они жили долго и счастливо». В истории не говорится, что после этого родители девушки вернулись к жизни. Вероятно, считалось, что, раз права их дочери восстановлены и она обрела свой дом, в их вмешательстве более нет нужды. Из истории ясно, что родители девушки жили в подземном мире той же жизнью, что вели на земле, а также что живые люди и животные могут входить в обиталище мертвых и без особого труда покидать его.

В первой главе упоминались некоторые африканские аналоги сказок, типичным образцом которых в Европе является сказка братьев Гримм «Фрау Холле». Она строится на мифологической основе, которая почти утрачена в английском варианте, где древняя богиня Хольда, или Хульда, превратилась в безымянную «старую ведьму», а девушка вместо того, чтобы упасть в колодезь, оставляет родительский дом, чтобы найти себе работу. В

африканских вариантах сказки несчастные или притесняемые люди ищут защиты на небе.

Существует несколько типов подобных сказок. В роли героини может выступать падчерица, страдающая от жестокого обращения со стороны мачехи, ищущей лишь предлога, чтобы избавиться от нее. Это может быть девочка, страшась гнева родителей из-за какого-то проступка, или же одна или несколько жен, страдающих от ревности своих соперниц. Примечательно, что в то время, как в народных сказках довольно часто фигурирует ревнивая вторая (третья и т. п.) жена, жестокая мачеха встречается редко: в целом к детям в полигамной семье все жены относятся как к своим, а сводные братья и сестры живут в гармонии. Две истории о мачехах, которые я отнесла к этой категории, пришли из Западной Африки. Они отличаются от прочих тем, что почти не упоминают мир духов. В сказке народа хауса мачеха посылает девочку к реке Багаджун, которая считалась обиталищем ведьм-людоедов, в надежде, что падчерица никогда не вернется оттуда. В другой истории (народа темне) девочку отправили с поручением к Дьяволу, возможно – в раннем варианте сказки – в иной мир, хотя в позднем тексте на это указаний нет, а в роли Дьявола (сказку рассказывают в английской колонии Сьерра-Леоне, поэтому выражение это явно заимствованное) мог выступать лесной демон. Возможно, ранее это был дух предка, обитающий в лесу: в этом случае связь с миром духов очевидна.

В другой сказке хауса есть любопытная вариация. Первая ее часть (как и начало сказки чвана «Холле») относится к категории сказок об ограх. Мать, чья дочь была убита и съедена оборотнем-гиеной, собирает ее кости и отправляется с ними в деревню, «где лечат людей». По пути ее ждут различные испытания, которые она успешно преодолевает. В деревне она ведет себя вежливо и выполняет все указания, которые ей даются, и ее дочь возвращается к жизни. Вторая жена, полагая, что ее уродливая дочь таким путем сможет похорошеть, намеренно убивает ее и, собрав кости, отправляется в ту же деревню. Но там она ведет себя в точности как избалованная и сварливая девочка из сказки «Фрау Холле» и получает награду по заслугам – дочь ее «вылечена плохо», фактически женщина получает только половину дочери с одним глазом, одной рукой и одной ногой. Та же довольно странная идея встречается на противоположном конце континента. В сказке чага, о которой я уже упоминала, женщина обманом заставила соперницу утопить ребенка. Но, увидев, что ребенок вернулся к матери здоровым и еще более красивым, чем прежде, она решает намеренно утопить свое собственное дитя и получает его назад с одной рукой и одной ногой. Представление об этих половинчатых существах, судя по всему, распространено по всей Африке.

В большинстве вариантов этой истории девочка встречает по дороге различные испытания, обычно их три (как у нас огонь, вода и медные трубы). Первая девочка успешно проходит все испытания, а вторая терпит неудачу. Иногда от девочек требуют оказания услуг – в некоторых случаях довольно отталкивающего характера. Так, в одном из вариантов старая женщина, страдающая от кожного заболевания, просит омыть ее язвы и нарывы или – еще хуже – очистить ей глаза, слизав гной. Иногда, как в сказке «Дорога на небо», решающим оказывается отношение девочек к тем, кто указывает им путь. Так, в истории «Волшебные яйца Дьявола» (темне) первая девочка вежливо и уважительно отвечает говорящим мотыгам и одноглазому человеку. Сказка хауса «Как бедная девочка разбогатела» рассказывает об испытании самообладания: дорога идет мимо молочной реки, медовой реки и жарящейся на огне птицы, представляющих собой немалое искушение. Первая девочка, полная решимости выполнить данное ей поручение, проходит мимо. Другая поддается искушению. Иногда девочке поручают сделать что-то определенное (ведьма из сказки хауса просит девочку помыть ее, Дьявол велит очистить ему голову от блох) или же заставляют работать в течение длительного периода, как это сделала фрау Холле. Далее, по завершении всех испытаний, героине нужно либо выбрать себе подарок, либо решить, каким способом она отправится домой. Дьявол народа темне велит девочкам сделать выбор из четырех яиц: первая берет самое маленькое и, разбив его, обнаруживает там несметные богатства; ее сестра, напротив, выбирает самое большое, где обнаруживает пчел, змею, хлыст и огонь, которые убивают ее и

ее злую мать. Колдунья хауса дает каждой девочке по корзине с указанием, когда их следует открыть, – одна девочка послушно следует этим указаниям, другая нарушает их и погибает.

В варианте чага старая женщина спрашивает: «Чем мне ударить тебя – горячим или холодным?» Принцип выбора не объясняется, но правильный ответ – очевидно, «холодное». Девочке, которая выбрала этот вариант, старуха велит погрузить руки в горшок; вынув руки из горшка, девочка видит, что они унизаны браслетами. Следует также отметить, что в двух случаях удача сопутствует той девушке, которая отказывается от пищи, предложенной духами. Этот эпизод встречается и в других мифологиях.

А теперь рассмотрим историю о Маруве, которую и по сей день рассказывают чага.

Маруву и ее маленькую сестру отправили в поле, чтобы присматривать за бобовыми побегами. Наступил жаркий полдень, и Марува, испытывавшая сильную жажду, спустилась к озеру Кининго, чтобы напиться. Ее маленькая сестра осталась одна. Тут на бобовое поле пришла стая павианов, но малышка была слишком напугана, чтобы прогнать их. Вернувшись, Марува обнаружила, что весь урожай погиб. Она ужасно испугалась, думая, что отец побьет ее, поэтому она побежала обратно к озеру и прыгнула в воду. Ее сестра вернулась домой и рассказала обо всем матери. Та пришла к озеру и увидела, что Марува не утонула, а плавает в воде. Мать позвала:

Эй! Марува, почему ты не возвращаешься?
Разве ты не собираешься вернуться?
Забудь про бобы, мы посадим другие!
Забудь про бобы, мы посадим другие!

Марува отвечала:

Это не я! Не я!
Пришли павианы и сожрали бобы!
Пришли обезьяны и сожрали бобы!

Мать снова спела свою песню, но дочь ответила теми же словами, а затем утонула. Мать вернулась домой.

Опустившись на дно озера, Марува обнаружила, что там живет множество людей, а дома их похожи на те, что стоят в ее деревне. Люди предложили ей еду, но она отказалась от нее. Желая знать, чем они могут угостить ее, люди спросили: «Что ты ешь дома?» – и Марува ответила: «Горькие фрукты и рвотный корень!» Девушка провела на дне озера много дней и все это время ничего не ела. Жила Марува в доме одной старой женщины, которой по хозяйству помогала маленькая девочка. Когда девочка вышла, чтобы набрать травы для коз, старуха сказала Маруве: «Ты можешь пойти вместе с ней, но смотри не помогай ей – пусть она сама делает свою работу». Марува, однако, не последовала совету, она нарвала травы и сама несла охапку на спине, отдав ее девочке, только когда вдаль показался дом старухи. То же самое случилось, когда они пошли за водой и за хворостом. Девочка очень полюбила Маруву. Однажды она сказала ей: «Тебе нельзя долго оставаться здесь; как только ты привыкнешь к жизни в этой деревне, ее жители начнут плохо обращаться с тобой. Иди и скажи старухе, что ты скучаешь по дому, и попроси ее отпустить тебя. Если она скажет: «Как мне выпустить тебя – через навоз или через огонь?» – скажи: «Пожалуйста, выпустите меня через навоз, матушка!» Марува сделала так, как было сказано, и вышла на землю через дыру в навозной куче в хлеву. Очутившись в мире людей, Марува обнаружила, что она не только чиста, но и вся с ног до головы украшена металлическими цепочками и бусами. Она пришла к родительскому дому. Увидев, что дома никого нет, девушка спряталась в загоне для скота. Через некоторое время пришла мать, чтобы взять калebas с молоком, увидела Маруву, узнала ее и протянула руку, чтобы коснуться дочери. Но Марува закричала: «Не трогай мои украшения!» Женщина выбежала из дома и позвала мужа: «Эй! Мбоньо! Мбоньо!» – и

попросила его принести из загона для скота бутылку с молоком – то есть обратилась к мужчине с довольно необычной просьбой. Тот сперва отказался, но потом, подозревая, что за просьбой жены что-то кроется, отправился в загон и увидел там Маруву, которая также запретила отцу трогать ее украшения. Отец понял, что у дочери есть серьезная причина держать родителей на расстоянии. Он привел овцу и подарил ее дочери, «чтобы та вышла во двор и он мог полюбоваться на нее».

Получив в подарок овцу, Марува вышла во двор в своих ослепительных украшениях, которые получила в озере Кининго. Все жители деревни собрались, чтобы посмотреть на Маруву».

Дочь соседа была очень завистлива. Услышав, что Марува принесла с собой украшения, она побежала к озеру и прыгнула в воду. Очутившись на дне озера, она съела все, что ей предлагали, а попав в дом к старухе, последовала ее совету и предоставила маленькой девочке самой делать всю работу. Однажды девочка сказала ей: «Нам здесь нелегко приходится, лучше попроси, чтобы тебя отпустили домой». Потом она дала девушке тот же совет, что и Маруве, сказав только, что нужно попросить старуху выпустить ее домой через огонь. Когда завистливая девушка вернулась в свою деревню, «в ее теле был спрятан огонь». Она спряталась в хлеву, как Марува, которая первой увидела соседку. Она протянула к ней руку, но из тела девушки вдруг вырвалось пламя. Она бросилась бежать, ныряя по пути в реки и ручьи, но не могла погасить огонь. Она молила каждую встреченную реку о спасении, но никто не мог помочь ей. Наконец она прибежала к Намуру и умерла в реке Сера. До сего дня никто, кому знакома эта история, не пьет воду из этой реки.

К этой же категории сказок относится история о Пауке, которую рассказывают племена Золотого Берега.

Однажды во время неурожая Ананси, или Анану (Паук), и его сын Анануте искали пищу в буше и Анануте нашел кокосовый орех. Только он собрался расколоть его и полакомиться мякотью, как орех вдруг выскользнул из рук и укатился в крысиную нору. Анануте пополз за ним и вскоре очутился в обществе трех чрезвычайно грязных духов – черного, белого и красного, которые не мылись и не брились чуть ли не с сотворения мира. Духи спросили Анануте, что ему нужно, и очень удивились, услышав, что он так старается из-за одного-единственного ореха. Духи накопили на своем поле немного ямса и отдали его Анануте, велели почистить клубни, сварить кожуру и выбросить прочь сами клубни. Анануте так и поступил и обнаружил, что кожура превратилась в очень вкусный ямс. Он оставался под землей три дня, у него было вдоволь еды, и он сильно поправился. На четвертый день он попрощался, спросив, может ли он отнести немного ямса своим родным. Духи дали ему большую корзину, доверху наполненную ямсом, проводили его и научили такой песне:

Соло:

Белый дух, хо! Хо!
Красный дух, хо! Хо!
Черный дух, хо! Хо!

Хор:

Если я ослушаюсь,
Что случится со мной?
Он выбросит голову,
Он выбросит ногу.
Ты, ты обидел великие фетиши!

Духи предупредили Анануте, чтобы он никому не пел эту песню, разве только когда

останется наедине с самим собой. Как обрадовались домашние, увидев Анануте целого и невредимого, да еще нагруженного ямсом, которого семье хватило на долгое время! Когда запасы ямса истощились, Анануте снова отправился к духам. Поскольку он старательно следовал их указаниям, они позволили ему приходить так часто, как он того пожелает. Отца снедало любопытство, и он тоже захотел пойти к духам, но сын – зная характер отца – не хотел и слышать об этом. В следующий раз, когда запасы пищи подошли к концу, Ананси проснулся ночью, проделал дыру в мешке сына и наполнил его золой. Идя по дорожке из золы, Ананси смог нагнать сына прежде, чем тот добрался до места. Молодой Паук, видя, что отец настроен решительно, велел ему самому идти к духам, дал несколько советов и отправился домой. Нет нужды говорить, что Ананси произвел на духов чрезвычайно плохое впечатление. Стоило ему увидеть их, как он разразился смехом, принялся отпускать нелестные замечания относительно внешнего вида духов и даже предложил им подстричь бороды. Затем он имел наглость попросить ямса. Духи дали ему немного ямса, велели почистить его, сварить кожуру, а сами клубни выбросить. Но Ананси сказал себе, что он не такой дурак, и положил клубни в горшок. Прождав долгое время, он обнаружил, что клубни остались сырыми, тогда он попробовал сварить кожуру и она превратилась во вкусные клубни. Перед тем как Паук отправился домой, духи научили его своей тайной песне, и Ананси принялся распевать ее во весь голос, как только выбрался из норы. Тут все тело его «запылало, голова оторвалась, и Паук умер». Духи, не желая доходить до крайности, вернули Ананси к жизни, но он продолжал петь и на второй, и на третий раз, тогда они пришли за ним, отобрали у него ямс и устроили Ананси хорошую взбучку. Соседи Ананси, узнав о произошедшем, прогнали его из деревни.

Существует еще одна группа легенд, которую стоит упомянуть: в этих историях месть за совершенное убийство осуществляется при помощи птицы или другого существа, обычно, хотя и не всегда, отождествляемого с душой жертвы. Существует великое множество вариантов этих историй; одним из самых интересных является зулусская история «Уньенгебуле», в которой муж в порыве гнева убивает жену и хохолок из перьев, который она носила в волосах, превращается в птицу. Муж снова и снова убивает птицу, но она возвращается к жизни и наконец рассказывает об убийстве родителям погибшей женщины. Менее известную версию истории рассказывает народ кинга, живущий у северной оконечности озера Ньяса. История называется «Перо цапли» и повествует о том, как два юноши отправились в дальнюю деревню, чтобы навестить родственников. Один из них носил в волосах перо ворона, другой – перо цапли. На склоне холма юноши увидели девушек и спросили: «Девушки, который из нас вам больше нравится?» – «Нам больше нравится тот, кто носит перо ворона», – ответили девушки. Та же история повторилась во второй и в третий раз. Тогда юноша, отчаявшийся добиться внимания девушек, предложил своему товарищу поменяться перьями, и тот согласился. Когда они дошли до следующего холма, они снова встретили девушек и повторили свой вопрос, но ответ теперь был другой: «Нам больше по душе тот, кто носит перо цапли». Тогда неудачливый юноша воскликнул: «Они все презирают меня, им больше нравишься ты, а я уродлив и никогда не найду себе жену!» Ревность терзала его сердце. Через некоторое время юноши подошли к пересохшему руслу реки в глубоком ущелье. Затаивший злобу юноша предложил товарищу вырыть яму, чтобы добыть немного воды. Когда яма была уже с рост человека, завистливый юноша столкнул товарища в яму и засыпал ее землей. Потом он отправился к родственникам в деревню. Пробыв в гостях некоторое время, юноша вернулся домой. В деревне его, разумеется, спросили, где товарищ. «Я не знаю, – ответил злодей, – он отстал от меня; наверное, он еще в дороге». На следующий день родители пропавшего юноши снова заинтересовались, где их сын, и опять получили тот же ответ, который на некоторое время удовлетворил их. Но когда сын не появился ни вечером, ни на следующее утро, родители встревожились. Тут они заметили птицу, сидящую на ограде крааля и поющую: «Ваш сын пропал; товарищ похоронил его в яме». Услышав это, родители снова спросили юношу: «Где ты оставил своего друга?» – но молодой человек опять принялся уверять их, что товарищ задержался и

наверняка появится на следующий день. Очевидно, родители не были уверены, что правильно поняли птицу, потому что приняли заверения преступника и стали ждать следующего дня. Юноша не вернулся домой, вместо него снова появилась птица и опять запела свою песню. Тогда родители пропавшего спросили юношу, о чем, по его мнению, поет птица. «Да она просто пьяна и несет чушь!» – ответил тот. Минут еще день, и птица снова прилетела. На этот раз отец с матерью решили пойти выяснить, что случилось. Они встретили людей, видевших, как двое юношей спустились в ущелье, но вышел оттуда только один. Родители отправились к ущелью, заметили, что в одном месте земля свежескопана, принялись рыть и нашли тело сына. После этого они схватили убийцу, вырыли другую яму и похоронили его там.

В истории не уточняется, что это была за птица, но в первоначальном варианте она, несомненно, являлась олицетворением души погибшего юноши.

Глава 6 Герои

Насколько нам известно, в африканской мифологии нечасто встречается Герой, который одновременно являлся бы Демиургом, создателем всего сущего, а в другом аспекте трикстером – хитрецом, обманщиком. В преданиях чаще фигурирует существо, обладающее лишь некоторыми из этих качеств. Хубеане (Хобиана) племен бавенди и бапеди, который, как говорят, был сыном первого человека и творцом других человеческих существ (некоторые называют его первым предком и творцом неба и земли), наделен многими чертами хитреца и ловкача. Особенно ярко эти качества проявляются в зулусском персонаже Хлаканыяне, который также наделен магической способностью к перевоплощениям, но, судя по всему, не принимал никакого участия в создании мира. В современном варианте сказки это человеческое или квазичеловеческое существо. Есть, однако, признаки, указывающие на то, что Хлаканыяна может вести свое происхождение от животных, а некоторые из его приключений в фольклоре банту приписываются Зайцу. Заяц никогда не выступает в роли Демиурга, но Паук, главный трикстер Западной Африки, фигурирует в легендах яо, рассказывающих о сотворении мира, а народы конго и дуала, живущие на территории Анголы, связывают Паука с небом. Рождению Хлаканыяны сопутствуют некоторые чудесные обстоятельства, они же окутывают рождение Райангомбе, героя фольклора кизиба: оба начали говорить еще до того, как родились, а последний сразу после появления на свет съел целого буйвола. Хубеане демонстрирует комбинацию хитрости и истинной или притворной глупости, которая напоминает о Тиле Уленшпигеле и Насреддине. Ум его главным образом проявляется в способности избегать ловушек.

Похожие истории рассказывают о Галикалангье. Этот персонаж знаком племени вахехе, живущему к северу от озера Ньяса, а также племенам аньянджа и яо, населяющим территории, расположенные южнее озера. В этих историях мать героя еще до рождения ребенка обещает отдать его Демону²⁷. Однако выполнить свое обещание ей не удастся, поскольку ребенка, как оказалось, не так легко заставить врасплох. Ребенок хитер, но все его уловки – это исключительно меры самозащиты, злые шутки над окружающими не его конек.

Мы уже упоминали Тсуи-Гоаба, вождя Раненое Колено – обожествленного героя готтентотов. Неизвестно, можно ли его отождествлять с Хейтси-Эйбибом. Если тождества не существует, следовательно, последнего нужно считать самостоятельным героем. Впрочем, сейчас, к сожалению, уже слишком поздно восстанавливать связующие звенья между записями отдельных рассказчиков.

²⁷ В двух более древних сказках в этой роли выступает гиена. В племени ньянджа рассказывают странную историю. Девочка находит яйцо гиены, приносит его домой, и мать кладет яйцо в огонь. Гиена приходит в хижину, требуя вернуть яйцо, и ей взамен обещают отдать еще не рожденного ребенка.

Рождение Хейтси-Эйбиба можно назвать чудесным, он был наделен способностью к перевоплощениям. Он сражается с врагом человечества, Гаунабом, или Га-го-рибом (Низвергающим), в обычае которого было швырять людей головой вперед в глубокую яму: он обычно сидел возле ямы и бросал вызов каждому проходящему мимо, требуя кинуть камень ему в лоб. Но камень рикошетировал, убивая метателя, так что тот падал в яму. Наконец слухи о том, что таким образом погибло уже много людей, дошли до Хейтси-Эйбиба, и он отправился к Гаунабу. Отказавшись бросить камень по требованию Гаунаба, он вскоре отвлек его внимание и кинул камень, ударивший Гаунаба ниже уха, «так что он умер и упал в свою собственную яму. После этого наступил мир, и люди жили счастливо».

В другой версии рассказывается об этих двух персонажах, гонявшихся друг за другом вокруг ямы и поочередно кричавших:

Упади, Хейтси-Эйбиб!
Упади, Га-гориб!

Наконец Га-гориб столкнулся с Хейтси-Эйбибом в яму. Но тот попросил яму: «Поддержи меня немного!» – и она держала его, пока он не выбрался. Они снова принялись гоняться друг за другом вокруг ямы. Хейтси-Эйбиб снова упал и снова выбрался, но на третий раз в яму свалился его соперник, который «оттуда не выбрался». «С того дня люди вздохнули свободно и избавились от своего врага, потому что он был побежден». Некоторые отождествляют Га-горива с Гаунабом, врагом, ранившим Тсуи-Гоаба в колено.

Эту историю рассказывают и про Тсуи-Гоаба, а также, что еще более примечательно, про Шакала. Это позволяет предположить, что Хейтси-Эйбиб, как и другие герои, в первоначальном варианте истории был животным. Шакал – любимый герой готтентотского фольклора, и многие из его подвигов банту приписывают Зайцу.

Рассказывают, что когда-то Хейтси-Эйбиб дружил со Львом и они часто вместе охотились. Лев был более успешным охотником, но Хейтси-Эйбиб обычно изобретал какую-нибудь уловку, чтобы выманить у Льва большую часть добычи, а затем высмеивал Льва за его спиной. Дочь Льва, которой он приносил добычу, начала страдать от голода. У Хейтси-Эйбиба тоже была дочь. И вот в один прекрасный день дочери встретились у источника, куда они пришли за водой. Дочь Льва присела, чтобы наполнить свои кувшины, но дочь Хейтси-Эйбиба потребовала уступить ей место, а когда та отказалась, дочь Хейтси-Эйбиба принялась насмеяться над неудачливым охотником Львом, говоря, что Хейтси-Эйбиб перехитрил его. Придя домой, дочь Льва рассказала обо всем своему отцу, и тот на следующий день, во время охоты, стал заботиться о сохранности своей добычи. Тогда Хейтси-Эйбиб сказал: «Эти две девчонки посорят нас – лучше убьем их обеих!» Лев согласился и убил свою дочь, а Хейтси-Эйбиб снова обманул его, колотя палкой по шкуре, на которой он спал, а дочь его в это время где-то пряталась. Когда Лев узнал об обмане, он погнался за Хейтси-Эйбибом и его дочерью, но они сумели ускользнуть и нашли прибежище под землей. В отчаянии Лев стал умолять Хейтси-Эйбиба вернуть дочь к жизни, что тот в конце концов и сделал.

Пирамиды из камней, встречающиеся по всей Южной Африке, называют могилами Хейтси-Эйбиба. Судя по их количеству, ловкач умирал не раз и все время возвращался к жизни. Блик цитирует любопытную сказку «Пожиратель изюма».

Хейтси-Эйбиб и его семья, странствуя, достигли некой долины, где обнаружили в большом изобилии спелые ягоды той разновидности, что именуется «дикий изюм». Хейтси-Эйбиб поел этих ягод и тяжело занемог. «Я чувствую, что жить мне осталось недолго, – сказал он своему сыну Урисебу, – когда я умру, накрой мое тело камнями... и прошу тебя, не ешь ягоды с деревьев в этой долине. Ибо если ты поешь их, то умрешь так же, как и я». Жена Урисеба сказала: «Твой отец заболел, потому что поел ягод из этой проклятой долины. Давай скорее похороним его и уйдем отсюда».

И вот Урисеб и его жена похоронили Хейтси-Эйбиба, засыпали его могилу камнями, как он просил, и ушли. Вскоре, готовясь расположиться на ночлег, они вдруг услышали, что из долины доносится «какая-то песня». Потом они различили слова:

Я отец Урисеба,
Отец этого нечистого,
Я тот, кто отведал этого изюма и умер
И, умерев, живу.

Жена, заметив, что шум исходит от могилы старика, послала Урисеба посмотреть. Через некоторое время он вернулся и сообщил, что видел следы, похожие на отпечатки ног его отца. Тогда жена сказала: «Это он» – и велела Урисебу подкрасться к отцу и отрезать тому отступление к могиле, «а когда ты поймаешь его, не давай ему ускользнуть».

«Он сделал, как было сказано, и Урисеб и его жена очутились между могилой и Хейтси-Эйбибом и схватили старика. «Отпустите меня! – взмолился тот. – Я умер, я могу заразить вас!» Но жена Урисеба сказала мужу: «Держи хитреца!» Хейтси-Эйбиба привели домой, и здоровье его с того дня было крепче прежнего!»

У Хубеане способность воскресать после смерти уступила место поразительной изобретательности, направленной на ускользание от смерти. О Хубеане говорят, что он был сыном Рибимби (Рибиви, Левиви), первого человека, но рождение его было самым обычным и ни с какими чудесами не связано. Сначала он отличился своей феноменальной тупостью – Хубеане буквально воспринимал даваемые ему указания и выполнял их наоборот. Так, однажды он вместе со своей матерью отправился собирать бобы. Мать нашла в бобовых зарослях спящего бушбока (лесную антилопу), убила его и положила на дно корзины, засыпав животное бобами. Потом она отослала Хубеане домой с корзиной, сказав ему: «Если по дороге встретишь кого-нибудь, кто спросит тебя, что ты несешь, отвечай: «Бобы моей матери», а сам помалкивай, что там бушбок». Разумеется, по дороге домой Хубеане встретил соседа, который поинтересовался, что у мальчика в корзине. Хубеане ответил: «Я несу бобы моей матери, но сам-то знаю, что в корзине бушбок».

Когда Хубеане подрос, его отправили пасти овец и коз. Однажды он наткнулся на мертвую зебру. Когда вечером жители деревни спросили его, где сегодня кормилось стадо, Хубеане ответил: «У черно-белой скалы». Вернувшись на следующий день к тому же месту, он увидел, что гиены уже грызут скелет зебры. Когда вечером ему задали тот же вопрос, он ответил, что повел овец к «гиеновой скале». Люди, уже изрядно озадаченные накануне «черно-белой скалой», ничего не могли понять, поэтому на следующий день несколько человек отправились вместе с Хубеане и, к своему недовольству, обнаружили, что потеряли ценный запас мяса. «Когда ты в следующий раз увидишь тушу мертвого животного, – сказали они Хубеане, – забросай ее ветками, а сам беги в деревню и зови людей». На следующий день Хубеане камнем убил маленькую птичку, забросал ее ветками и созвал всю деревню – нетрудно представить себе разочарование ее жителей. Несколько человек взяли на себя труд объяснить Хубеане, что он должен был привязать птичку к поясу и принести ее домой. В следующий раз Хубеане попытался проделать это с убитой им антилопой – при этом туша животного волочилась по земле и шкура его была безвозвратно испорчена. Короче говоря, Хубеане был источником постоянных огорчений для своих родных и остальных жителей деревни. Однажды отец отправился вместе с ним, чтобы присмотреть за стадом, а сын заявил, что на вершине высокой скалы есть вода. Когда отец поднялся на скалу, Хубеане выдернул колышки, облегчавшие подъем. Потом Хубеане побежал домой и съел обед, приготовленный для отца, потихоньку наполнил опустевший горшок коровьим навозом, вернулся к скале, помог отцу спуститься и притворился, что всего лишь бегал взглянуть на стадо. Когда Хубеане и отец вернулись домой, Хубеане принялся упрекать слуг за то, что они так медленно подают на стол обед. Если вы не поторопитесь, сказал он им, обед превратится в коровий навоз – что, собственно, и случилось.

Эта и другие подобные проделки наконец вывели отца и жителей деревни из себя, и они решили избавиться от Хубеане. Сначала они подсыпали яд в его пищу, но он настоял, что будет есть только из миски своего брата; потом они вырыли яму на том месте, где обычно сидел Хубеане, утыкали дно острыми кольями и прикрыли яму ветками. Но Хубеане пришел и сел в другом месте. Тогда жители деревни спрятали человека в связку тростника, чтобы он мог проткнуть Хубеане копьем, когда тот подойдет поближе. Но Хубеане снова что-то заподозрил и выбрал эту связку, чтобы попрактиковаться в метании дротиков. Поняв, что они никогда не смогут застать Хубеане врасплох, окружающие решили оставить его в покое.

В ранних формах мифа Хлаканыяна, вероятно, фигурировал как Заяц или существо из семейства куньих. В одной из историй, пересказанных Каллауэем, говорится, что одним из имен героя было Укаиджана (Маленькая Ласка), «да он и был похож на ласку...». Однако, поскольку Ласка не является главным героем зулусского фольклора, ее появление можно объяснить более поздним искажением мифа. Каллауэй считает, что Хлаканыяна – это существо, напоминающее нашего Мальчика-с-пальчика. Хлаканыяна начал говорить еще до рождения, а появившись на свет, сразу выходит в крааль, садится среди людей и ест мясо. Он надувает своих родителей и других жителей деревни, но встречает с их стороны больше терпимости, чем Хубеане. Покинув дом, Хлаканыяна встречает людоедов и одерживает над ними победу. А вот любопытный эпизод, который может указывать на то, что когда-то Хлаканыяна фигурировал в мифологии в роли культурного героя²⁸. Выкопав несколько съедобных клубней, он отдает их своей матери, чтобы та приготовила их к обеду. Мать съедает клубни сама, а когда Хлаканыяна требует вернуть клубни, мать отдает вместо них горшок для молока. Этот горшок он одалживает мальчикам, которые доят коров в разбитые глиняные черепки. Один из мальчиков разбивает горшок и, выслушав упреки Хлаканыяны, отдает ему взамен ассагай (копье с железным наконечником). Хлаканыяна продолжает серию обменов, каждый раз получая предмет большей ценности взамен утраченного. Мена заканчивается, когда Хлаканыяна получает боевой ассагай, а «то, что он с ним сделал, я расскажу в другой раз». В этой истории примечательны два момента. Во-первых, Хлаканыяна является в некотором роде двигателем прогресса: он предлагает горшок для молока вместо черепков, ассагай для резки мяса вместо тростинок с заостренными краями, топор для рубки хвороста, который женщины, вероятно, ломали руками, и т. д. Во-вторых, та же история, правда с несколькими вариациями, рассказывается о Зайце, который встречает людей, работающих деревянными мотыгами, и предлагает им мотыги железные, а также вручает людям стрелы с железным наконечником вместо деревянных.

У кизиба мы встречаем более земного, близкого людям героя по имени Кибби – могучего охотника, пришедшего вместе со своими собаками из Уньоро. Похожей фигурой является Мбега в Узамбара – основатель клана вождей Вакилинди. Эти персонажи могут служить типичным примером миграции более прогрессивных представителей коренного населения. Но не будем останавливаться на этой проблеме, а перейдем к мифу, представляющему огромный интерес. Он встречается не только на территории, населенной народами группы банту, но также и за ее пределами. Герой истории часто безымянный, впрочем, басуто называют его Мосаньяна или Литаолане. Тэйлор включает эту историю в категорию мифов о природе, считая ее драматизацией процесса смены дня и ночи: солнце, поглощенное тьмой, вновь появляется, торжествующее и невредимое. Современные

²⁸ В других регионах главным героем этой истории является Заяц. Существование берберского и южноевропейского вариантов истории, вероятно, указывает на то, что история пришла в Африку из Средиземноморского региона и в некоторых случаях (но отнюдь не во всех) была адаптирована коренным населением применительно к мифам об их любимом животном. Так, в готтентотской, европейской и берберской версиях главным героем выступает человек или шакал; банту обычно рассказывают историю о зайце, иногда о мальчике, девочке (гереро), старухе (бена-каниока) или мужчине (Ньясаленд). В Западной Африке в роли главного героя фигурирует паук.

специалисты сомневаются, что подобный феномен может быть персонифицирован примитивными племенами. Я не буду пытаться разрешить эту проблему, а просто расскажу историю о Мосаньяне.

Люди – несомненно, население всего мира, по крайней мере, в этом убежден рассказчик – были проглочены чудовищем по имени Холумолумо, вместе с людьми в его брюхо попал скот, собаки и домашняя птица. Единственной, кому удалось спастись, была беременная женщина, которая вымазала себя золой и укрылась в загоне для телят. Холумолумо заглянул в крааль, но принял женщину за камень, «ибо от нее пахло золой», и не тронул ее. Он дошел до горы, возвышавшейся у деревни, но не смог перешагнуть ее, потому что плотно поел, и присел отдохнуть.

Через некоторое время женщина родила ребенка. Она оставила его буквально на несколько минут, чтобы принести еды. Вернувшись, она обнаружила не ребенка, но взрослого мужчину, вооруженного копьем. «Эй! А где же мой ребенок?» – спросила женщина, а мужчина ответил: «Это я, матушка!» Он спросил, куда делись все люди. Мать ответила, что всех их, а также скот, собак и птицу проглотил Холумолумо. Мужчина спросил, где сейчас этот Холумолумо. «Выйди и посмотри, сын мой». Мать взобралась на ограду крааля, указала на ущелье, открывавшее вход в долину, и сказала: «Та огромная туша, что закрывает все ущелье, и есть Холумолумо».

Сын взял копья и, несмотря на мольбы матери, отправился взглянуть на чудовище, то и дело останавливаясь по пути, чтобы наточить свои копья о плоские камни. Увидев юношу, Холумолумо открыл рот, чтобы проглотить его, но не смог подняться и дотянуться до юноши, который тем временем обошел чудовище кругом и дважды вонзил в него копье. Холумолумо умер.

«Потом юноша достал свой нож, но мужчина в брюхе Холумолумо закричал: «Не режь меня!» Юноша отошел и воткнул нож в другом месте, тут уже корова сказала: «Му-у!» Потом залаяла собака, закричал петух. На этот раз юноша проявил упорство и разрезал-таки брюхо чудовища, из которого вышли все люди и животные».

Они сделали юношу своим вождем. Но, как всегда, нашлись среди людей завистники. Они решили убить вождя. «Давайте схватим его, – сказали они, – разожжем большой костер и бросим в огонь». Но «когда злые люди попытались схватить вождя, он ускользнул от них, они поймали другого человека и бросили его в огонь». Возможно, это надо понимать так, что вождь прибег к помощи магии и злодеи были введены в заблуждение. «А вождь спросил: «Что вы делаете с этим человеком?»

Тогда заговорщики решили вырыть яму на том месте, где обычно сидел вождь, но тому удалось избежать ловушки – правда, не как Хубеане, который отказался сесть на свое любимое место, а потому, что вождь был чудесным образом предупрежден. Потом вождя пытались столкнуть с обрыва, но «он сбежал, и люди сбросили в пропасть другого человека», которого вождь впоследствии вернул к жизни.

Когда заговорщики предприняли свою последнюю попытку, вождь уже не сопротивлялся, а позволил убить себя. «Говорят, что его сердце выскочило из груди и превратилось в птицу».

Это пример ясного и логически связного изложения. Некоторые из деталей этой истории могут быть заимствованы из других историй. Процесс взаимозаимствования вообще присущ народным преданиям. Иногда герой избегает смерти, иногда, пройдя через смерть, он возрождается к жизни. Порой он выходит из всех передряг целым и невредимым и «с тех пор живет счастливо», наслаждаясь заслуженными почестями.

Быстрое взросление героя Мосаньяны (хотя рождение его само по себе не чудесно) напоминает нам о Хлаканьяне. Любопытный вариант ронга приписывает аномальное рождение герою Бокеньяне, чья мать, первый предок нанди, обварила кипятком голень, из которой и появился ребенок. Создавая свои истории, народ словно хочет донести до нас мысль, что герой-освободитель, способный на подвиги, которые не под силу среднему человеку, не может явиться в этот мир обычным способом.

Мы уже упоминали о существовании историй о герое, который первоначально был животным. К числу таких историй можно причислить и ту, что представляет собой очень древнюю форму легенды, распространенную ныне среди народа не, живущего на территории Берега Слоновой Кости. В этой истории волшебный калebas проглотил всех людей и животных, за исключением одной овцы, которая позднее принесла ягненка. Когда ягненок подрос и окреп, он боднул калebas и разбил его.

Чудесное рождение мы видим в случае с Галикалангье, который во всех остальных отношениях не имеет ничего общего с Мосаньяной, за исключением неоднократного спасения от смерти, в этом он напоминает Хубеане. Здесь обстоятельства, предшествующие рождению, совершенно иные и варьируются в нескольких версиях сказки. Впрочем, все версии сходятся в том, что мать обещает свое дитя некоему существу, которое помогает ей выпутаться из трудного положения, – в данном случае это Гиена. Женщина собрала в лесу хворост и понимает, что не сможет поднять тяжелую вязанку на голову; Гиена предлагает свою помощь и спрашивает, что она получит взамен. С поразительной готовностью женщина обещает отдать свое еще не рожденное дитя. Не успела женщина дойти до дому, как ребенок появился на свет, потребовал положить его в глиняный черепок и поджарить (*каланга*, отсюда его имя) на огне. В результате ребенок вырос чрезвычайно быстро. Когда Гиена пришла, чтобы забрать младенца, мать велела Гиене самой найти ребенка и обещала привязать тому на ногу колокольчик, чтобы его можно было отыскать среди других детей. Галикалангье взял множество колокольчиков и привязал их к ногам своих товарищей, велел им отзываться на его имя. Пришлось Гиене уйти несолоно хлебавши. В следующий раз мать послала сына собирать бобы туда, где пряталась Гиена. Галикалангье отправил вместо себя жука, а сам пошел играть с товарищами. Тогда, спрятав Гиену в вязанку хвороста, мать послала за ней сына. Галикалангье взглянул на вязанку и заметил: «Я могу принести вязанку в три раза тяжелее этой», его слова так напугали Гиену, что она убежала. Снова потерпев неудачу, мать велела сыну смастерить ловушку. Когда стемнело и Гиена спряталась за ловушкой, мать сказала, что западня захлопнулась. «Разве? – спросил сын. – Моя ловушка всегда захлопывается трижды». «Что же это за ловушка, что захлопывается трижды?» – подумала Гиена и пустилась бежать. Наконец мать выбрила сыну полголовы и сказала Гиене, что та может прийти за сыном, когда тот уснет у огня. Но Галикалангье встал ночью, выбрил матери полголовы и спрятался за хужиной. Гиена пришла и, найдя человека, соответствующего описанию, убила мать Галикалангье.

Герой Качирамбе племени ньянджа, тоже несколько раз избежав смерти в очень схожих обстоятельствах, прощает свою мать и убивает Гиену. Точки соприкосновения с легендой о Хубеане очевидны. Столь же ясно видны и отличия.

Герой Райангомбе по своему рождению напоминает Хлаканьяну и Галикалангье. В остальных отношениях он отличается от прочих героев. Райангомбе побеждает одного прославленного воина и глотает другого, а тот, проложив себе ножом путь на свободу, убивает Райангомбе. Эта история может представлять собой более позднюю и изрядно искаженную вариацию мифа.

Глава 7

Мифы о природе

Мифы о природе не занимают такого значительного места в африканском мировоззрении, как в мифологии других континентов. Африканцы рассказывают истории, в которых Солнце, Луна и прочие небесные тела играют определенные роли, говорят и действуют как человеческие существа. Племя нама верит, что все небесные тела некогда были людьми. Истории эти призваны объяснить происхождение и характер природных феноменов. Однако, как мы уже успели убедиться, большая часть легенд о сотворении мира ограничивается рассказом о появлении человека или животных и ничего не говорит о происхождении мира, как такового.

В середине прошлого столетия Макс Мюллер и Джордж Кокс выдвинули теорию, согласно которой мифы являются образными, метафорическими описаниями заката, рассвета, бурь и других явлений.

Брейсиг отмечает, что – во всяком случае, на наиболее древних, примитивных этапах развития мышления – божественные или героические фигуры не являются олицетворением сил природы, хотя могут позднее, так сказать задним числом, отождествляться с ними. Так произошло, вероятно, в древнем Вавилоне с Мардуком, которого иногда называют богом Солнца и который одновременно ассоциируется с созвездием Тельца. Сомнительно, чтобы подобное отождествление имело место в той части Африки, которую мы сейчас изучаем. Те боги пантеона Уганды, что более всего походят на силы природы, могут являться обожествленными духами предков.

В Африке широко распространены сказки, называемые некоторыми учеными искаженными мифами о Природе, но с полной уверенностью этого никто утверждать не может. Вот один из самых популярных эпизодов в историях о Зайце: в голодное время Заяц и Гиена решили убить своих матерей и съесть их: Гиена выполняет договор, а Заяц прячет свою мать, втайне передавая ей пищу до тех пор, пока Гиена не узнает об обмане и убивает мать Зайца. В то же время в фольклоре эве есть история, которую Майнхоф считает вариантом – возможно, более древней формой – сказки, рассказанной выше. Солнце и Луна решают убить своих детей. Что послужило причиной этого решения – история не объясняет, а лишь намекает, что Солнце и Луна хотели устроить пир. История также не уточняет, к какому полу причисляются Луна и Солнце. Судя по всему, в данном случае это женщины. Солнце убило своих детей и съело их вместе с Луной. Последняя же спрятала своих детей в огромном кувшине для воды и позволяла им выходить только по ночам. Вот почему Солнце до сих пор бездетно, а отпрысков Луны – звезд – можно видеть на небе каждую ночь.

Ту же историю рассказывают сомалийцы о двух женщинах – красной и черной, в данном случае черная женщина обманывает красную. Это может быть, как полагает Майнхоф, эволюцией мифа о Солнце и Луне, приведенного выше, который дошел до народов группы банту и раскололся со временем на различные варианты. С другой стороны, можно предположить, что эволюция мифа шла другим путем и что версия банту с ее главными героями-животными, напротив, является наиболее древней формой. Могло случиться и так, что два или даже три мифа возникли независимо, а затем оказали влияние друг на друга.

В третьей главе мы уже отмечали, что Луна иногда ассоциируется с появлением Смерти в мире. В готтентотской легенде Луна, хотя и не называется определенно Творцом, посылает Зайца к людям с важным сообщением. У банту Луна в такой ипостаси не фигурирует, этот миф мог сложиться под хамитским влиянием или быть заимствован у бушменов. Последние считали Луну существом, приносящим несчастье, и говорили, что «лучше не смотреть на Луну, когда охотишься... а матери наши все время повторяли нам, что от Луны добра не жди». Считается, что «медвяная роса», которую можно увидеть на листьях поутру, стекает с Луны, эта роса «нейтрализует действие яда, что находится на наконечниках наших стрел, и дичь оживает... Лунная вода – вот что исцеляет ее». Но «лунная вода» не оказывает должного эффекта, если охотник, стреляя в животное, не смотрит на Луну.

У бушменов существовал обычай приветствовать нарождающуюся Луну следующими словами (произнося их, бушмены закрывали глаза руками): «Кабби-а! Возьми мое лицо, а взамен отдай мне свое!.. Отдай мне свое лицо, с которым ты, умерев, возрождаешься к жизни! Дай мне свое лицо, чтобы я мог заменить тебя, когда ты исчезаешь!»

У бушменов существует куда большее количество мифов, рассказывающих о небесных телах, чем у банту. Они рассказывают две разные истории о Луне. В одной говорится, что некогда Луна была кожаной сандалией, принадлежащей загадочному существу – богомолу, который зашвырнул ее на небо. Другая история гласит, что «Луна – это человек, который навлек на себя гнев Солнца, и оно пронзило его ножом (то есть лучами). Солнце все

кромсало и кромсало Луну, пока от нее не остался крошечный кусочек. Человек-Луна жалобно просил Солнце пощадить его ради детей (в бушменской мифологии Луна – существо мужского пола), и Солнце смилостивилось. Когда Луна становится полной, Солнце снова начинает наносить свои удары».

В случаях, когда банту персонифицируют Луну, они говорят о ней как о мужчине, а Вечерняя звезда (Венера) считается его женой. Аньянджа говорят, что у Луны две жены, проводя различие между Утренней и Вечерней звездами. Чекечани, Утренняя звезда, живет на востоке и кормит своего мужа так плохо, что он чахнет с того самого дня, как приходит в ее дом. Когда же он является на запад, к Пуикани, та кормит его хорошо и супруг начинает полнеть. Гирьяма называют «планету, видимую близ Луны» *мказамвези*, «женой Луны», а Бентли утверждает, что аналогичное выражение, *нказа а нгонде*, используется в Конго для «Юпитера или Венеры».

Земледельческие племена банту вряд ли обращают большое внимание на звезды – за исключением разве что своих основных ориентиров – Плеяд и Ориона, в отличие от племен, занимающихся охотой и скотоводством. Поэтому у банту нет обыкновения давать имена небесным телам, кроме Юпитера. В Нижнем Конго сложили маленькую песенку о трех звездах в поясе Ориона, который африканцы называют «охотником» (*Нконго а мбва*), «псом» и *нсиджи* (грызун, известный науке как *Aulacodus* или *Thrynomys*, крыса). Вот как звучат слова этой песни:

Ружье!.. О! Ружье!
Охотник следует за своей собакой,
А собака преследует пальмовую крысу,
Пальмовая крыса забирается на дерево,
Ее уже не достать из ружья:
И оно снова опускается.

Познания о звездах у готтентотов очень напоминают бушменские. Не будем здесь обсуждать вопрос о том, заимствовали ли готтентоты что-то у бушменов или хамитов. Хан говорит, что Плеяды (Хунусити), пояс Ориона (называемый Зебрами), альфа Ориона (Лев) и Альдебаран были известны этим племенам еще до их разделения. Плеяды считаются женами Альдебарана. Однажды они попросили мужа подстрелить для них трех зебр, сказав, что он может не возвращаться домой, если не сделает этого. Альдебаран взял с собой лишь одну стрелу и, выстрелив, промахнулся. Он не мог забрать стрелу, потому что с другой стороны Зебр подкарауливал Лев. «А поскольку жены запретили ему возвращаться без добычи, он не мог отправиться домой и всю ночь просидел на земле, дрожа от холода и страдая от голода и жажды».

Покомо, называющие Плеяды *вимия*, различают мужские и женские *вимия*. Первые, как я узнала в 1912 году, – это звезды пояса Ориона. Возможно, здесь произошла путаница, и имя первоначально принадлежало Гиадам, самой заметной звездой которых является Альдебаран. Покомо – народ группы банту, занимающийся земледелием, но он в значительной степени смешался с коренными племенами охотников, имеющими много общего с бушменами.

По мнению готтентотов, некоторые звезды в Гиадах – это сандалии и накидка Альдебарана (которого они именуют Аоб (Супруг), а две меньших звезды в созвездии Ориона – это его лук.

Бушмены называют планету Юпитер Сердцем Рассвета. У него есть жена по имени Коньиунтара, теперь это созвездие Рысь. Однажды Сердце Рассвета принес ребенка, спрятал его под листвой, думая, что жена найдет младенца, когда выйдет собирать коренья. Но еще до того, как пришла жена Сердца Рассвета, ребенка обнаружили животные и птицы. Каждый по очереди предлагал себя в качестве матери, но ребенок отказал всем. Наконец пришла Гиена. Она очень обиделась, что ребенок не выбрал ее, и отравила «бушменский рис»

(личинки муравьев – излюбленная пища), которые хотела собрать Коньиунтара. Последняя же, найдя ребенка, взяла его на руки и отправилась со своей младшей сестрой на поиски «муравьиных яиц». Найдя отравленные яйца, она отведала их и превратилась в львицу. Она убежала в заросли тростника, а Гиена, приняв ее облик, заняла место Коньиунтары в доме. Младшая сестра последовала за Коньиунтарой в заросли, умоляя ее покормить ребенка. Еще дважды младшая сестра приносила ребенка в заросли тростника, а Гиена тем временем жила в хижине, не узнанная мужем. На второй раз Коньиунтара сказала сестре: «Больше не приходи ко мне, я не узнаю тебя». Девушка вернулась домой и тем же вечером, когда зять попросил ее сыграть с ним в игру Ку (в которой женщины ритмично хлопают в ладоши), она сердито ответила: «Оставь меня в покое! Пусть твоя жена, старая гиена, хлопает для тебя!» Мужчина схватил копьё и вскочил, чтобы убить Гиену, но та успела выскочить из хижины. Убегая, Гиена наступила в костер, горевший у хижины, и обожгла ступню, поэтому она до сих пор хромот. На следующее утро Сердце Рассвета и его свояченица отправились в заросли тростника, взяв с собой стадо коз. Девушка велела зятю и другим людям остановиться, а сама позвала сестру. Львица выпрыгнула из зарослей, подбежала к сестре, а потом бросилась к козам. Она схватила одну из них, после чего муж и остальные схватили львицу. Затем они забили коз и обмазали Коньиунтару содержимым их желудков – популярное в Африке лекарство, – а потом терли ее, пока не удалили все волоски с ее кожи, и Коньиунтара снова обрела человеческий облик.

Эта история имеет несколько общих черт с историей племени хоза: мать, утопленная колдуном, приходит, чтобы накормить ребенка, и муж в конце концов возвращает ее к жизни.

Млечный Путь, рассказывают бушмены, появился благодаря девушке, принадлежащей к «древнему народу». Она зашвырнула на небо пригоршню золы. Впоследствии не без ее участия появились звезды – она бросила на небо съедобные коренья, называемые *хуин*. Старые коренья – красные – стали красными звездами, а молодые коренья – белыми звездами. Раньше покомо считали, что Млечный Путь – это дым от очагов «древнего народа»; позднее, пострадав от набегов сомалийцев, они стали называть его «дорогой из Сомали», потому что сомалийцы пришли к ним с северо-востока. У чага сходное представление: они говорят, что когда Млечный Путь яснее обычного, то это Бог предупреждает их о приближающемся набеге врага.

Бушмены полагали, что Солнце и Луна некогда были людьми и жили на земле. Их присутствием на небе мы обязаны таинственному «древнему народу», который «раньше населял землю». Солнце жило среди этих людей, пряча свет под мышкой. Когда оно поднимало руку – вокруг светлело, когда опускало – на землю опускалась тьма. Однажды дети по наущению своих матерей подкрались к Солнцу, когда оно спало, и совместными усилиями забросили его на небо, чтобы оно «освещало все вокруг». После этого Солнце «стало круглым и больше уже не было человеком».

Здесь мы не встречаем никакого намека на то, что Солнце и Луна были супругами. Этому взгляду придерживаются племена нанди и чага, у которых есть общее присловье: «Сейчас (то есть на закате) Вождь Солнце отдает свой щит жене».

Африканцы, называющие свое верховное божество Ирува (Солнце), могли позаимствовать это имя у масаи. Они проводят четкую границу между Ирувой и духами предков, ассоциируя первого с Солнцем. Существует даже некоторое подобие культа Солнца: на закате они четыре раза плюют на восток – в этом видно влияние масаи – и читают короткую молитву: «О Ирува, защити меня и мою семью!» Новую луну приветствуют подобным же образом. Гутманн считает, что такого рода церемонии представляют собой отголоски первобытного культа солнца. Однако мне кажется более вероятным, что они были заимствованы у масаи и наложились на культ духов банту.

Судя по легендам, Ирува наделен атрибутами солнца. Известна сказка о Кязимбе, который «был очень беден» и, доведенный до крайности своим бедственным положением, отправился «в страну, где восходит солнце». По дороге Кязимба встретил старую женщину,

которая, выслушав его историю, спрятала его в складках своей одежды и полетела на небо, где стояло полуденное солнце. Там, на небе, Киязимба увидел людей и вождя, который велел забить быка и уселся пировать со своими приближенными. Старуха, личность которой остается загадкой, попросила вождя помочь Киязимбе. Вождь благословил его и отправил домой, и с тех пор Киязимба жил в довольстве. Еще более удивительная история случилась с мужчиной, потерявшим всех своих сыновей, одного за другим. Однажды он в гневе и отчаянии сказал: «Какое право имел Ирува убивать всех моих сыновей? Я пойду и пушу в него стрелу». И вот он отправился к кузнецам, и те выковали ему железные наконечники для стрел. Мужчина наполнил стрелами свой колчан, взял лук и сказал: «Я отправлюсь на край земли, где встает солнце, и, когда я увижу его, выпущу в него стрелу!» Он отправился в путь и шел, пока не увидел огромные ворота. Здесь он стал ждать восхода солнца. Вдруг раздались голоса: «Скорее! Открывайте ворота, чтобы Король мог пройти!»

Мужчина увидел приближающихся людей и, испугавшись, спрятался в зарослях. Люди снова закричали: «Дорогу Королю!» – и появилось Солнце. Слуги Солнца сказали: «Что за смрад здесь, словно бы прошел сын Земли?» Они принялись обыскивать все вокруг, нашли мужчину и привели к Королю, который спросил: «Откуда ты пришел? Что привело тебя к нам?» Мужчина ответил: «Ничего, господин, – печаль заставила меня покинуть дом. Я сказал себе: «Пойду и умру в зарослях». Король сказал: «Нет, ты говорил, что хочешь убить меня! Стреляй же!» Но мужчина не осмелился поднять лук. Тогда Король спросил его, чего он хочет. «Ты, о Вождь, и сам знаешь». – «Ты хочешь, чтобы я вернул тебе детей? Вот они, – и Солнце указало себе за спину, – забирай их и ступай домой».

Мужчина посмотрел и увидел своих детей, но они так изменились, стали такими красивыми, что он едва узнал их и, поколебавшись, сказал: «Нет, господин, они твои. Пусть они останутся здесь, с тобой!» Тогда Солнце сказало: «Ступай домой, и я дам тебе других детей взамен этих. А по дороге домой ты найдешь еще кое-что».

По пути в свою деревню мужчина нашел много слоновьих бивней, которые впоследствии продал и на вырученные деньги купил много скота, а через некоторое время у него родились сыновья.

Еще одним природным явлением, которое всегда привлекало внимание людей, является радуга. Ее считали живым существом – как правило, змеей – и, что примечательно, страшились, полагая, что радуга может оказывать дурное влияние. Народ луанго верит в добрую и злую радугу, но не считает ее змеей, а лишь ассоциирует радугу с ней. Народ эве видит в радуге отраженный на небе образ великого змея Аниэво, который выходит, чтобы покормиться или поискать воды в облаках. Обычно он обитает в муравейнике, из него он выходит после дождя и туда же возвращается. Если Аниэво нападает на человека, то тут же пожирает его. По этой причине радуга и муравейники ассоциируются со смертью. Если же найти место, где конец радуги касается земли, можно сразу разбогатеть, поскольку только здесь можно найти бусины «агри». Бусины эти поистине бесценны, поскольку сейчас их уже никто не делает, их можно только вырыть из земли, например из старых могил. Народ племени субия также ассоциирует радугу с муравейниками, хотя и отождествляет ее не со змеей, а с неким «прекрасным животным». Если человек случайно встретится с этим животным, он должен как можно скорее бежать от него по направлению к солнцу, поскольку только в этом случае животное не увидит его. Если же человек побежит от солнца, животное немедленно заметит его и убьет. Африканцы говорят, что те, кто соблюдает необходимые меры предосторожности, могут увидеть, как это животное выходит из муравейника и резвится со своими детенышами.

У зулусов много рассказов о радуге, которую они называют либо «животное», либо Лук Королевы или, скорее, Свод – часть дома Королевы Неба. Некоторые африканцы почему-то отождествляют радугу с овцой, а другие верят, что она обитает в воде. Епископ Каллауэй передает рассказ одного из африканцев: «Я был в поле, когда пошел дождь. Потом небо прояснилось и в реку спустилась радуга. Затем она вышла из реки и ступила на мое поле. Я, владелец поля, бросился бежать, как только увидел, что радуга приближается ко мне и

слепит мне глаза. Она словно хлестнула мне по глазам красным цветом. Я убежал с поля... потому что очень испугался. «Я заболел... но чем я болен?» – спросил я у жителей моей деревни, а люди ответили мне: «Радуга и есть болезнь. Если она коснется человека, с ним случится что-то плохое». И вот после того, как радуга выгнала меня с моего собственного поля, мое тело стало таким, как теперь, – оно все покрыто волдырями».

В начале сезона дождей в тропиках – в особенности там, где, как в Натале, он совпадает с наступлением жары, – люди часто страдают от нарывов, причиняющих сильное беспокойство, или от каких-то столь же болезненных недугов.

Чага рассказывают интересную историю о Доробо, который отправился к Богу просить скота и, придя к тому месту, где радуга касается земли, остался там и молился много дней. Однако скот так и не появился. Когда наконец Доробо понял, что все его молитвы были напрасны, «его сердце разгневалось», он взял свой меч и перерубил радугу. Половина ее осталась на небе, а другая – упала вниз и ушла в землю, оставив глубокую дыру. Несколько человек, осмелившихся спуститься в эту дыру, обнаружили, что она ведет в страну столь прекрасную, что они решили остаться там. Но этих людей скоро изгнали оттуда львы – история не уточняет, удалось ли людям убежать и что случилось с ними впоследствии. Когда в чудесную страну прибыла новая группа поселенцев, они обнаружили, что те, кто пришел сюда до них, исчезли. Услышав рычание львов, люди сочли за благо ретироваться. С тех пор больше никто не осмеливался спускаться в дыру.

Рассказывают, что молодые воины из племени масаи убили радугу, которая однажды ночью вышла из озера Наиваша и сожрала весь скот в деревне. В третью ночь воины раскалили на огне наконечники своих копий и стали поджидать появления радуги, а потом вонзили копыя ей в затылок – единственное уязвимое место.

В легенде племени кикуйю Радуга (Мукунга Мбура) выступает в роли Пожирателя, упомянутого в предыдущей главе. Когда герой уже готов убить Мукунгу Мбуру, последний говорит: «Не руби мое сердце мечом, а то я умру, открой мой мизинец... проделай в нем большую дыру». Юноша так и поступил, и все люди и скот, проглоченные Радугой, вышли из раны, подобно тому как коровы вышли из пальца ноги в истории «Масило и Масилоньяне». А вот еще одна черта, которая роднит эту историю со сказками о великанах-людоедах, о которых мы поговорим в следующей главе: решено было наконец убить Мукунгу Мбуру, чтобы он больше не пожирал людей, как раньше. Воины порубили его на куски, и один кусок упал в воду. Воин пришел домой и сказал, что он убил Мукунгу Мбуру, от него осталась лишь одна нога. «Но завтра, – сказал воин, – я пойду, достану ногу из воды и сожгу ее». Однако, придя на следующий день, воин увидел, что вода ушла, а на обнажившейся равнине паслись лишь коровы и козы. «То, что осталось от Мукунги Мбуры, взяло всю воду и ушло очень далеко, а животные, которых он не взял с собой, остались».

Из мифов, связанных с громом и молнией, возможно, самым примечательным является миф о Птице-молнии, хорошо известный из рассказов зулусов. Впрочем, и племя базиба тоже считает, что молнии порождает стая ослепительно-ярких птиц, которых посылает на землю Кайюранкуба, дух, повелевающий бурями. Гром – это оглушительный шум их крыльев. Иногда на земле, там, где ударила молния, находят тушки птиц. Они высоко ценятся знахарями, считающими их неотъемлемой частью могущественных талисманов. Но Птица-молния также отождествляется с птицей вроде цапли, которую буры называют «теновой» птицей (*Scopus umbretta*, молотоглав). Африканцы верят, что, если разорить гнездо этой птицы, пойдет дождь.

Гром персонифицируется гораздо чаще, чем молния. Его иногда считают оружием или инструментом – чага называют его Топором Бога, а народ, обитающий в Нижнем Конго, утверждает, что этот топор сделал кузнец, живущий в центре Каконго. Гром – Нцази – любит охотиться с двенадцатью парами собак. Один африканец рассказал Деннетту о том, как однажды лично видел собак Нцази. «Шел дождь, я и мои товарищи укрылись под навесом, когда вдруг засверкала молния и загремел гром. Звук грома был поистине устрашающим, а потом появились псы Нцази. Они схватили нашего товарища, который неосторожно вышел

из-под навеса».

О чем-то подобном рассказывала Гутманну старая женщина из племени чага. Она утверждала, что видела Бога (Ируву) в облике человека, но «большого, размером с корову». Одна половина его тела сияла белизной, другая была алая, как кровь. У него был хвост, который также был окрашен в белый и красный цвета. Примечателен тот факт, что небесные обитатели также часто предстают в рассказах хвостатыми.

Другой житель Конго, Антонио, столкнулся с Нцази лицом к лицу. Антонио направлялся домой через буш, когда его застиг дождь. Он поспешил и по дороге увидел чудесную собаку, промокшую, как и он сам. Антонио привел пса в свою хижину и разжег огонь, чтобы обсушить и согреть животное, но тут вдруг «раздался страшный грохот, и больше никто никогда не видел ни мужчину, ни собаку, ни хижину». Этой собакой, как говорят, и был сам Нцази.

Молния появляется в следующем эпизоде: «И сейчас еще жив человек, который утверждает, будто бы он побывал на небесах и видел там Нзамби Мпунгу. Этот человек живет в деревне недалеко от Лоанго. Он рассказывает, что однажды, когда шел сильный ливень, сверкала молния и гремел гром и когда все жители его деревни, испугавшись, попрятались в своих хижинах, он один вышел на улицу. Внезапно, после ослепительной вспышки молнии и оглушительного раската грома, кто-то схватил его и унес в небо, оно разверзлось, и человек вошел в обиталище Нзамби Мпунгу. Нзамби Мпунгу приготовил пищу и накормил гостя. Когда тот насытился, Мпунгу показал ему свой дом, обширные плантации и реки, полные рыбы, а потом оставил его одного. Человек прожил на небе две или три недели. Никогда прежде ему не доводилось видеть такого изобилия пищи. Потом Нзамби Мпунгу спросил, хочет ли он остаться здесь навсегда или желает вернуться на землю. Мужчина сказал, что скучает по своим друзьям и хотел бы вернуться к ним. Тогда Нзамби Мпунгу отправил его домой».

Иногда с молнией отождествляют Лезу, а «красных» и «белых» богов масаи – с молнией и дождевыми облаками. О дожде редко говорят как об отдельной фигуре. Такой персонаж встречается разве что только у бушменов, рассказывающих множество случаев, когда Дождь гневался на бесцеремонное поведение людей. Однажды сотрудница миссии мисс Ллойд нашла причудливый гриб, она принесла его домой и хранила несколько дней. Затем, когда гриб испортился, она позвала бушмена Ханкассо, чтобы тот выбросил его. Ханкассо поколебался, но унес гриб из хижины. Впоследствии он рассказал, что не выбросил его, а осторожно положил на землю, поскольку это «вещь Дождя» и с нею не следует обходиться грубо. Впрочем, это не помешало вскоре разразиться сильнейшему ливню, который Ханкассо тут же приписал неудовольствию Дождя.

Вообще же историй о дожде много, что вполне естественно для страны, где отмечается нехватка воды. Шаман, или «вызыватель дождя», – самая важная профессия у банту. Племя гирьяма в период засухи читает заклинания у могилы Мбодзе, известной шаманки, умевшей вызывать дождь. Говорят, во время грозы Мбодзе улетела на небо.

Епископ Стир опубликовал в «Журнале южноафриканского фольклора» любопытную историю. Она рассказана девочкой, обучавшейся в одной из миссионерских школ в Занзибаре. Девочка принадлежала к племени чипета, живущему к востоку от озера Ньяса. В период засухи, когда пищи, однако, было в изобилии, маленькие девочки отправились играть в заросли и взяли с собой свои маленькие горшочки для варки пищи и немного еды. Среди детей была девочка, чьи родители к тому времени умерли. «Я покажу вам кое-что, – сказала она своим подругам, – но вы должны обещать, что никому об этом не расскажете». Девочки пообещали хранить увиденное в секрете. Тогда девочка встала и пристально посмотрела на небо, где тут же начали собираться тучи, а через некоторое время полил сильный дождь. Он наполнил кувшины для воды, и девочки смогли приготовить себе пищу. Но ни одна капля этого дождя не пролилась надеревню. Отправившись домой, девочки взяли с собой приготовленную на воде пищу, но отказались отвечать на расспросы жителей деревни. На следующий день девочки снова отправились в заросли, и сирота снова вызвала дождь. На

этот раз одна из девочек тайком принесла второй кувшин, наполнила его водой и спрятала в зарослях. Ночью она по секрету рассказала матери обо всем и показала спрятанный кувшин, который мать и дочь принесли домой. Как и следовало ожидать, об этой истории скоро узнала вся деревня и наконец она достигла ушей вождя. Он велел привести девочку на совет, подарил ей золотые украшения и велел в присутствии всех собравшихся вызвать дождь. Девочка попросила стоявших рядом отойти на некоторое расстояние, потом посмотрела на небо и запела. Тут же небо заволокли тучи и началась сильная гроза с громом и молнией. Девочка, оказавшаяся в самом центре грозы, поднялась в воздух, и никто ее больше не видел.

Не так давно я прочла оригинал этого рассказа на суахили жителю Занзибара, который принадлежал к племени зигула и неплохо знал фольклор своего народа, хотя много лет прожил на побережье, вдали от родной земли. История эта оказалась ему незнакома, но, выслушав ее до конца, мужчина заметил, что маленькая девочка, вызвавшая дождь, – это *мтото ва малаика*, «дитя ангелов». Возможно, таким образом он хотел сказать, что девочка принадлежала к обитателям неба, о которых мы говорили в предыдущих главах. Вероятнее всего, упоминание об умерших родителях девочки было включено каким-то рассказчиком, не вполне уловившим суть истории. В оригинале же говорится, что у девочки или совсем не было родителей, или никто не знал их, как в случае с Вере.

Море в мифологии банту фигурирует редко, поскольку всего несколько племен достаточно долго прожили на побережье, чтобы в полной мере понять море²⁹. Племена с гвинейского побережья включают в свой пантеон морских богов и богинь, но само море, как и морских духов, они, судя по всему, не персонифицируют.

Глава 8 Легенды о демонах и ограх

В Африке широкое распространение получили истории о существах, которых нельзя воспринимать иначе как призраки (духи) или персонифицированные силы Природы и которых уместнее всего будет назвать «демонами-призраками». Некоторые из них обитают в уединенных местах: в глухом лесу, в болоте с ядовитыми испарениями, в раскаленной пустыне. Кламрот, внимательно изучив дошедшие до нас истории о духах или демонах, существующие в Узарамо, пришел к выводу, что многие из демонов, такие как Мвенембаго (Владыка Леса), были призраками, населявшими лесные чащи. С другой стороны, Азиза, бог охотников, или лесной демон племени эве, является наделенным могуществом шимпанзе.

У покомо есть предания о существе, живущем в лесах Таны и граничащем с ними буше. Этому существу покомо дали имя *нгояма*. Оно имеет облик человека, но в ладони одной руки у него есть коготь («Железный коготь», – уточняет рассказчик), который он вонзает в человека, если поймает его. Потом он пьет человеческую кровь. Некоторые европейцы предполагают, что это существо – не что иное, как человекообразная обезьяна³⁰

²⁹ Знания суахили о море главным образом заимствованы у арабов и, возможно, частично получены из Индонезии, откуда в Африку пришли каноэ и кокос.

³⁰ Так считает автор статьи, помещенной в «Блэквуд мэгэзин» (ноябрь 1917 г.), называющий это странное существо *нголоко*. (Так покомо именуют сказочную змею огромных размеров.) Автору статьи показали любопытный след, якобы принадлежащий нголоко. Впрочем, я слышала, что европеец, видевший слепок этого следа, узнал в нем след страуса. К такому же выводу пришли и те, кому удалось исследовать сам отпечаток. Корреспондент суахили пишет: «Что касается нголоко, народ называет его *милхой*. Изредка людям удастся увидеть его. Человек, который увидел милхой и выжил, лишается рассудка. Милхой высок ростом и имеет одну ногу». Встретив человека, он принимается спрашивать у того имени всех его родственников, и, если человек стоит как вкопанный и молчит, милхой пускает в дело свой коготь. Но если вы сразу узнаете чудовище, то сможете обратить милхой в бегство, пригрозив ему пилой – единственной вещью, которой он боится. (Причина этого страха в том, что однажды милхой увидел, как в лесу пилят деревья, и никак не мог понять, как такой маленький инструмент может производить такой эффект. Эта деталь была явно добавлена в историю недавно.) Далее автор говорит, что знает старика, видевшего милхой, боровшегося с ним и, как следствие, утратившего

еще не изученного вида. Я же считаю, что существо это в значительной степени мифологическое.

В Магарини (округ Малинди) я узнала, что нгояма, хотя и похож на человека, имеет хвост, как некоторые «дьяволы» народа масаи. Один мужчина, принадлежащий к племени рассказчика, однажды попал в беду из-за своего доброго отношения к нгояме. Мужчина случайно столкнулся с нгоямой в буше, тот бродил в зарослях и ел сырое мясо. Мужчина решил позаботиться о нем, научил разводить огонь и готовить пищу, то есть до некоторой степени цивилизовал его, но однажды нгояма вернулся в прежнее состояние, набросился на своего благодетеля и съел его.

Готтентоты из Калахари рассказывают о странных и ужасных существах, населяющих заросли и песчаные дюны. Это *айгамучаб*, имеющие глаза на ступнях ног. Если они хотят знать, что происходит вокруг них, они опускаются на четвереньки, поднимая ступни кверху. Они охотятся на людей, словно на зебр, и рвут их на куски своими ужасными заостренными зубами, длиной с палец на руке человека. Эти каннибалы, в отличие от нгояма, вовсе не отшельники, они живут в деревнях со своими женами и детьми. Есть истории о людях, которые, заблудившись, случайно попадали в деревни айгамучаб и с трудом возвращались домой. Мифическое племя того же рода – «прыгуны из буша», *хаи-ури*, которые передвигаются по зарослям, перепрыгивая кусты вместо того, чтобы обходить их.

Еще один обитатель лесов, по словам покомо, – это *китунуси*, существо до некоторой степени родственное *кацумбакази* племени гирьяма, имеющий, в свою очередь, точки соприкосновения с «маленьким народом», о котором рассказывается в следующей главе. Говорят, что кацумбакази – существо очень маленького роста. Таков же один из китунуси (их двое), – по словам рассказчика из племени покомо, рост его составляет около 80 сантиметров. Другой китунуси нормального роста, но об этом трудно догадаться, ибо это существо имеет обыкновение передвигаться на корточках. Африканцы испытывают ужас перед этим существом, поскольку все, кто встречает его, тяжело заболевают и иногда у них даже отнимаются конечности. Впрочем, в прежние времена люди, бывало, вступали с ним в единоборство, и, если им удавалось разорвать набедренную повязку китунуси – его обычную одежду, – они получали шанс разбогатеть. Человек клал этот лоскут в закрытую корзину, в которой хранил свои лучшие пожитки, и каким-то образом (как именно – рассказчик не уточняет) становился богатым.

Суахили с побережья, судя по всему, знакомы с китунуси, но рассказывают о нем другую историю. Китунуси живет в море и вселяет ужас в рыбаков. Описания его варьируются: то он выступает в качестве «огромной рыбы, пожирающей купающихся в море людей», то как дух, овладевший этой рыбой. Как сказал Крапф: «Аборигены верят, что призрак или Сатана сидит в рыбе и подстрекает ее пожирать людей»

Все вышесказанное позволяет предположить, что китунуси племени покомо в действительности является духом воды, как зулусский *токолош* или *хили*. В этом нет ничего удивительного, особенно если мы вспомним, насколько тесно река Тана связана с жизнью этого племени и как много времени члены племени проводят у воды или в воде. Однако я не встречала информацию, которая подтверждала бы эту догадку. Напротив, по рассказам африканцев, китунуси, скорее, обитает в зарослях вдали от реки.

В африканском фольклоре встречаются также *чируви* – они принадлежат к весьма многочисленной семье существ, фигурирующей в мифологии и других континентов. Их можно назвать полулюдьми, поскольку они более или менее похожи на людей. Тело их словно расколото вдоль: у них есть только один глаз, одно ухо, одна рука и одна нога – только в одном случае мы встречаем упоминание о персонаже, разделенном поперек. Они могут быть злыми или, наоборот, добрыми: сказка ньянджа повествует, как дети,

рассудок. «В исламских книгах есть рассказ об этом существе: говорят, что он произошел от джинна, поднявшегося на небо, чтобы послушать голоса ангелов, но сброшенного оттуда ангелами при помощи *зимвондо* (согласно современной трактовке, это были метеориты. – *Авт.*)».

отрезанные от своей деревни вздувшейся от дождей рекой, были перенесены через нее «большой птицей с одним крылом, одним глазом и одной лапой».

Чируви (*читови* у яо) обычно обитают в лесу и носят декоративный топор. Одни говорят, что одна сторона их тела сделана из воска, другие утверждают, будто у них вообще только половина тела. Если человек встречает чируви, это странное существо предлагает сразиться. Преимущество в данном случае на стороне очень сильного чируви. Если он побеждает человека, тот «больше никогда не возвращается в свою деревню». Если же человеку чудом удастся взять верх и повалить чируви, последний показывает ему все целебные травы в буже и человек становится великим знахарем. Племя байла, живущее у реки Замбези, имеет сходное предание, но их *секобокобо* более добродушен, «он приносит удачу тем, кто видел его, он показывает людям растения, которые могут служить лекарствами» и не требует никакого предварительного сражения.

У субия тоже есть свой *сикулокобузука* (человек с восковой ногой). Однажды некий человек по имени Машамбва искал в лесу мед и вдруг услышал песню сикуюлокобузуки, но не увидел его. Он услышал зов медоуказчика, пошел за ним к дереву, где был пчелиный улей, зажег палку, взобрался на дерево и забрал мед. Едва он сделал это, как увидел приближающегося к дереву сикуюлокобузуку. Человек спустился с дерева, держа в руках деревянный горшок, наполненный медом, и чудовище немедленно потребовало отдать ему горшок. Машамбва отказался, и чудовище предложило сразиться. Они боролись в течение долгого времени. Машамбва, чувствуя, что противник его очень силен, и решив, что победить его на траве, за которую тот мог зацепиться ногами, нельзя, вытолкнул его на песок и повалил. Потом сказал ему: «Должен ли я убить тебя?» Чудовище ответило: «Не убивай меня, господин; я дам тебе средство, при помощи которого ты сможешь заколдовать людей до смерти». – «Мне не нужно это средство, можешь ли ты предложить что-нибудь другое?» – «Есть и другое растение, с помощью его ты получишь гору мяса». – «Покажи мне это растение», – попросил человек. Сикуюлокобузука отправился искать обещанное средство и заодно показал человеку все растения, при помощи которых можно было добыть пищу, а также те, что помогают снискать расположение вождя. Потом они расстались. Машамбва отправился в свою деревню, но заблудился и снова встретил существо с восковой ногой. Последний проводил Машамбву до деревни, наказав никому не рассказывать о случившемся. Машамбва вошел в свою хижину, сел на землю и не отвечал ни на какие расспросы. Жители деревни сначала встревожились, а потом сказали друг другу: «Он видел сикуюлокобузуку». Тут Машамбва заболел и пролежал в постели около года, не промолвив все это время ни слова. Через год он пошел на поправку. Однажды, увидев стервятников, парящих вдали над зарослями (это, судя по всему, был знак, что испытание его закончено), Машамбве сказал: «Посмотрите! Это мои стервятники!» – и послал туда людей. Они обнаружили там антилопу, только что убитую львом, и с тех пор Машамбва не нуждался в пище.

Этих полулюдей едва ли можно назвать ограми, впрочем, и огры бывают разные. Рассказывают, например, истории об ограх, имеющих только одну руку и ногу. Басуто называют их матебеле – возможно, по названию племени своих злейших врагов, зулусов. Сказка о Нтотватсане повествует о том, как дочь вождя отправилась пасти скот на летние пастбища, но смерч подхватил ее и принес в деревню матебеле, «у которых было по одной ноге и руке, по одному уху и глазу». Они выдали девушку замуж за сына своего вождя и, чтобы не дать девушке сбежать, закопали в ее хижине пару волшебных рожков. Однажды ночью девушка попыталась выскользнуть из хижины, но рожки запели: «Э-э-э-й! Это Нтотватсана, которую унес смерч с пастбища, когда она пасла скот своего отца!»

Матебеле прибежали и схватили ее.

Прошло время, у Нтотватсаны родилось двое детей – девочки-близнецы, – которые были очень похожи на мать. Через несколько лет девочки отправились к источнику, чтобы набрать воды, и встретили там воина с его людьми. Он спросил девочек: «Чьи вы дети?» – «Мы дети своего отца». – «А кто ваша мать?» – «Ее зовут Нтотватсана». – «А она чья дочь?» – «Мы не знаем, она рассказала нам только, что ее унес смерч, когда она пасла скот».

Тогда воин сказал: «О, ведь это дочери моей младшей сестры».

Его люди помогли девочкам набрать воды и нарезали тростника. Дядя сказал девочкам: «Когда придете домой, попросите мать пойти и принести вам хлеба, а когда она уйдет, спрячьте тростник под шкурой, на которой она сидит».

Девочки отправились домой, поставили свои кувшины с водой и принялись плакать, говоря матери, сидевшей возле хижины, что они голодны. Мать встала, чтобы принести им пищу, и, как только она повернулась к девочкам спиной, они тут же засунули тростник под шкуру. Вернувшись, мать уселась на шкуру и раздавила тростник. Девочки снова стали плакать. Выяснив, в чем дело, мать сказала, что пошлет кого-нибудь нарезать еще тростника. Но девочки, как им было велено, вели себя как избалованные дети. Они настаивали, чтобы мать сама отправилась за тростником. Женщина пошла к источнику и, разумеется, встретила там своего брата, которого тотчас узнала. Он спросил ее, когда она вернется домой. Женщина объяснила, что не может убежать из-за стерегущих ее рожков, и брат сказал: «Нагрей воды и, когда она закипит, вылей ее в рожки, потом замажь их отверстия глиной, а сверху положи камни. Когда наступит полночь, возьми детей и приходи сюда».

Женщина сделала, как было сказано, в полночь позвала своих дочерей, и они отправились к тростниковым зарослям у источника, взяв с собой черную овцу. Рожки пытались поднять тревогу, но смогли издать только слабый звук, который жители деревни приняли за лай собак. Беглецы уже успели уйти на изрядное расстояние, когда рожки прочистили горлышки и закричали: «Э-э-э-й! Это Нтотватсана, которую унес смерч с пастбища, когда она пасла скот своего отца!»

Мателебеле пустились в погоню, скача на одной ноге. Занимался рассвет, и преследователи уже было нагнали беглецов, как вдруг овца запела: «Лучше вам вернуться назад, у нас с вами нет ничего общего».

Мателебеле застыли в изумлении, глаза на овцу, которая принялась плясать, поднимая хвост и роя копытцами землю. Когда беглецы отошли на большое расстояние, овца исчезла и при помощи волшебства догнала своих товарищей.

«Мателебеле снова пустились в погоню, спеша, как на пожар. Они быстро бежали по равнине, один за другим. Вскоре они настигли Нтотватсану. Овца снова пела и плясала, а потом исчезла. Мателебеле опять бросились бежать. «Теперь мы будем преследовать ее, даже если нам придется дойти до деревни Нтотватсаны, – сказали они себе, – а на эту маленькую овцу мы просто не будем обращать внимания, даже если она снова начнет петь и плясать».

Однако, когда эпизод с овцой повторился, мателебеле, уже изрядно утомленные погоней, сдались. Селосе-Магома, муж Нтотватсаны, вернулся домой опечаленным. А брат и сестра благополучно достигли своей деревни.

Любимый персонаж сказок зулу и басуто – *Изыму (Делимо)*, обычно его называют людоедом, но, судя по его характеристике, более уместно будет именовать его огром. Совершенно ясно, что это не человек, поедающий своих соплеменников – как это делали несчастные люди в Натале во время голода, вызванного войнами Шаки, – это определенно нелюдь. Это слово, как уже отмечалось в предыдущей главе, обнаруживает родственные формы в большинстве языков банту, однако обозначает разные существа. Иногда они принадлежат к категории полулюдей, иногда больше напоминают чудовищ вроде *Холумодумо*, *Усилосимапунду* и *Исикукумадеву*. У чага есть предание о человеке, который нарушил табу и стал *Ириму*. Из его тела стали расти колючие ветви, и наконец он превратился во что-то вроде ходячего куста, потом стал пожирать людей и животных. Впрочем, он принес определенную пользу людям, съев войско противника, совершавшее набег на землю племени. Наконец брат под руководством предсказателя расколдовал чудовище.

Аньянджа, говоря о чудовище, используют имя *Зим-ви*, означающее «Большой дух». В сказках племени он так или иначе ассоциируется со слоном и фигурирует главным образом в качестве мишени для шуток Зайца, играя в некоторых случаях роль, которую выполняла Гиена, или в Новом Свете – роль Братца Волка. Суахили недалеко ушли от оригинальной

концепции *Зимви* племени аньянджа, но сам термин был заменен заимствованными терминами *джинн* и *шетани*. Версия суахили одной очень популярной истории звучит так.

Однажды девочки отправились на пляж собирать ракушки. Одна из девочек нашла прекрасную раковину каури. Боясь потерять раковину, она положила ее на скалу, решив забрать на обратном пути. Девочка вспомнила о своей находке, только когда они уже миновали скалу. Она попросила подруг вернуться с ней за раковинкой. Они отказались, но сказали, что подождут ее, и девочка отправилась одна, напевая. А на скале сидел Зимви, который сказал ей: «Подойди ближе, я не слышу, что ты говоришь!» Она подошла ближе, напевая: «Становится поздно! Позволь мне подойти и взять раковину, которую я позабыла!» И снова он сказал: «Я не слышу тебя!» А когда девочка подошла еще ближе, Зимви схватил ее и засунул в свой барабан. С этим барабаном он принялся ходить от деревни к деревне, и, когда он бил в барабан, девочка внутри начинала петь таким нежным голосом, что все вокруг приходило в восхищение. Наконец Зимви пришел в деревню, где жили родные девочки, и обнаружил, что слава опередила его – жители деревни принялись упрашивать его ударить в барабан и спеть. Он потребовал пива и, выпив его, начал бить в барабан, девочка запела, и ее родители сразу узнали голос дочери. Тогда они предложили Зимви еще пива, и, когда тот, напившись, уснул, они открыли барабан и освободили девочку. Вместо нее они положили в барабан «змею, пчел и предельно кусающихся муравьев» и закрыли барабан как прежде. Потом они разбудили Зимви, сказав, что из соседней деревни пришли люди, желающие услышать звук его барабана. Зимви принялся колотить в барабан, но тот молчал, и смущенный Зимви ушел из деревни. Он остановился на дороге, чтобы проверить свой барабан, но стоило ему открыть его, как из барабана выползла змея, укусила Зимви, и он умер. На этом месте выросли большие тыквы. Проходившие мимо них дети остановились полюбоваться на них и подумали: «Как хороши эти огромные тыквы! Надо взять отцовский меч и разрезать их!» Одна из тыкв, по словам рассказчика, «рассердилась» и погналась за детьми. Они прибежали к реке и попросили перевозчика переправить их на другой берег, добрались до деревни и попросили ее жителей о помощи. «Спрячьте нас от этой тыквы! Зимви превратился в тыкву и гонится за нами! Когда он придет, схватите его и бросьте в огонь!» Наконец в деревню прикатилась тыква. «Не видели ли вы моих сбежавших рабов?» – спросила она. «А кто твои рабы? – ответили жители деревни. – Мы не знаем их!» – «Вы лжете, вы спрятали их в хижине!» Тут жители деревни схватили тыкву, разожгли большой костер и бросили ее в огонь, а золу развеяли по ветру. Потом они выпустили детей из хижины, и те вернулись домой к своим родителям целыми и невредимыми.

В некоторых частях Западной Африки, например в Сьерра-Леоне, где английский язык (вернее, его диалекты) стал практически вторым местным языком, Зимви, или как бы ни называли его коренные африканцы, превратился в Дьявола. Так, среди историй племени темне мы встречаем историю о «девушке, которая заплетала бороду Дьяволу» и сказку «Выйди замуж за Дьявола». Сюжет последней характерен для рассказов об оборотнях: девушка, отказавшая всем своим поклонникам, соглашается выйти замуж за красивого мужчину, который в действительности является Дьяволом. У него, как и у некоторых Зимви, была только половина тела, другую он у кого-то позаимствовал. По дороге в деревню мужа жена увидела, как заимствованные части тела отваливаются одна за другой. Муж уже готов убить и съесть ее, но на помощь девушке пришел ее маленький брат, который настоял на том, чтобы сопровождать сестру.

У кикуйю *Илиму* принимает облик человека и говорит, как человек, но в действительности является чудовищем. Его тело либо частично, либо полностью неуязвимо. Питается он человеческим мясом». В одной из историй Илиму описывается как существо с одной ногой, «а другая его нога растет из затылка, и у него две руки, как у человека».

Ириму племени чага способен принимать различные образы. Иногда он ассоциируется с леопардом: фактически Гутманн называет его пантерой-оборотнем.

Вот одна из историй чага.

Жила-была молодая женщина по имени Мукосала, и был у нее маленький ребенок.

Никто не помогал ей присматривать за малышом. Однажды у хижины появился странный пес. Потом он начал приходить регулярно, потому что Мукосала подкармливала его. Женщина так привыкла к псу, что однажды, когда ей нужно было уйти из дому, она сказала: «Я дам тебе эту кость, если ты присмотришь за ребенком до моего возвращения». Собака согласилась и в течение некоторого времени прекрасно выполняла роль няньки. Потом, проголодавшись, она нашла в хижине кость и сгрызла ее. Осколок кости, отлетев, поранил шею ребенка. Увидев текущую кровь, собака словно обезумела, набросилась на ребенка и съела его. Потом она взяла гроздь бананов размером с младенца, положила ее в колыбель и накрыла одеялом, сказав матери, когда та вернулась: «Не буди ребенка, я только что покормила его». Но мать вскоре открыла страшную правду и, отослав пса за сухими банановыми листьями, позвала мужа. Когда собака вернулась, они схватили ее, крепко связали и бросили на кучу сухих листьев, которые затем подожгли. От пса остался лишь череп. Выкатившись из костра, череп упал сначала в оросительный канал, а потом в реку, которая вынесла его на луг. В это время к реке подошли девушки, пришедшие нарвать травы. Они шли и болтали, жуя сахарный тростник, как вдруг увидели череп, который приняли за белый камень. «Какой красивый белый камень! – воскликнули девушки. – Он так похож на нашего маленького братца!» Одна девушка посмеялась над своими подругами. «Какие вы глупые! – сказала она. – Как может быть камень похож на маленького братца?» Закончив собирать траву, девушки подняли охапки и отправились домой. Проходя мимо черепа, они обнаружили, что он превратился в огромную скалу, преградившую им дорогу. Чтобы отодвинуть ее, девушки принялись напевать заклинания. Первая девушка спела:

Подвинься и уступи нам дорогу!
Дай нам пройти! Дай нам пройти!
Та, что смеялась над тобой,
Далеко позади – подвинься!
Мы идем с охапками травы,
Дай нам пройти! Дай нам пройти!

Скала отодвинулась в сторону и позволила девушке пройти. Каждая из ее подруг по очереди спела ту же песню и прошла. Последней шла девушка, что смеялась над черепом, она тоже спела волшебную песню, но скала даже не шелохнулась. И пришлось девушке ждать до вечера. Когда стемнело, появился леопард и спросил ее: «Что ты дашь мне, если я перенесу тебя?» – «Я отдам тебе своего отца». – «Не пойдет». – «Или мою мать!» – «Какой от нее прок?» – «Я отдам тебе быка, что стоит в середине хлева». – «Нет». – «Тогда другого быка, того, что стоит у стены». – «Мне не нужны быки». – «Тогда я стану твоей женой». – «На это я согласен, – сказал леопард. – Держись за мой хвост!»

Девушка ухватила за хвост леопарда, и он полез на скалу, таща девушку за собой. Но когда леопард был уже на середине пути, его хвост вдруг оборвался и девушка упала вниз. Один за другим к девушке приходили другие леопарды, но с каждым случалась одна и та же история. Наконец пришел леопард с десятью хвостами. Девушка ухватила за все десять хвостов и благополучно перебралась через скалу. Леопард повел девушку в свой дом. Через некоторое время они подошли к скале, леопард остановился и крикнул: «Дом Вождя, откройся!» Скала раскрылась, и они вошли в жилище леопарда, которое, как и хижина у чага, состояло из двух помещений – одно предназначалось для людей, другое для скота. Леопард занял место во втором помещении, оставив своей жене первое, и дал ей кусок баранины и кусок говядины. Сам леопард питался человеческим мясом, но всегда охотился на своих жертв по ночам и прятал их в хлеву, чтобы жена не видела³¹. Через несколько

³¹ В варианте, процитированном Раумом, жена, зайдя в комнату мужа с зажженным светильником, неожиданно обнаруживает, что муж склонен к людоедству. Здесь в роли Ириму выступает гиена. Это оборотень, который каждую ночь говорит: «Кожа, вывернись наизнанку!» – и превращается в гиену. На рассвете он говорит: «Шкура, вывернись наизнанку!» – и становится человеком.

месяцев, когда леопард счел, что жена достаточно поправилась, он отправился к своим родственникам, чтобы пригласить их на пир, и велел им принести с собой дрова. Когда леопард ушел, братья девушки, разыскивавшие ее, подошли к скале. Она услышала их голоса и сказала слова, при помощи которых открывалась скала. Братья вошли в жилище леопарда, и не успела девушка накормить их, как домой вернулся ее муж. Девушка успела только спрятать братьев под стропилами, где спали маленькие леопарды. Детеныши зарычали, и Ириму что-то заподозрил, но жена успокоила его, сказав, что малыши, вероятно, голодны. Ночью, когда леопард заснул, братья выскользнули из его дома. На следующий день, когда леопард ушел, девушка вымазалась грязью, измазала ею порог, камни очага, столбы, к которым был привязан скот, и стропила крыши. Каждому из предметов она сказала: «Если мой муж позовет меня, отвечайте: «Я здесь!»»

Потом она выбежала из дому и поспешила в родную деревню. По пути она то и дело встречала родственников Ириму, каждый из них нес на плечах тяжелую вязанку дров. Все они спрашивали ее: «Не ты ли жена нашего брата?» – а она отвечала: «Нет, его жена сидит дома и обмазывается бараньим жиром!» Родственники леопарда, ничего не заподозрив, отправлялись дальше. У дома их встретил Ириму, который проводил их к скале и позвал жену. Порог ответил: «Я здесь!» – но никто не вышел, и леопард позвал снова. На этот раз голос подал очаг, так продолжалось до тех пор, пока леопард не обыскал весь дом. Не найдя жену, он понял, что она сбежала. Потом гости рассказали ему, как встретили по дороге девушку, обманувшую их. Оставив гостей готовиться к пиршеству, леопард бросился в погоню.

Тем временем его жена подошла к реке, которая была слишком глубока, чтобы ее можно было перейти вброд, и крикнула: «Вода, расступись! Пусть одна половина течет, а другая замрет!» Поток немедленно расступился, и девушка перешла реку, не замочив ног. Ступив на другой берег, она сказала: «Вода, сомкнись!» Река снова потекла как прежде, а девушка присела на берегу, чтобы отдохнуть и умыться. В этот момент на другом берегу появился Ириму, который спросил ее, как она переправилась на другой берег. Девушка ответила: «Скажи только: «Вода, расступись! Пусть одна половина течет, а другая замрет!», а когда будешь в середине, скажи: «Вода, сомкнись!» Ириму сделал, как было сказано, и течение унесло его. Уносимый рекой, леопард проклял девушку, сказав «Куда бы ты ни пошла, повсюду увидишь людей с пятью головами!», а она крикнула ему вслед: «Ступай своей дорогой и стань банановым деревом!»

Девушка пошла дальше и вскоре встретила людей с пятью головами. Увидев их, она засмеялась, и лишние головы тут же упали. «Верни нам наши головы!» – закричали люди. Девушка дала им бусы и пошла дальше. То же самое случилось еще несколько раз. Наконец девушка благополучно добралась до деревни, где жили ее родители. А Ириму вынесло потоком на берег, он пустил корни и превратился в банановое дерево. Заключительные эпизоды истории не вполне нам понятны.

Последняя часть истории «Жена Ириму» принадлежит к многочисленным сказкам, которые можно включить в категорию «Бегство от колдунов». Сказка рассказана в сравнительно простой форме, те препятствия, что встречаются в большинстве историй, здесь сведены к одному – реке. Примечательно, что разделение реки – то ли при помощи «волшебного слова», то ли при помощи посоха – эпизод, слишком часто встречающийся в африканском фольклоре, чтобы его можно было объяснить влиянием миссионеров. Он встречается не только в сказках, но также и в преданиях зулусов.

Басуто в одной из своих сказок рассказывают о человеке, убегающем от огров и бросающем за собой камешки. Последние превращаются в высокую скалу, которую ограм перейти не удастся. Внешнее влияние, скорее всего, ощущается в тех историях, где препятствий больше, как в сказке суахили «Кибарака» (колючие кусты, скала, мечи, вода, огонь, море). Этот сюжет широко распространен в африканском фольклоре и напоминает

нам сказку «Гензель и Гретель», но рассказывает, как правило, о девушке, вышедшей замуж за огра (оборотня) и спасенной младшим братом или сестрой. Некоторые из этих сказок мы рассмотрим в следующих главах.

Глава 9 «Маленький народ»

Мы уже упоминали китунуси и чирuvi, входящих в число сверхъестественных обитателей лесов и равнин бассейна реки Тана и холмов у реки Шире соответственно. Об этих существах сложено множество легенд, очень похожих на те, что рассказываются об эльфах и феях в Европе. Однако относятся эти легенды в конечном итоге к прежним обитателям страны, обладавших маленьким ростом и низким уровнем культуры по сравнению с прибывшими позднее мигрантами. И все же эти люди владели определенными знаниями и умениями, снискавшими им репутацию сверхъестественных существ. Одни прекрасно работали с металлом, другие знали повадки диких животных и свойства растений – все эти познания могли показаться почти мистическими земледельческим или скотоводческим племенам. Их таинственные подземные жилища, отравленные стрелы, наскальные рисунки и изваяния (которые, судя по всему, служили магическим целям) – все это внесло свою лепту в формирование их мифологического характера.

Гирьяма, чья территория граничит с землей покомо, рассказывают о кацумбакази, являющемся в некоторых аспектах существом, родственным китунуси. Это, говорит преподобный У.Е. Тэйлор, «нечто вроде джинна, духа, который иногда является при дневном свете... Обычно это зловредное существо. Оно страдает из-за своего малого роста и потому чрезвычайно обидчиво. Обычно кацумбакази спрашивает встреченного человека: «Где ты увидел меня?» Если человек не отличается большим умом и отвечает: «Прямо здесь», то дни его сочтены; если же он сознает всю опасность и говорит: «О, я увидел тебя издалека!» – у него есть шанс уйти целым и невредимым, иногда с ним даже случается что-то хорошее».

Эта чрезмерная чувствительность в отношении своего роста является характерной чертой подобных существ. Мервин Бич слышал от старейшин акикуйю из округа Дагорети, что земля «сначала была населена каннибалами-карликами, называемыми *маитоачиана*». За ними пришли люди, именуемые *Гумба*. Говорят, именно они изготовили те гончарные изделия, черепки которых сейчас иногда находят в земле. Кроме того, они научили акикуйю искусству плавки железа. От чиновника из Форт-Холл Бич узнал, что «маитоачиана, судя по всему, были разновидностью гномов с обычными для них атрибутами. Они богаты, очень свирепы, обидчивы и т. д. Если вы встретите одного из них и спросите у него, кто его отец, он проткнет вас копьем. Если же он спросит вас, откуда вы его заметили, а вы не скажете, что увидели его издалека, он убьет вас... Как и гномы в фольклоре многих стран, африканские карлики – искусные мастера в работе с металлом».

Впрочем, некоторые африканские предания гласят, что с металлом работали Гумба. В земле кикуйю то и дело обнаруживаются различные инструменты этого древнего народа.

Суахили рассказывают истории о гномах, называемых *вабиликимо*. Живут эти «гномы» в четырех днях пешего пути к западу от чага, «они маленького роста, примерно два расстояния от среднего пальца до локтя». Суахили считают, что название племени карликов произошло от слов *били (вили)* (два) и *кимо* – (мера). Однако, вероятнее всего, оно принадлежит к какому-то из языков, на которых говорят в глубинных районах страны, а суахили просто следуют примеру этимологов, старающихся всеми правдами и неправдами найти искомое значение слова. У гирьяма *мбирикимо* – «представитель известного по слухам народа пигмеев». Я сама услышала о них, совершенно случайно, от гирьяма. Крапф говорит: «Суахили утверждают, что получили все свои знания о лекарственных растениях от этих пигмеев» (таково его истолкование заявления, что они идут к «мбиликимони искать лекарства»). У пигмеев «длинные бороды, и они постоянно носят с собой маленькие стулья». К последнему утверждению Крапф относится с недоверием, считая его плодом воображения

сушили. Вспомним, однако, что некоторые племена, живущие в центральных районах континента, имеют обыкновение носить на спине свои маленькие деревянные скамейки.

Четверть века назад в Ньясаленде Гарри Джонстон записал предание коренного населения, гласящее, что «у племени карликов светло-желтые лица» и живут они в верхней части горного массива Мландже. В действительности же это могли быть бушмены. Изучение населения в некоторых районах Протектората позволяет предположить, что в этих людях течет и бушменская кровь. «Они дали этим людям специфическое имя, «А-рунгу». Признаюсь, когда я услышал это имя, то несколько усомнился в ценности преданий этого племени, поскольку это же слово использовалось членами племени для обозначения богов.

Впрочем, этот факт мог свидетельствовать лишь о том, что «маленький народ» перешел в категорию мифического, как это случилось в других районах Ньясаленда. Доктор Станнус обнаружил, что, в то время как народ *яо* в некоторых районах Протектората использует слово *читове* (мн. число *итове*) в уже упомянутом смысле (как эквивалент *чируви*), другие придают ему другое значение: «У *яо* мачинга *итове* – это «маленький народ» вроде лепреконов. Они совершают набеги на поля и насылают гниль на плоды; их крошечные следы можно увидеть там и сям; фрукты и овощи, которых коснулась их рука, будут горькими. Чтобы предотвратить эти катастрофы, *яо*, когда урожай созревает, кладут овощи на перекрестках дорог, надеясь тем самым задобрить *итове* и предотвратить их визиты на поля. В *читове* есть что-то от людей и животных одновременно. У него две ноги, но передвигается он преимущественно на четвереньках. *Яо* рассказывают о другом легендарном «маленьком народе», который «некогда жил на земле, да и сейчас еще встречается». Представители этого народа имели малый рост, носили длинные бороды, были чрезвычайно обидчивы, жестоки и задиристы, в качестве оружия использовали копья. Если человеку случалось встретить кого-то из этих карликов, тот немедленно задавал вопрос: «С какого расстояния ты заметил меня?» Тут человеку следовало притвориться, что он заметил карлика издалека, чтобы заставить того уверовать в свою значительность. «Если же вы скажете: «Да я только что заметил тебя!» – он, не задумываясь, проткнет вас копьем». Люди считают, что карлики обитают на вершинах высоких гор и занимаются кузнечным делом. Их называют *мумбонелеквани*».

Доктор Станнус далее говорит, что та же легенда встречается не только у *аньянджа* и *яо*, но также среди *хенга* и *нконда* на севере озера Ньяса, и везде под одним и тем же названием, которое переводится примерно как «Откуда ты меня увидел?».

Теперь перейдем к *зулусам* и ознакомимся с рассказом об *абатва*, переданном епископу Каллауэю Умпенгулой Мбандой.

«*Абатва* – совсем маленький народ, куда меньше всех прочих маленьких людей. Они передвигаются в высокой траве и спят в муравейниках; они бродят в тумане; они живут в глуши, вдали от селений, в скалах; у них нет поселений, о которых вы могли бы сказать: «Вот деревня *абатва*». Их деревня там, где они убивают дичь; они съедают все подчистую и уходят. Вот каков их образ жизни».

«Если случается так, что человек отправляется в путь и неожиданно сталкивается *сумутва* (единственное число от *абатва*. – *Авт.*), *умутва* спрашивает: «Где ты увидел меня?» Сначала человек, желая установить отношения с *абатва*, ответил правду: «Я увидел тебя вот здесь, в этом самом месте». *Умутва* рассердился, решив, что человек презирает его, выпустил в него свою стрелу, и тот умер. Очевидно было, что *абатва* стыдятся своего малого роста и любят, когда их возвеличивают. В следующий раз, когда человек встретил *умутва*, он приветствовал его и сказал так: «Я видел тебя!» (обычное *зулусское* приветствие, *Са-ку-бона*. – *Авт.*). *Умутва* сказал: «Когда ты увидел меня?» Человек ответил: «Я увидел тебя, когда был далеко. Видишь гору? Я увидел тебя, когда был на вершине». Тогда *умутва* обрадовался и сказал: «О, так я велик!» С тех пор их так и приветствуют».

К этому рассказу есть небольшое дополнение, которое первоначально могло составлять часть рассказа. Оно определенно появилось сравнительно недавно, поскольку говорит о том, что у *абатва* есть лошади.

«Абатва – странствующий народ. Когда дичь подходит к концу там, где они останавливаются, абатва садятся на лошадь, один позади другого, и едут дальше. Если им не встречается дичь, они съедают лошадь».

Их опасность, по словам Умпенгулы, кроется как раз в их крайней ничтожности: «Абатва – крошечные существа, которых не разглядеть в высокой траве. Вот человек идет, смотрит перед собой и думает: «Если покажется человек или животное, я увижу их». И вдруг – глядь! – а в траве умутва. Человек чувствует, что в него выпустили стрелу, оглядывается, но не видит лучника и пугается».

Стрелы карликов всегда отравлены, так что даже слабая рана является смертельной. Поэтому нет ничего удивительного в том, что карлики внушают такой страх. Это чувство страха прекрасно описано в зарисовке Фредерика Бойла, рассказывающей о некоем сверхъестественном лесном народе с острова Борнео, который Бойл именует *уджит*. Мне, впрочем, неизвестно, откуда почерпнул свои сведения Бойл. Я могу рассказать о своих впечатлениях от встречи с загадочным народом. Однажды мы проходили через лес, покрывающий цепь холмов в нескольких милях от Мамбруи на восточном побережье, и чуть к северу от Малинди один из носильщиков неожиданно сказал: «*Васанье!*!» Я услышала крик «*Дунгич!*» («Европейцы!») откуда-то из-за деревьев, увидела мелькнувшую фигуру, и все снова стихло. Тут я услышала настойчивый крик какой-то птицы, он повторялся снова и снова, а из зарослей ему вторила другая птица. «Это птица или васанье?» – спросила я ближайшего ко мне носильщика. «Это васанье», – ответил он. Больше в тот раз мы их не видели и не слышали.

Совершенно безобидными людьми были, да во многих случаях являются и теперь бушмены. «Некоторые из них весьма добродушны и очень услужливы, – говорит отец Торренд, – другие ведут войну против всех живых существ, и им нельзя доверять ни в чем». Справедливости ради надо добавить, что враждебное поведение последних порождено тем обращением, с которым они сталкивались.

Епископ Каллауэй добавляет: «Но в истории об абатва говорится не о бушменах, это скорее пикси или какой-то народ, куда более слабый, чем истинные бушмены. И все же сходства между ними достаточно, чтобы можно было говорить о том, что перед нами описание первых контактов между зулусами и этим народом».

Дальнейшее исследование показывает, что высказанные епископом сомнения беспочвенны. Эти абатва – определенно настоящие бушмены, хотя они и перешли в категорию народов мифических.

Это название в различных видоизмененных, но легко узнаваемых формах встречается во многих районах Африки. Иногда оно относится к реальным пигмеям, иногда к людям, которые не отличаются особенно малым ростом, но напоминают бушменов своим образом жизни или другими общими чертами. Так (банту) покомо из бассейна реки Тана называют васанье – вахва (батва). Также есть люди, называемые *батва*, они живут в болотистой местности возле озера Бангвеулу, но их никак нельзя причислить к пигмеям.

Ватва из Урунди считают себя, говорит П. Ван дер Бургт, «истинным коренным населением страны. Это... охотники, кузнецы, гончары... кочевники, люди очень робкие, но вместе с тем жестокие, вспыльчивые, *чрезвычайно приверженные магии*, очень черные, худощавые, ниже среднего роста, с обильным волосатым покровом... Варунди презирают их, считая не людьми, а животными».

По мнению самого автора, впрочем, это едва ли можно считать исчерпывающим описанием отношения варунди, поскольку ватва, кажется, обладают некоторыми сверхъестественными способностями. В своих ритуальных песнопениях они называют себя «сыновьями каменных людей». Тем самым они дают понять, вероятно, что своим происхождением отличаются от прочих. Вообще, рассказывая о людях из других племен, африканцы говорят, что они «пришли из другого места».

Пигмеи (батва) из Касаи также «пришли из другого места» – их прародители считаются потомками деревьев, а бангонго сообщили Тордею, что и по сей день можно увидеть

большие трещины в стволах деревьев, из которых они вышли. Предание гласит, что Вотто, четвертый вождь бушонго, покинув свое племя и удалившись в лес по причине злодеяний, совершенных его родственниками, почувствовал себя одиноким и произнес заклинание. Тут деревья раскрылись и выпустили на свет множество крошечных существ. «Кто вы?» – спросил Вотто, и крошечные существа ответили: «*Бину батве!*» («Мы – люди») – отсюда и происходит их название. «Теперь, – говорит рассказчик, – это человеческие существа и имеют детей, как все прочие люди, но в то время они были только духами в человеческом облике, детьми деревьев».

Другие племена относятся к пигмеям с суеверным ужасом. Опасными считаются даже те пигмеи, что ушли из леса и превратились в земледельцев, и люди из других племен никогда не рождаются с ними браком.

Впрочем, есть по крайней мере одно место, где маленький народ «дружелюбен и услужлив», – это гора Килиманджаро. «Маленький народ» живет в самой горе, здесь у них есть все, что нужно для жизни, – банановые деревья и стада скота. Бедные или больные люди, нашедшие дверь в этот мир, встречают радушный прием и получают щедрые дары, в то время как богатые, стремящиеся стать еще богаче, изгоняются с позором. Это напоминает многочисленные истории о фрау Холле (см. главу 5), хотя они рассказывают скорее о царстве мертвых. Не вызывает, однако, сомнений, что радушный народ из подземного мира – это не предки (*вари-му*), а «легендарные древние обитатели земли». Некоторые африканцы верят, что они обитают не в горе, а на вершине Кибо – огромного покрытого снегом купола.

«Это карлики с огромными, бесформенными головами, отступившие перед надвигающимися племенами и нашедшие убежище на высокой труднодоступной горе. Их называют *вадаримба* или *ваконьинго*. У них есть что-то вроде лестниц, прикрепленных к скалам. По этим лестницам карлики поднимаются. Но на вершине горы лестницы эти не оканчиваются, а устремляются прямо в небо. Эти карлики тоже выказывают сочувствие обездоленным. Куски мяса, которые они бросают в зарослях банановых деревьев, совершая приношения предкам, скатываются по склону горы и превращаются в воронов». Возможно, это попытка объяснить распространение в районе Килиманджаро белошеих ворон.

Говорят, что ваконьинго – это человеческие дети, но с огромными головами. Они никогда не ложатся в постель, а спят сидя, прислонившись к стенам хижин, поскольку если они лягут в постель, то больше уже не смогут подняться из-за тяжести своих голов. Если один из карликов падает, ему приходится ждать, пока товарищи не поднимут его, поэтому каждый Мконьинго носит за поясом рог, чтобы можно было в случае нужды подать сигнал.

Рассказывают такую историю о ваконьинго.

Жил-был бедный человек, и было у него два сына – Мкунаре и Каньянга. Поскольку у них не было ничего, даже коровы, Мкунаре сказал: «Я отправлюсь к Кибо. Говорят, что там живет вождь, который жалеет обездоленных». Он взял с собой немного еды и отправился к горе. Сперва по дороге он встретил старую женщину, сидящую у обочины. Глаза ее так гноились, что она ничего не видела. Юноша поздоровался со старухой. «Что привело тебя сюда?» – спросила она. Мкунаре объяснил, и старуха сказала: «Оближи мои глаза, чтобы я могла видеть, и тогда я скажу тебе, как найти вождя». Но Мкунаре не смог пересилить свою брезгливость и отправился дальше. Он пришел к ваконьинго и увидел людей, сидящих у крааля вождя. Все они были ростом не больше маленького мальчика, пасущего коз (обычно пасти коз поручают самым маленьким детям, которые еще не в состоянии справиться с крупным скотом). Мкунаре принял ваконьинго за детей и сказал: «Добрый день, мальчишки. Скажите мне, где ваши отцы и старшие братья!» – «Подожди, они скоро придут!» – ответили ваконьинго. Мкунаре прождал весь день, но никто из взрослых так и не явился. Когда наступил вечер, малыши пригнали скот и забили одно из животных на ужин. Но они не дали мяса Мкунаре, а сказали лишь: «Подожди, пока не придут наши отцы и братья!» И Мкунаре отправился восвояси голодный, а когда снова встретил старуху, она не пожелала отвечать на его вопросы. На обратном пути Мкунаре заблудился и почти месяц скитался, прежде чем попал домой. Здесь он рассказал, что у великого племени много скота и оно живет на

вершине Кибо, но они не очень-то гостеприимны и ничего не дают пришедшим к ним. Поскольку положение семьи все ухудшалось, младший брат, Каньянга, решил попытаться счастья. Он отправился в путь, встретил старуху и выполнил ее просьбу. В ответ благодарная женщина сказала: «Иди прямо, и придешь к краалю вождя, там ты найдешь людей ростом не выше козленка. Но ты не должен называть их детьми, приветствуй их уважительно, как советников вождя». Каньянга сделал, как было сказано, и ваконьинго радушно приняли его, провели к вождю, который, выслушав историю Каньянги, немедленно предоставил ему пищу и кров. В ответ на его щедрость Каньянга научил ваконьинго заклинаниям, необходимым, чтобы уберечь урожай от насекомых и других вредителей, а также заклинаниям, «закрывающим дороги», чтобы враг не мог пройти на землю племени. Этот примечательный факт говорит о том, что определенные виды магии были известны мигрантам и не были известны аборигенам. Карлики были так довольны, что каждый из них подарил Каньянге по корове или козе, и тот с триумфом вернулся домой, гоня перед собой большое стадо и напевая песенку:

Принеси мне топор, чтобы срубить дерево –
Говорящее дерево, оно говорит мне:
Дети, говорит оно, и скот, говорит оно –
Где же мне пасти этот скот? Скажи мне!
Пусть пасется на Кибо, пока Кибо не сгорит.
Пусть пасется на Мавензи, пока огонь не охватит вершину.
Пусть пасется на Лалеху и на Кимала,
И в болоте Леруху, пока там есть трава.
На лугах Мамкинга, на берегах Макирере –
На склонах Киненена, пока трава не выжжена...
Вниз, вниз, к озерам Кикунуло и Малаа –
Там их дом!

Так Каньянга разбогател и вернул своему клану утраченное богатство. Люди сложили песню о его брате, которую поют и по сей день:

О Мкунаре, подожди, пока отцы не придут!
Какое право ты имел презирать «маленький народ»!

Мы видим, что ваконьинго не столь чувствительны к намекам на свой малый рост, как абатва, и месть их не так ужасна, хотя и они вовсе не намерены молча сносить оскорбления и пренебрежение. В другой истории говорится, что в страну карликов можно попасть через ворота – несомненно, похожие на те, что ведут в укрепления племени ваньика. У вершины Кибо расположены две двери, одна ведет к лестницам ваконьинго, другая – вниз. Всякий, кто выберет последнюю дверь, умрет ужасной смертью – ему суждено увидеть призраков и сгореть в огне. История рассказывает о том, как женщины ваконьинго отправились вниз по склону горы, чтобы набрать травы. У каждой за спиной был привязан калebas со сливками, чтобы во время ходьбы взбивалось масло.

Таким образом, ваконьинго не являются обитателями неба, хотя и напоминают их в некоторых отношениях. Тонга верят в то, что карлики живут на небе и иногда спускаются оттуда во время грозы.

Глава 10

Тотемизм и истории о животных

Тотемизм существует или существовал прежде в той части Африки, что расположена к югу от Сахары. Иногда мы встречаем его в явной и очевидной форме, а порой – в виде

пережитка, с трудом постигаемого самими африканцами.

Мы не будем здесь рассуждать о природе и происхождении тотемизма или сравнивать его проявления в Африке с теми, что были обнаружены в других частях света. Рассмотрим тотемизм лишь как фактор, имеющий для мифологии важнейшее значение. Может быть, в целях большей ясности стоит начать с определения Фрейзера, данного относительно недавно и хорошо мне известного: «Тотем – класс материальных объектов, к которым дикарь относится с суеверным почтением, веря, что между ним и каждым объектом класса существуют тесные и особые отношения... Связь между человеком и его тотемом взаимовыгодная. Тотем защищает человека, в то время как последний различными способами проявляет свое уважение к тотему, не убивая его, если тотем – это животное, и не срывая, если это растение. В отличие от фетиша тотем никогда не является отдельным предметом, а всегда представляет собой класс объектов».

В роли тотема может выступать животное или растение, реже – неодушевленный предмет, и еще реже – объект искусственный. У нанди и гереро существуют тотемы дождь и солнце, в Ньясаленде – тотем холм, у бечуанов (баролонг) – тотем железо. Способ, которым был порожден тотем, может пролить некоторый свет на тотемы, кажущиеся аномальными. Племя баролонг некогда «танцевало»³² (как говорят бечуаны) куду (лесную антилопу) и, следовательно, не могло употреблять в пищу ее мясо. Однажды во время голода кто-то случайно убил антилопу. Никто, однако, не осмелился прикоснуться к ее мясу, жестоко страдая от голода. На помощь пришел вождь – он предложил изменить тотем и почитать отныне не куду, а пронзившее ее копые. (Это позволяет предположить, что «железный» тотем принадлежит к классу не просто неодушевленных, но искусственно созданных предметов.)

Тотемам, как указывает Фрейзер, никогда не поклонялись в истинном смысле этого слова. Отношение к ним было «дружеским, почти родственным». Человек «отождествляет себя и своих соплеменников со своим тотемом... он воспринимает себя и членов своего клана как животных того же вида и, с другой стороны, до некоторой степени очеловечивает животных». Тотемизм иногда развивается в культ животных или растений, как случилось в Древнем Египте. У народа баганда есть «бог-питон», Сельванга, храм которого находится в Буду. Его жрецы – члены клана Сердца, а в рассказе Роско нет ничего, что позволяло бы предположить, что он является тотемом. Однако, когда видим, что у племени камаламба, живущего к северо-востоку от озера Виктория, есть тотем питон и что два клана, обладающие этим тотемом, воздают особые почести питону, происхождение тотема становится очевидным. Ваванга, племя родственное камаламба, «проводят определенные священные ритуалы, связанные с питоном... Соломенные фигурки этих змей с сосудом, наполненным кашей или пивом, и, возможно, парой перьев, воткнутых в землю позади них, часто можно увидеть в деревнях. Это означает, что кто-то из жителей деревни недавно встретил питона и предложил ему птицу или другую пищу, а по возвращении воссоздал картину, иллюстрирующую встречу с тотемом».

По всей вероятности, тотемизм существует, впрочем постепенно отмирая, и в племени эве. Среди «племенных божеств» Эллис называет три тотема эве: Питона, Крокодила и Леопарда. Он, правда, не упоминает клан Питона, но список Эллиса по общему признанию неполон, кроме того, он включает клан Змей, который можно отождествить с кланом Питона.

Иногда тотемизм путают с концепцией реинкарнации умерших в облике животных. Однако два этих представления в действительности отличны друг от друга. Это становится ясно, когда мы узнаем, что зулусы говорят об *амадлози*, возвращающихся в облике змей. Все животные данного класса являются тотемами, но только предсказатель может сказать наверняка, является ли конкретная змея *идлози*. Опять-таки, в то время как другие существа

³² Ливингстон пишет: «Различные племена бечуанов названы в честь животных... Они также используют слово «бина» (танцевать) в отношении самоназвания, так что, когда вы желаете выяснить, к какому племени принадлежит ваш собеседник, вы спрашиваете: «Что ты танцуешь?»

помимо змей могут быть воплощениями предков, еще не было случая, чтобы они принадлежали к определенным кланам, как случилось бы, будь они тотемами.

Чага, судя по всему, постепенно утрачивают свою приверженность тотемизму, по крайней мере, в настоящее время известно только три их тотема, а именно павиан, слон и питон. Существуют, возможно, и другие, например, клан Кабана объясняет свое название, рассказывая, что однажды их предок был сбит с ног диким кабаном. Упомянутые выше кланы верят, что произошли от своих тезок. Однако, в то время как большинство африканцев, сохраняющих веру в тотемизм, думают, будто их предок и правда был животным – как правило, он принимал человеческий облик, чтобы создать семью, – чага придерживаются другого мнения, а именно что их предок был человеком, впоследствии превратившимся в животное. Одного этого фактора достаточно, чтобы понять, что концепция претерпела определенные изменения и что тотемизм, как таковой, выходит из употребления, отмирает.

Кажущееся исключение к последнему утверждению – клан Павиана. Их предком был Павиан, который, поссорившись со своими братьями, ушел из стаи и обосновался в деревне. Впрочем, исключение это кажущееся, поскольку чага верят, что эти обезьяны являются выродившимися людьми. Испытывая давление со стороны враждебных племен, они бежали в джунгли, а вернувшись через некоторое время, обнаружили, что хижины их сожжены, а поля разорены. Тогда они оставили попытки вести оседлую жизнь и одичали. Следовательно, основатель клана всего лишь вернулся в то состояние, из которого когда-то вышли его предки.

Я думаю, что представление об обезьянах как дегенерировавших людях встречается в разных частях Африки, но истории, которые я слышала сама, говорят о другом: существует также представление, что это низшие по уровню развития существа, пытающиеся подняться до статуса человека. Сказка из Восточной Африки рассказывает о том, как павианы, которым надоело, что люди постоянно гоняют их со своих полей, выбрали одного павиана, отрезали ему хвост (или спрятали его) и отправили в ближайшую деревню на поселение, наказав ему жениться на местной женщине и засеять семь полей. Пять из них предназначались его родственникам, а ему и его жене оставляли другие два. Некоторое время все шло согласно плану, но в конце концов жена устала от тяжелой работы, она все время твердила, что работает только на этих обезьян. Муж согласился с ней, но его родственники услышали их разговор и поспешили в буш, где рассказали обо всем соплеменникам. Решено было вернуть отщепенцу хвост: группа павианов отправилась в деревню, неся с собой хвост и напевая песню:

Эй, павиан! Павиан, иди и забери свой хвост!

Когда павианы пришли к хижине, его не было дома, он отправился крыть тростником дом своего тестя. Павианы последовали за ним туда и продолжали петь, пока их песня не долетела до его ушей. Павиан, вероятно, решил, что протестовать бесполезно, и лишь попросил братьев дать ему закончить крышу, потом спустился и получил свой хвост, к вящему удивлению жены и ее семьи, не знавших об истинной природе члена своей семьи.

Тотем слон у племени чага принадлежит к клану Ваконадаи. Легенда гласит, что девушка из этого клана против своей воли была выдана замуж за человека из другого клана, Вакосалема. Она отказалась есть обычную человеческую пищу, заменив ее на листья и траву, потом превратилась в слона и убежала в лес. С того времени число слонов существенно увеличилось и они стали совершать набеги на поля людей. Они никогда не причиняют вреда полям своего клана, но, если встречаются кого-то из клана Мукосалема, сразу убивают этого человека.

Мне не встречалось историй о возникновении тотема питона, распространенного во многих частях Африки, но рассказ Гутманна служит прекрасной иллюстрацией того, как африканцы относятся к своим тотемам. Всякий раз, когда играет свадьба, в честь питона

устраивается празднество, а молодая жена убирает и украшает хижину с особой тщательностью. Говорят, что рептилия всегда появляется и бросает во двор желтые ягоды, которые считаются особым сокровищем. Потом змея вползает в хижину, где на земле сидит жена, проползает по ее вытянутым ногам и, полакомившись молоком и другой приготовленной для нее пищей, выползает в дверь и исчезает в зарослях.

Гутманн говорит, что эта огромная змея считается воплощением предка. Но это воплощение, как уже отмечалось, не является аналогом тотема: более того, добавляет Гутманн, члены племени никогда не молятся ему и не совершают приношений, как поступают по отношению к духам предков.

Отношения между человеком и его тотемом иллюстрирует рассказ Холлиса, прожившего некоторое время среди нанди – хамитского племени Восточной Африки. Привожу этот рассказ.

«В марте 1908 года я собирался разбить лагерь рядом с деревней нанди. Носильщики ставили палатки, повар разжег огонь, и я принялся за еду. Вдруг угрожающее жужжание предупредило нас, что где-то рядом находится пчелиный рой. Меньше чем за минуту мы покинули свои пожитки и бросились бежать, преследуемые пчелами... Вечером мы два или три раза пытались спасти свои пожитки, но безуспешно. Некоторые носильщики при этом были жестоко искусаны. В четыре часа, когда я уже решил оставить все попытки до наступления темноты, в лагере появился один из нанди и вызвался успокоить пчел. Он сказал, что принадлежит к клану Пчелы и эти пчелы его. Он также сказал, что в нападении виноваты мы, поскольку разожгли огонь под деревом, на котором висел улей. Африканец был практически обнажен, но бесстрашно отправился в лагерь, где были наши вещи, громко свистя наподобие того, как нанди свистят, сзывая свой скот. Мы увидели, как пчелы роились возле африканца, садились на него, но он не обращал на них внимания, лишь стряхивал время от времени пчел с рук. Все еще громко насвистывая, он проследовал к дереву, где находился улей. Через несколько минут он вернулся, ничуть не пострадав, и мы смогли забрать из лагеря свои вещи».

У нанди есть кланы Павиана и Леопарда, но среди их тотемов нет питона (если только его нельзя отождествить с тотемом змеей). Клан Гиены наделен любопытными привилегиями, имеет некоторые ограничения и глубоко почитается. Я упоминаю об этом потому, что гиену до некоторой степени почитают все нанди, а не только те, чьим тотемом она является. У гирияма и других племен существует даже то, что можно называть культом гиены, хотя эти племена, насколько нам известно, не имеют такого тотема. Здесь мы, скорее всего, имеем дело со случаем, когда тотемизм развивается в зоолатрию (культ животных), как произошло с питоном.

По сведениям Жюно, тонга сейчас не является тотемным племенем, но две сказки, которые он цитирует, позволяют с уверенностью утверждать, что раньше они являлись приверженцами тотемизма. Поскольку эти сказки являются прекрасными иллюстрациями темы, их можно привести здесь. Юноша женился на девушке по имени Титишана. Когда ему пришло время забирать молодую жену домой, ее родители сказали: «Возьми с собой слона!» (В сказке, в том виде, в каком мы ее знаем, нет ничего, что могло бы вызвать столь поразительное предложение, можно лишь предположить, что он берет с собой в свой новый дом животных; возможно, она начала требовать тотем и родители сделали попытку, впрочем безрезультатную, откупиться от нее.) Девушка отказалась, сказав: «Где мне держать его? Рядом с деревней моего мужа нет леса». Родители предложили дочери взять антилопу, но она снова отказалась: «Нет, отдайте мне вашего кота!» Родители заупрямились: «Ты же знаешь, что наша жизнь связана с этим котом!» Но бессердечная дочь заявила: «Мне все равно! Если вы мне откажете, меня ждет несчастье!» Поколебавшись, родители уступили. Когда на следующий день юная пара покинула дом, девушка без ведома мужа взяла кота с собой. Придя в свой новый дом, она тайком соорудила крааль и впустила туда кота. Позднее, когда она отправилась обрабатывать дальнейшее поле (в хижине никого не оставалось), она сказала коту, что он может выйти и съесть приготовленный маис, оставленный в горшке. Кот

так и сделал и, вылизав горшок, надел набедренную повязку, принадлежавшую мужу девушки, взял его трещотки и принялся танцевать и петь:

О хо! Титишана! Куда ты ушла, Титишана?
Ты ушла далеко – ва, ва, ва!

Затем, испугавшись, что его могут застать врасплох, кот положил взятые вещи на место и вернулся в свой крааль. Он делал так каждое утро, как только Титишана покидала дом, отправляясь в поле, до тех пор, пока дети не услышали его песню и не сказали об этом хозяину дома. Мужчина не поверил им, но все же спрятался у двери и увидел кота, надевшего его набедренную повязку и украшения и начавшего танцевать. Мужчина ворвался в хижину и убил кота, и в тот же момент Титишана, мотыжившая землю, упала без чувств. Придя в себя, она крикнула: «Они убили меня там, в деревне!» – и, рыдая, отправилась домой. Она села у дверей хижины, велев мужу завернуть тело кота в циновку – потому что она умерла бы, увидев тело, – чтобы она могла отнести его в родную деревню. Девушка отправилась в путь, за ней следовал муж. Принеся тело кота в деревню, она положила сверток на площади. Здесь к Титишане подошла женщина и сказала: «Мы предлагали тебе слона – ты отказалась; мы предлагали тебе антилопу – ты отказалась; разве ты не убила нас всех – ответь мне!» Все жители деревни собрались на площади, говоря: «Наш клан Кота погиб!»

Затем они развернули циновку и один за другим – первой была сама Титишана – подходили и смотрели на мертвого кота, и каждый падал замертво, стоило ему увидеть тело животного. Муж Титишаны вышел, закрыл ворота в окружавшей деревню ограде пучком колючих веток и отправился домой, оставив тела жителей деревни непогребенными. Он рассказал своим товарищам, что, убив кота, убил и всех этих людей, поскольку их жизнь зависела от жизни этого животного. Более того, он потерял приданое, которое отдал за свою жену, поскольку в живых не осталось тех, у кого можно было бы потребовать его назад.

Очевидно, что кот являлся тотемом клана. Интересными представляются несколько деталей в сказке. Жена хочет иметь свой тотем, но от нее этого, видимо, не ожидают, и разражается катастрофа. Хранит ли эта сказка смутные воспоминания о переходе от счета родства по женской линии к счету родства по мужской линии? Тот факт, что жизнь клана зависела от кота, кажется, подтверждает теорию тотема как «внешней» души, которой одно время придерживался Фрейзер. Впрочем, впоследствии он отверг ее.

Та же идея лежит в основе истории о буйволе. Сюжетная линия в этой истории очень напоминает историю, рассказанную выше: животное-тотем держится в секрете от мужа, который по неведению убивает его. Есть, однако, и некоторые различия: буйвол невидим для всех, кроме жены³³. Жена, не знающая, как накормить буйвола, не выдавая его присутствия, велит ему уйти в лес и выходить ночью пастись на полях. Буйвол выполняет различные просьбы женщины – приносит воду и хворост, обрабатывает землю и т. д. Когда буйвол погибает, жена пытается оживить его при помощи магических церемоний, и ей бы это удалось, если бы ее не прервали в критический момент. Наконец члены тотемного клана, услышав о смерти буйвола, убивают себя и своих детей. Такой конец представляется менее примитивной концепцией, чем в первой истории.

По утверждению доктора Мансфельда, племя экои из Камеруна не только считает своих тотемных животных помощниками и защитниками, но и может заставить их выполнять приказания, например напасть на врагов племени. Тотемная группа обычно совпадает с деревней, то есть является вопросом локализации, а не происхождения. Самыми типичными тотемами являются гиппопотам, слон, крокодил, леопард и горилла, а также рыбы и змеи. Этот автор дает примечательную фотографию: река, часто посещаемая тотемом

³³ Возможно, он был невидим днем, но муж, стороживший поля по ночам, замечает и убивает буйвола.

клана – гиппопотами, где животные, если их не тревожить, ведут себя чрезвычайно покладисто. На фотографии запечатлены шестнадцать гиппопотамов, плавающих в воде и совершенно не обращающих внимания на белых людей и их фотоаппараты. Они пришли по зову вождя, выступавшего в роли гида доктора Мансфельда, и следовали за группой, когда та гуляла по берегу.

Согласно теории экои, половина души каждого человека живет в животном, являющемся представителем тотема, следовательно, только одно конкретное животное – его индивидуальный тотем. Люди из клана Слона будут охотиться на слонов и безжалостно убивать их, щадя тех, кто является тотемами, поскольку явно не все слоны являются тотемами. Человек и его тотем всегда инстинктивно узнают друг друга и будут избегать встречи: что же до тотемов остальных охотников, то, если охотник должным образом совершит приношение фетишу слона перед началом охоты, любой слон-тотем даст ему знать о себе, подняв переднюю ногу. Если же охотник не совершит приношения, он может ранить или убить тотем, тогда человек, которому этот тотем принадлежит, может заболеть или умереть. Человек может превращаться в крокодила или гиппопотама или в любое животное, которое является его тотемом, а затем сделаться невидимым, чтобы отомстить врагу. В то же время он может отправить вторую половину своей души, воплощенную в тотеме, с тем же поручением.

Во многих случаях тотемные кланы, помимо уважения к своим тотемам, ограничены различными церемониальными запретами, связь которых с тотемом трудно угадать. Так, в клане нанди, называемом Кипоис, чьими тотемами являются шакал и таракан, «не могут ставить ловушек, хотя могут охотиться. Они не могут строить хижины возле дороги, не могут носить шкуры диких животных, за исключением шкуры дамана». Последнее ограничение относится и к нескольким другим кланам, в то время как еще один клан (Кипкенда) может носить шкуры любого животного, кроме дукера. Однако при этом дукер вовсе не является тотемом клана: одна часть клана почитает пчелу, другая – лягушку. (Дукер – тотем клана Кипамви, но, хотя им и не разрешается употреблять в пищу его мясо, ничего не говорится о том, что им запрещено носить его шкуру.) Люди, чьим тотемом является дукер, не могут сеять просо, а тем, чьим тотемом является лесная свинья, не позволено прикасаться к ослу. Природа этих табу неясна, возможно, они развились из индивидуальных ограничений, таких, какие накладывают знахари Конго на женщину перед рождением ее ребенка. Знахарь велит устроить празднество и приготовить для него пищу – животную и растительную, – и ребенок должен воздерживаться, либо в течение всей жизни, либо на протяжении определенного периода, от употребления в пищу мяса животных или рыб, приготовленных к этому празднеству. Ограничения касаются только животной пищи, не растительной. О других табу, не относящихся к диете, нам неизвестно. Дафф Макдональд приводит историю племени яо о девушке, которой позволили выйти замуж только при условии, что ее никогда не будут просить толочь зерно или что-то другое, кроме касторовых бобов. Другая жена ее мужа, в отсутствие последнего, заставила девушку толочь маис. Как только та принялась за дело, «вода вдруг залила ее до пояса, она снова принялась толочь, и вода дошла до шеи, когда она снова попыталась сделать дело, вода накрыла ее с головой». Подобный инцидент случился в истории о Хамелеоне, рассказанной Жюно, с тем дополнением, что вода превратилась в озеро. У кинга есть сказка, в которой мальчика хоронят заживо, рядом с рекой, его товарищи. Его сестра пришла к реке за водой, и, когда она наклонилась, чтобы наполнить свой калекбас, вдруг услышала голос, говорящий: «Если ты моя сестра, скажи матери, что они похоронили ее старшего сына!» Девушка в ужасе бросилась домой и ничего не сказала об услышанном. Такое происходило на протяжении трех дней, а на четвертый она рассказала матери, которая отправилась с дочерью к реке и спряталась, а дочь стала набирать воду. Мать услышала голос, подошла к месту, из которого он исходил, принялась копать и увидела голову мальчика. При помощи мотыги она вытащила его из земли. Он был жив, но часть его тела уже разложилась. Мать и сестра принесли мальчика домой и ухаживали за ним три дня. На четвертый родители отправились

обрабатывать поле, а перед уходом велели мальчику ни в коем случае не приносить огонь, если его попросят. Когда мальчик остался один в хижине, к ней подошли вожди и присели отдохнуть в тени, велев мальчику принести им огня, они хотели покурить. Несколько раз мальчик отказывался, но, когда ему погрозили палкой, подчинился и немедленно превратился в воду, а на месте хижины разлилось большое озеро. Вожди в ужасе бежали, а родители по возвращении повесились.

Некоторые моменты в этой истории требуют уточнения, возможно, она дошла до нас в несколько искаженном виде. Если тотемом мальчика была вода, тогда понятна причина, по которой ему запрещали прикасаться к огню, и понятно, почему он превратился в воду, когда табу было нарушено. В нынешнем же варианте истории мотив неясен или же полностью утрачен. Возможно, намек на него сохранился в утверждении, что мальчик был похоронен близ реки и найден сестрой, когда она пришла набрать воды. В двух предыдущих примерах нет поддающейся обнаружению связи между табу и тотемом водой, если таковая вообще существовала.³⁴

Впрочем, нам редко удается проследить прямую связь с тотемизмом в историях о животных, которые составляют большую часть африканской мифологии. Они являются не столько продуктом тотемизма, сколько результатом умонастроения, породившего тотемизм, но, в то время как последний в большей или меньшей степени предается забвению, народные поверья продолжают жить.

Главным героем историй о животных у банту является Заяц, который в Америке превратился в Братца Кролика. Основная масса негров из южных штатов США ведут свое происхождение от бантуязычных племен – большая их часть, насколько я понимаю, пришли из региона Конго. Это довольно любопытно, если принять во внимание тот факт, что Заяц не является любимым героем в фольклоре народа Конго. Однако Уикс предлагает свое объяснение: Братец Кролик – это Газель, судя по всему карликовая антилопа (*Neotragus*) или африканский оленек (*Dorcatherium*). «Она очень проворна и сообразительна, и я предполагаю, что рабы, привезенные из Конго, не найдя подобного животного в Америке, заменили ее на Кролика». Заяц, который водится в большинстве районов Восточной и Южной Африки, фигурирует в фольклоре этих регионов, и некоторые из его приключений приписываются маленькой антилопе, занявшей его место на западе Африки – на территории к северу от Конго до Камеруна и на территории за ареалом банту вплоть до Сьерра-Леоне. Почему эту антилопу англоговорящие негры называют Хитрым Кроликом – загадка. Вероятно, ее можно объяснить смещением племен, произошедшим при расселении в Сьерра-Леоне освобожденных рабов. Словари Кёлле включают ряд диалектов банту, на некоторых из них говорят люди, в чьих сказках фигурирует Заяц. Несколько искаженный английский стал привычным языком для всех поселенцев Сьерра-Леоне, и вполне естественно, что в процессе обмена устным творчеством имя Хитрый Кролик было перенесено от героя восточных сказок к герою западных – сами сказки во многих случаях почти идентичны. Я подозреваю, что Хитрый Кролик занял место Зайца в тех регионах, где зайцы не водятся. «В центральных или сильно лесистых районах бассейна Конго не встречено ни одного зайца» (Джонстон).

Заяц (Кабулу) вновь появляется в фольклоре Анголы, где он является одним из героев известной истории о Смоляном чучелке. Южнее, у нама, его место занимает Шакал, герой хамитского предания, хотя иногда этот персонаж встречается и в сказках банту. Басуто, приписывающие Шакалу приключения Зайца, могли заимствовать их от готтентотов. Зулусы тоже иногда вспоминают о Зайце, хотя и отдали большую часть его лавров Хлаканыне.

³⁴ Еще более интересна история об Уньяндемуле. Девочку, сбежавшую из дома после наказания, которому подвергли ее родители, уносят бурные воды разлившейся реки; обнаруживает ее младшая сестра, пришедшая за водой. Девочку приносят домой, и колдунья предупреждает родителей, что дочь ни в коем случае нельзя бранить, иначе она превратится в воду. Что в конечном итоге и случается. Здесь мы видим связь с европейскими сказками про ундин.

Снова Заяц появляется в Восточной Африке и не только среди банту, но и у нилогов, живущих к северу от озера Виктория и дальше на север до Дарфура. Хамитские племена галла и сомали обходят Зайца своим вниманием, считая его несчастливым животным – причем настолько, что, если он поутру пересекает тропу охотника, человек сразу же поворачивает назад, зная, что, если последует дальше, его ждет неудача.

Абареа, которого я расспрашивала в Мамбруи в 1913 году, выразился по этому поводу достаточно определенно. Когда я спросила, отчего, если Зайца так ненавидят, о нем сложено столько сказок и о нем идет такая слава, Абареа заявил, что все эти сказки, включая и ту, в которой Лев проглотил раскаленный камень, сложены о Шакале. Это вполне согласуется с преданиями нама и масаи, являющихся частично хамитским народом. У последних есть по крайней мере две сказки, в которых у других племен фигурирует Заяц.

Персонаж Черепаха типичен для негрских племен и народов банту. Это одна из фигур, выступающая в паре с Зайцем, вторым его партнером является Паук. Иногда Черепаха предстает как воплощение мудрости и доброжелательности, но порой хладнокровно выслеживает свои жертвы с бесконечным терпением и упорством, заставляя их расплачиваться за содеянное.

Паук иногда встречается в фольклоре бантуязычной Африки, где некоторые считают его воплощением Солнца, а лучи последнего сравниваются с паутиной. Если верно, что слово *дибобе* у народа дуала, означающее паука, также используется и для обозначения неба, то предположение небеспочвенно, однако трудно сказать, насколько оно верно в отношении Ананси, Паука, фигурирующего в фольклоре Сьерра-Леоне и Золотого Берега. Последний вряд ли может замещать в этом регионе Зайца, поскольку не наделен ни одним из его лучших качеств – у Ананси довольно злобный нрав.

Таковы пять главных характеров в историях о животных в Африке. Есть и другие герои, встречающиеся реже: Хамелеон, Крокодил, Питон, различные птицы, Лягушка (в регионе Делагоа-Бей – любопытные маленькие особи, известные науке как *Brevicercus mossambicensis*), и пр.

Затем, на втором плане, есть те, кто выступает в качестве мишеней для насмешек, жертв или партнеров, подающих реплики главному герою. Это, как правило, существа куда большего размера, силы и явной важности: Лев, Слон, Гиппопотам, Носорог, Леопард и Гиена.

Чувство справедливости, которым наслаждается более слабый герой, поставив в тупик более могучее существо, свойственно человеческой натуре повсюду, но особенно это отмечается в Африке – возможно, потому, что ее народы всегда становились жертвой более сильных. Классифицируя сказки ронга, Жюно выделяет категорию «Мудрость малых» – но черта эта не ограничивается одной лишь группой сказок, ее можно найти и в других разделах в «Сказках о животных» или «Сказках об ограх».

Попутно отметим, что едва ли справедливы слова Маккола: «В этих сказках нет ничего, что привело бы к возвышению разума, в них господствует одна мысль, которую ошибочно можно принять за добрую, – превосходство ума над физической силой. Но если заглянуть поглубже, то можно обнаружить, что под умом всегда понимается хитрость, коварство. Именно коварство, а вовсе не величие ума одерживает победу над тупой силой».

С одной стороны, это суждение слишком огульно, а с другой – не учитывает тот факт, что не следует искать нравственные идеалы в сказках, представляющих собой сферу приложения фантазии. Какие моральные принципы можно извлечь из «Джека, Победителя Великанов» или из «Том-Тит-Тот» и прочих наших популярных сказок, взятых в их первоизданном виде?

Но вернемся к нашей теме: Гиена, ассоциирующаяся с Зайцем, является практически полным аналогом Братца Лиса, обладая в то же время некоторыми чертами Братца Волка. Гиена столь же хитра, как и груба, она заводит дружбу с Зайцем и извлекает пользу из его добродушия, но, как только у него появляются подозрения, дружбе приходит конец. Шакал и Заяц снова и снова обводят Льва вокруг пальца. Слон тоже производит жалкое впечатление,

как и Гиппопотам, хотя одна история ронга, довольно любопытная, рисует его как доброжелательного и справедливого бога-отца – нечто вроде доктора Барнардо, который принимает потерянных или брошенных детей и в надлежащее время возвращает их безутешным родителям, если они существуют.

В следующих главах я попытаюсь сгруппировать основные сказки, относящиеся к Зайцу и Шакалу, Черепахе и Пауку.

Существует определенный тип сказок (те, по образу и подобию которых до некоторой степени написаны киплингские «Маленькие сказки»), претендующих на объяснение происхождения некоторых животных или их характерных черт. Так, мы узнаем, почему у Зайца короткий хвост и длинные уши (по одной из версий, его уши удлиннились из-за того, что многие люди гладили Зайца по голове, восхищаясь его сообразительностью); почему у Паука плоское тело и он живет в темных углах; почему у Попугая в хвосте ярко-красные перья и т. д. Вот почему у Зайца такой коротенький хвост: когда раздавали хвосты, шел дождь и Заяц сидел дома. Вместо себя он послал за хвостом кого-то другого. У Змеи нет ног, а у Многоножки нет глаз (в это верят суахили), потому что последняя, желая потанцевать на свадьбе и не имея ног, одолжила их у Змеи. Змея отдала ноги с условием, что в обмен получит на время глаза Многоножки. Но когда Многоножка вернулась с праздника, Змея отказалась вернуть ей глаза, поэтому та по сей день пользуется ногами Змеи. Это напоминает нам об обмене перьями между Курицей и Попугаем, о котором рассказывают бенга.

Истории подобного рода хотя и типичны, но немногочисленны, особенно в сравнении с обширным массивом сказок банту о животных. Судя по всему, африканцы приняли животных как нечто само собой разумеющееся, стремясь скорее поведать об их приключениях, нежели узнать, как они стали такими, какие есть.

Одна любопытная история яо связана с маленькой бурой птичкой, идентифицировать которую с научной точки зрения не представилось возможным. Коренное население называет птичку *Ке Мланда*, она известна своими привычками – птичка постоянно бегаёт вверх и вниз, все время без повода пищит и щебечет, словно стараясь всеми силами привлечь к себе внимание. Давным-давно, рассказывают яо, все птицы были белыми. Они сочли, что белый цвет – это слишком скучно, и обратились к Мулунгу с просьбой раскрасить их подобно цветам. Мулунгу услышал просьбу птиц и велел им прийти в назначенный день. И вот все птицы собрались перед Мулунгу, восседавшем на своем стуле, словно вождь яо, творящий суд. Перед ним стояли горшочки с красками. Птицы терпеливо ожидали своей очереди, а Мулунгу вызывал их по одной. Птица садилась к Мулунгу на колени, а он брал маленькую палочку для рисования, выбирал цвет, красил птицу и отпускал ее, подзывая следующую. Ке Мланда стояла почти в конце очереди, но ее нетерпение было слишком велико, она вела себя как избалованный ребенок, пританцовывая на месте и чирикавая: «Я следующая! Покрась меня следующей!» Сначала Мулунгу не обращал на нее внимания и занимался другими птицами – черным вьюрком с алыми крыльями, маленьким изумрудно-сапфировым зимородком, великолепным бананоедом, подарив ему голубой, зеленый и алый наряд, и другими. Но Ке Мланда все не унималась, требуя пропустить ее без очереди, и Мулунгу наконец уступил: «Хорошо, – сказал он, – подойди ко мне!» Маленькая птичка взобралась к нему на колени, преисполненная сознания собственной важности. Мулунгу окунул палочку в горшок с коричневой краской, поспешно окрасил птицу в этот унылый цвет и отпустил. Так она и прыгает по сей день в своем тоскливом наряде среди пестро окрашенных птиц, украшающих африканские просторы.

Эта глава была бы неполной без упоминания Богомола – важной фигуры в бушменском фольклоре. Действительно, Богомол для африканцев является чем-то вроде божества. Неизвестно, был ли Богомол когда-то тотемом, потому что мы вообще очень мало знаем о тотемизме бушменов³⁵. Мне не встречались мифы банту, касающиеся этого существа.

³⁵ У бушменов, несомненно, были тотемы. У каждого племени была своя «эмблема» (питон, антилопа канна, носорог, слон, страус и т. д.), тщательно нарисованная на видном месте в пещере вождя клана. Стоу не

Возможно, он является объектом суеверий, что неудивительно, учитывая его причудливый облик и повадки. Северные суахили называют его *Кукувазука*, «Птица духов», а тонга говорят, что в стародавние времена Богомола считали богом или, скорее, эмиссаром богов-предков. «Маленькие пастухи, встречая Богомола, вырывали волосок из шкуры своего пояса и предлагали его насекомому, говоря: «Возьми, Дедушка!» Прежде, «когда Богомол входил в хижину, никто не мешал ему, потому что думали, будто это бог пришел навестить своих потомков. Сейчас такого отношения к Богомолу почти не встретишь, а приношения ему теперь не более чем детская игра». Баронга считают, что духи предков иногда принимают облик этого насекомого.

Южноафриканские колонисты обычно называют Богомола «готтентотским богом» и уверяют, что готтентоты ему поклоняются. Хан подтверждает слова Петера Кольбена на этот счет, добавляя: «Готтентоты верят, что это насекомое приносит удачу, если оно заползает на человека, а тот его не убьет». Но это вряд ли похоже на поклонение, и, хотя Гунберг говорит, что «люди здесь верят, будто готтентоты часто молятся богомолам», утверждение это слишком расплывчато, чтобы его можно было принять без подтверждения, а Блик, как мы увидим, определенно оспаривает его.

Зулусы при помощи Богомола гадают – они беспокоят насекомое, когда оно сидит на стебле растения, а потом следят за поворотом его головы. Мальчишки-пастухи специально делают это, чтобы отыскать заблудившийся скот. Иногда Богомола называют именем, означающим «Разбей горшок», – это объясняется тем, что, если человек, неся горшок, заметит Богомола, то непременно споткнется и разобьет сосуд.

Какие бы идеи ни лежали в основе верований африканцев, бушмены определенно считают Богомола (Каггена) божественным или полубожественным существом. Богомол участвовал в сотворении мира. Луна – это его старый башмак, который он зашвырнул на небо. Он сотворил антилопу канну и оживляет ее каждый раз, когда та погибает. «Помимо его собственного имени (Кагген) у него есть несколько других, как и у его жены... Их приемная дочь Дикобраз (настоящим отцом которой было чудовище по имени Кваихемм, Всепожирающий...) вышла замуж за Кваммангу, и у них родился сын Ичнеумон, такой мудрый, что осмеливается давать советы своему деду Богомолу и бранить его за его проступки... Но, судя по всему, Богомол не является объектом поклонения и вряд ли африканцы обращают к нему свои молитвы».

Это утверждение противоречит рассказу Орпена, который цитирует трогательную молитву, обращенную к Богомолу и положенную на стихи Эндрю Лэнгом. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что племена, населяющие территории, столь отдаленные друг от друга, придерживаются различных верований. В любом случае характер Каггена «абстрактен и неопределим»: иногда он предстает милосердным творцом, иногда существом хитрым, как Хубеане, например когда он превращается в мертвую антилопу и пугает маленьких девочек, которые, обрадовавшись находке, принимаются резать тушу животного своими кремневыми ножами. Отрезанная голова антилопы, которую одна из девочек несет на спине домой, вдруг начинает жаловаться, что ей неудобно, а когда девочка, испугавшись, роняет голову на землю, та кричит: «О, о, моя голова! О гадкая девчонка, ты ушибла меня!» Затем все части тела воссоединяются, ожившая антилопа принимает облик человека и гонится за девочками до самой деревни. «Не трогали ли вы притворившегося мертвым Богомола?» – спрашивает их мудрый отец.

У Богомола трое детей, один из которых, Гауну-Цачау, был некогда убит павианами и впоследствии оживлен отцом – процесс этот очень длителен и примечателен тем, что глаза мертвого ребенка считаются чем-то вроде семян. Их помещают в воду, откуда потом вырастает все тело.

Наконец, Каггена и его зятя (куда менее приятную личность) видят на Радуге, при этом

упоминает среди тотемов богомола, но тот, возможно, был чем-то большим, чем просто клановый тотем. Изображения богомола также встречаются среди пещерных рисунков.

Кагген находится наверху, а Кваммангу внизу. Луна (к сотворению которой причастен Богомол) «может говорить, потому что принадлежит Богомолу, все вещи которого наделены даром речи».

Глава 11 Истории о зайце и шакале

Если в одной части Африки Заяц – любимый герой фольклора, то в другой считается животным, приносящим несчастье. Абиссинцы, как и галла, не едят заячье мясо, а заяц, пересекающий человеку дорогу, считается худшей из примет. В готтентотских мифах Заяц связан с Луной. Бушмены верят, что Заяц когда-то был человеком, а животным стал, когда Луна прокляла его за глупость. Бушмены употребляют в пищу заячье мясо, за исключением определенных частей тушки, которые, как они думают, остались от того времени, когда Заяц был человеком.

Популярность Зайца в фольклоре банту объясняется разными причинами. Африканцы считают, что привычка зайца шевелить губами, словно он постоянно что-то бормочет себе под нос, говорит о большой мудрости. Частично популярность можно отнести на счет симпатии, вызываемой той ловкостью, с которой это слабое существо ускользает от физически более сильных врагов.

К слову скажу, что исследователи уже отыскали африканские оригиналы многих сказок о Братце Кролике, рассказанных «дядюшкой Римусом». Эти сказки, попав на другой континент, были адаптированы к местным условиям. Место Гиены заняли Братец Лис и Братец Волк; на смену Слону пришел Братец Медведь; несколько раз в качестве самого себя появляется Лев, хотя и при существенно изменившихся обстоятельствах.

Некоторые из шуток и приключений, приписываемых Зайцу, встречаются в сказках, которые зулусы рассказывают о Хлаканыне. Это получеловек, который в некотором отношении напоминает нашего Мальчика-с-пальчика, его также можно рассматривать как некую разновидность эльфа или пикси, хотя родители его были людьми. В этом случае логично предположить, что тот вариант, где Хлаканына фигурирует как животное, является более древним. Все прочие вариации представляют собой эволюцию оригинала.

Неясно, можно ли рассматривать Хлаканыну в качестве «эволюционировавшего» Заяца или нет, но Зайцу часто приписывают эпизоды, в первоначальных вариантах которых действуют совсем другие герои. Это особенно заметно в Восточной Африке, где существует определенная путаница между Зайцем и Абу Нувасом, арабским трикстером и героем многих приключений. Так, когда персонаж Абу Нуваса был уже изрядно подзабыт, в суахили появилось существительное *бана-васи*, оно означает «человека, у которого всегда наготове остроумный ответ». Это слово, если верить «Словарю» Крапфа, стало ассоциироваться с Зайцем. По утверждению Жюно, в Лоренсу-Маркише некоторые из наиболее известных приключений Абу Нуваса приписывают Бонаваси. Жюно, полагающий, что у этих историй португальские корни, считает, что Бонаваси – это искаженное имя Бонифацио.

В Южной Африке вследствие контакта различных племен тоже возникла определенная путаница. Басуто приписывают одно из самых известных приключений Зайца Шакалу – «возможно, вследствие прямого или косвенного влияния готтентотов». В одной из историй Заяц выступает в роли жертвы Шакала, такое развитие событий больше характерно для хамитских сказок. «Зайца нельзя назвать умным, – убежден Абареа, принадлежащий к племени галла, – весь его ум в том, чтобы поскорее унести ноги!» Когда же я спросила (как я уже упоминала выше), почему в таком случае о Зайце сложено так много сказок – взять хотя бы историю о том, как он убил Льва, хитростью заставив того проглотить раскаленный камень, – Абареа ответил, что сказка эта сложена вовсе не о Зайце, а о Шакале.

И наоборот, историю о Шакале, которую поведал мне Абареа, масаи, по крайней мере некоторые из них, приписывают Зайцу.

Басуто называют Зайца *мутла* или, обычно в сказках, ласковым уменьшительным

мутланьяна. Иногда в историях фигурирует животное, называемое *хололо*. По версии Жакотте, это кролик, а Браун описывает его как «небольшое рыжеватое животное, очень похожее на зайца», но явно отличное как от пищухи, так и от долгонога. Этот факт примечателен тем, что отражает попытку достижения некоего компромисса. Банту не могут представить себе своего любимого героя, Зайца, простофилей, а потому на роль простака выбирают его менее значимого собрата.

Сказка «Умный и глупый зайцы», сохранившаяся в «Путешествии» Кэмпбелла, возможно, свидетельствует о том же. Она рассказывает о двух зайцах, живущих в вырытых ими норах. Мудрый заяц сделал несколько выходов из своей норы, а зайчиха, которая была не столь умна, «прорыла только один прямой коридор». Однажды какой-то злодей «разжег костер у входа в нору», и глупая зайчиха начала задыхаться. Когда она «почувала дым и в норе стало жарко, она громко крикнула: «Братец, братец! Приди и помоги мне, я задыхаюсь!» – но ее собрат не обратил на крики зайчихи никакого внимания. Он лишь рассмеялся и в шутку предложил простофиле встать на голову, обещая, что ей немедленно станет легче. Доверчивая зайчиха попыталась встать на голову, но не выдержала усилий и умерла. Через некоторое время заяц вошел в ее нору, потянул зайчиху за ухо и сказал: «Вставай, сестра, или я съем тебя!» – но обнаружил, что она мертва. После этого заяц начал твердить всем о своей мудрости. Тогда с неба спустилось некое существо и отняло у хвастливого зайца рожки, которые украшали его лоб».

Впоследствии рожки были ему возвращены. Автор добавляет: «В Африке встречается животное, напоминающее зайца, у которого есть рожки длиной около 10 сантиметров. Череп этого животного с рожками находится в Миссионерском музее».

Здесь, скорее всего, имеется в виду карликовая антилопа (*Neotragus*), в Африке она пользуется той же репутацией, что и Хитрый Кролик. Иногда эту антилопу путают с зайцем: у одних племен *Калулу* – это имя зайца, другие так называют антилопу.

Примечательно также, что после утраты рожек Зайца преследуют некие загадочные безымянные существа, стремящиеся убить его. Эта история очень напоминает приключения Хубеане и Каликаланье. Можно предположить, что эти герои, как *Иоскеха* у американских алгонкинов, некогда отождествлялись с Зайцем. Возможно, то же самое можно сказать о Хлаканыяне, хотя, судя по описанию, существо это, скорее, напоминает ласку. Хлаканыяна, между прочим, убивает Зайца и делает из его костей свисток. Точно так же Заяц поступал в отношении других животных.

В другой сказке, приведенной Кэмпбеллом, Заяц фигурирует как «заклинатель дождя» – это может указывать на связь сказки с древней мифологической концепцией, о которой говорилось выше.

Никто из исследователей африканского фольклора пока не пытался соединить все мифы о Зайце в единое целое, как это было сделано неизвестным средневековым поэтом (или поэтами) в отношении Лиса Рейнарда. Жюно отмечает, что две истории, которым он дал одинаковое название «Сказка о Зайце», отличаются от остальных логичным развитием сюжета.

Первая сказка начинается с шутки, которую Заяц сыграл с Газелью. Обманом он заставил Газель влезть в большой горшок и сварил ее там, подобно тому как Хлаканыяна сварил мать Людоода. Затем Заяц делает из рогов Газели музыкальный инструмент и играет на нем, пугая окрестных животных. Гиппопотам прячется в зарослях, поджидая Зайца, и хватает его, но потом отпускает, поскольку Заяц обещает научить его играть на рогах. Гиппопотам безуспешно пытается овладеть музыкальным инструментом, а коварный Заяц убеждает его сперва отрезать одну губу, затем другую под тем предлогом, что слишком толстые губы Гиппопотама мешают ему дуть в рога. Из мести Гиппопотам глотает рога, и Заяц пытается убить его, но замысел его расстраивает Голубь, предупреждающий жертву о грозящей опасности. Наконец Заяц убивает Голубя, а потом и Гиппопотама, разрезает ему брюхо и достает свой инструмент. Пока Заяц отмывает его в реке, Циветта крадет мясо, которое Заяц оставил без присмотра. Заяц обнаруживает Циветту на дереве, где она

спряталась, убивает ее и продает шкуру, существуя некоторое время на вырученные от ее продажи средства. Когда они подходят к концу, Заяц начинает грабить поля людей, отпугивая владельцев криками о набегах врага. Некоторое время этот трюк работает, потом жители деревни ловят Зайца, установив на поле чучело женщины, обмазанное липкой субстанцией – фактически как в сказке «Смоляное чучелко». Люди решают убить Зайца, но вместо него случайно убивают своего вождя, а Заяц благополучно ускользает.

Следующая история начинается с эпизода, который получил широкое распространение и встречается даже в европейском фольклоре. Заяц, напуганный (или притворяющийся напуганным) внезапным шумом, бежит прочь, вселяя тревогу во всех, кто встречается на его пути, наконец с места снимаются все обитатели леса. Связь между этим и следующим эпизодами неясна: животные подбегают к дереву, покрытому спелыми сладкими плодами, и принимают поедать их, оставив, по предложению Зайца, одну ветвь для вождя. Ночью Заяц сам крадет эти фрукты и сваливает вину на Слона – практически как Братец Кролик, обвинивший невинного Братца Опоссума в краже масла. В результате Слона казнят. Но болтливый Заяц, не в силах удержаться, хвастается своей смекалкой. Животные пытаются поймать Зайца, тот скрывается в норе, потом животным все же удается изловить его, но Заяц вновь ускользает при помощи очередной хитрости. Животные оставляют его в покое. Наконец изрядно оголодавший Заяц выбирается из норы и принимается плести корзины. Затем, изменив внешность, отправляется в деревню Слона продавать свои корзины. Зайца разоблачают, он убегает, бреет голову и вновь возвращается в деревню. Здесь он заводит разговор с вождем деревни и, убедив его отправиться в баню, ошпаривает вождя кипятком. Из черепа вождя Заяц делает барабан и принимается бить в него, сзывая жителей деревни. В течение некоторого времени он играет с ними в прятки, а затем убегает.

Кроме этой истории, существует бесчисленное множество других эпизодов, которые рассказчик может комбинировать по собственному желанию. Есть и многовариантные дополнительные эпизоды, представляющие собой альтернативные варианты развития событий. Прежде чем перейти к кульминации истории, изложу некоторые из этих эпизодов.

Во время засухи животные, созданные вождем (иногда в этой роли выступает Лев), решили вырыть колодец. Заяц, однако, отказался внести свой вклад в общее дело, и, как следствие, когда колодец был закончен, Зайцу не позволили набирать из него воду. Все животные решили по очереди сторожить колодец. Первой на пост заступила Гиена и через три часа услышала голос Зайца, который шел, неся два калемаса, один пустой, другой – до краев наполненный медом, и громко пел: «Мне не нужна вода, мне не нужна вода из этого колодца. У меня есть собственная сладкая вода!» Возбудив любопытство Гиены, Заяц дал ей отведать меда, но, когда Гиена попросила еще, Заяц согласился только при условии, что она даст привязать себя к дереву – ведь напиток такой крепкий, что после него никак не устоять на ногах. Гиена согласилась, и Заяц крепко привязал ее. Затем вместо того, чтобы дать Гиене меда, он рассмеялся ей в лицо, набрал в колодце воды и отправился своей дорогой. Утром к колодцу пришли другие животные и увидели привязанную к дереву Гиену. Пытаясь спасти свою репутацию, она заявила, что на нее напали враги, но ей никто не поверил. Затем колодец сторожил Лев, но Заяц и его обвел вокруг пальца, а потом в насмешку еще и искупался в колодце. Другие животные тоже попытались счастья (в одном варианте сказки упоминаются Слон и Буйвол), но результат был тот же. Наконец сторожить колодец вызвалась Черепаха. Она нырнула в колодец и притаилась там. Не увидев возле колодца сторожа, Заяц решил, что животные сдались, и залез в колодец, поставив лапу на камень, которым в действительности оказалась Черепаха. Она схватила Зайца за лапы и крепко держала его, пока к колодцу не подоспели остальные животные. Они привели Зайца к вождю и принялись решать, как его лучше убить. Тут голос подал сам Заяц и – почти как Братец Кролик – предложил животным завернуть его в банановые листья и оставить на солнце. Так и было сделано. Заяц лежал не шевелясь, пока солнце не стало совсем припекать. Банановые листья высохли и затрещали. Некоторые животные услышали треск и сказали вождю: «Заяц выберется на свободу!» Заяц услышал эти слова и, чтобы ввести всех в заблуждение,

застонал: «Оставьте меня... я умираю!» Через некоторое время он почувствовал, что листья достаточно высохли, потянулся, разорвал веревки и ускакал так резво, что никто не успел схватить его. В некоторых вариантах сказка на этом заканчивается, в других Заяц, преследуемый животными, ныряет в дыру в муравейнике. Слон просовывает туда свой хобот и хватает беглеца, но отпускает его, когда Заяц сообщает Слону, что он схватил корень. Животные оставляют Ворона сторожить нору, а сами отправляются за огнем.

Как только они уходят, Заяц обращается к Ворону. «Не хочешь ли муравьев?» – спрашивает он. «О да!» – отвечает Ворон. «Тогда открой глаза так широко, как только можешь, чтобы увидеть их!» Затем Заяц, зачерпнув земли, швыряет ее в глаза Ворона и благополучно выбирается из норы.

Через некоторое время он свел дружбу с Гиеной, и они решили вместе отправиться в путешествие. По дороге они остановились, чтобы поставить в зарослях ловушку, и поймали в нее цесарку. Заяц велел Гиене зажарить птицу, а сам улегся спать. Гиена, не в силах сопротивляться аппетитным ароматам, съела птицу сразу, как только та поджарилась. Потом она бросила кости и перья в огонь и легла, притворившись спящей. Заяц проснулся, почувствовав запах горелого, и спросил Гиену, что случилось с цесаркой. Гиена с сокрушенным видом призналась, что нечаянно заснула и птица сгорела. Заяц не поверил Гиене, но счел за лучшее промолчать.

Через некоторое время Заяц предложил зайти в деревню, где жили его родители, и Гиена согласилась. На самом же деле Заяц повел Гиену в чужую деревню и, оставив своего товарища в банановом саду у деревни, сказал, что Гиена может набрать столько бананов, сколько пожелает, а Заяц пока пойдет к родителям и предупредит их о визите. Придя в деревню, он собрал жителей и сообщил им, что в банановом саду орудует вор, а сам скрылся. Жители деревни бросились в сад, поймали Гиену, связали ее и хорошенько поколотили. Стоило им уйти, как в саду появился коварный Заяц, он притворился удивленным и, развязывая Гиену, всячески выражал ей свое сочувствие.

Затем товарищи отправились в путь и вскоре пришли в деревню, где в самом разгаре были танцы. Гиена отправилась к реке, выкупалась и нацепила на себя украшения – несколько перьев цесарки. Потом она отправилась танцевать и, кружась в танце, напевала загадочную песенку:

Смотри-ка, целая цесарка сгорела в огне, ти! ти! ти!

Заяц, догадавшись о смысле этих слов, взял барабан и принялся бить в него, напевая:

Это я, это я сделал так, чтобы ее связали и поколотили,
пу! пу! пу!

Между Заяцем и Гиеной разгорелась ссора, но, когда настало голодное время, они помирились и заключили сделку, решив убить и съесть своих матерей. Гиена выполнила свою часть договора, и оба всласть попиروвали, наевшись мяса. Заяц же спрятал свою мать и, когда пришло время убить ее, заявил, что мать разорвал лев. Сначала Гиена поверила Заяцу, но потом заметила, что он отлучается куда-то каждый день, последовала за Заяцем, обнаружила его мать в пещере, хитростью проникла туда, убила и съела ее.

Заяц ничего не сказал Гиене, «ушел в лес и долго горевал там наедине», лелея мысли о мести. Вскоре он появился у жилища Гиены «ослепительно-красивый – прямо как акамба», то есть украшенный блестящими медными цепочками, ножными и ручными браслетами, которые носят акамба. Гиену переполняли восхищение и зависть. «Знаешь, откуда я взял все эти украшения? – спросил Заяц. – Я раскалил гвоздь и забил его себе в голову». Гиена не стала вдаваться в подробности, ее даже не удивило отсутствие логики в словах Заяца. Она выразила желание получить украшения, Заяц накалил на огне гвоздь и оплатил Гиене за все, убив ее.

В другой истории Заяц подружился со Львом, как раз когда тот сильно ослабел – его преследовали постоянные неудачи на охоте. Заяц предложил Льву обеспечить его мясом и помог построить большой дом с верандой. Внутри дома он вырыл яму, велел Льву лечь в нее и засыпал его песком так, что виден был только один зуб. Потом Заяц принялся бить в барабан и сзывать животных на танцы. Колотя в барабан, Заяц громко пел:

Все вы, слоны, все вы, кабаны,
Идите танцевать в дом!
Все вы, буйволы, отправляйтесь танцевать в дом!
Все вы, гиппопотамы, отправляйтесь танцевать в дом!

Животные вошли в дом и встревожились, увидев торчащий из земли львиный зуб.

Это всего лишь зуб мертвого верблюда!
Зуб, зуб, зуб, зуб верблюда!
Я и Циветта будем танцевать снаружи!
Зуб, зуб, зуб, зуб верблюда!

Животные подхватили припев и закричали хором:

Зуб, зуб, зуб, зуб верблюда!

Пока животные веселились, Заяц и Циветта заперли дверь дома снаружи и убежали. Когда пение животных стало совсем громким, Лев неожиданно выпрыгнул из ямы и принялся наносить удары направо и налево. Никто из животных не спасся. Через некоторое время Заяц вернулся и отпер дверь. Однако Лев оказался существом неблагодарным и все мясо съедал сам, очень скоро Заяцу надоело обеспечивать его едой. И вот однажды он раскалил на огне камень, завернул его в жир, срезанный с туши только что убитого животного, и велел Льву, охочему до лакомых блюд, открыть пасть. Лев проглотил камень и умер.

Похожую историю готтентоты рассказывают о Шакале, а у басуто в главной роли выступает Заяц. В одной из сказок басуто Заяц просит Льва помочь покрыть крышу хижины тростником. Затем Заяц привязывает Льва за хвост к крыше и оставляет его умирать на солнце.

В некоторых версиях сказки, убив Льва, Заяц снимает с него шкуру, чтобы подшутить над Гиеной.

А теперь перейдем к сказке с печальным концом, в которой – по словам рассказчика из племени гирияма – «умный Заяц (*Кацунгула*) встретил наконец достойного соперника».

Петух и Заяц были очень дружны и часто ходили друг к другу в гости. Через некоторое время Заяц, желая в целях безопасности скрыть от врагов местопребывание, построил себе множество хижин и не сказал другу, в какой из них его можно найти. В результате, когда в один прекрасный день Петух решил навестить Заяца, ему пришлось изрядно побегать, чтобы отыскать друга. Петух затаил обиду, но неудовольствия своего не выдал, а напротив, принялся хвалить смекалку Заяца. Друзья принялись «беседовать и лакомиться вкусной едой», а на закате Петух засобиравшись домой, уговорившись с Заяцем, что тот нанесет ответный визит «послезавтра, когда скот отправится на пастбище».

Петух отправился домой, лелея свою обиду, и, когда настал назначенный день, он сказал своим женам: «Мой друг выстроил столько домов, что мне пришлось побегать, пока я не отыскал его, поэтому сегодня я решил подшутить над ним, чтобы ему было не повадно». Петух сказал женам, что нужно делать, а слугам велел сообщить, когда Заяц покажется на дороге. Как только стало известно, что Заяц приближается к хижине, Петух спрятал голову под крыло. Когда гость явился, женщины сообщили ему, что Петух отправился на пастбище

с пастухами и вернется только к вечеру. Заяц выразил удивление столь негостеприимным поведением, но женщины объяснили ему, что в действительности Петух, если можно так выразиться, ушел не весь – он отослал с пастухами свою голову. В доказательство Зайцу продемонстрировали «безголового» Петуха. Пораженный увиденным, Заяц вынужден был дожидаться вечера. Наконец, когда дети Петуха, пасшие скот, вернулись домой, мать сказала им: «Разбудите отца». Дети коснулись Петуха, и «тот проснулся, воскликнув: «Ах, ты уже здесь, друг мой?» Обиженный Заяц ответил, что терпеливо дожидается его с самого утра. Петух извинился, друзья вместе пообедали, и наконец Заяц, уже собиравшийся уходить, не выдержал и спросил Петуха, при помощи какой хитрости тот сумел отправить свою голову на пастбище. Петух ответил, что хитрости никакой нет: «Если хочешь сделать это, попроси пастухов отрезать тебе голову и взять ее с собой на пастбище, а когда они вернуться, пусть слегка ударят тебя, и ты проснешься». Взволнованный Заяц поспешил домой, рассказал о чуде своей жене, а на следующее утро велел детям, отправляющимся пасти скот, отрезать ему голову и взять ее с собой. Сначала дети не послушались отца, но Заяц настаивал, и они, зная о его недюжинном уме, уступили. Когда настало время выгонять скот, дети отрезали Зайцу голову, прокололи уши и продели в них веревку, чтобы удобнее было нести голову. Женщины подняли тело Зайца и положили на постель. В этот момент к дому Зайца подошел Петух, он хотел лично убедиться, что его хитрость принесла плоды. Увидев тело друга, он про себя посмеялся его легковерию, а вслух сказал, что непременно дождется возвращения пастухов.

«Вернувшись, сыновья спросили: «Где наш отец?» – а мать ответила: «Вот же он, лежит на своей постели». Дети подошли к отцу, ударили его, но он не встал с постели, тогда они снова ударили его – и отец опять не проснулся! Дети стали рыдать, им принялись вторить жены Зайца. Весь дом погрузился в скорбь. Люди, услышав про смерть Зайца, очень удивились: «Как же так? Он был так умен, а погиб по глупости! Кому же достанется имущество Зайца? Пусть его друг получит все, он ведь такой умный!» И Петух получил все имущество, оставшееся от его доверчивого друга».

Удивительно, конечно, что проницательный и сообразительный Заяц так легко попался на удочку. Вероятно, причиной тому временное помрачение, способное разрушить планы даже самого могучего интеллекта.

Как уже упоминалось, у готтентотов в истории о Льве и раскаленном камне фигурирует Шакал. Басуто, очевидно, заимствовали эту сказку, потому что в остальных случаях в роли главного героя у них по-прежнему выступает Заяц. Еще одну хорошо известную историю о Шакале мне рассказал представитель племени галла. В этой истории, по его словам, Лев предстает в более выгодном свете, чем в истории о Зайце, и потому поведение Шакала выглядит непростительным.

Шакал сидел в зарослях и плакал. Проходящий мимо Лев спросил, что случилось. «Мой отец и моя мать умерли, я остался совсем один, и некому позаботиться обо мне». – «Не плачь, я позабочусь о тебе», – сказал Лев и привел Шакала в свою деревню, где поручил ему пасти скот. Однажды Лев забил молодого бычка и сказал, что отправится проведать стадо, а Шакалу велел остаться дома и зажарить мясо. Шакал сделал, как было велено, а потом положил в огонь камень. Раскаленный докрасна камень Шакал спрятал в кусок мяса. Когда проголодавшийся Лев вернулся домой, Шакал велел ему открыть пасть так широко, как только возможно, и бросил камень прямо в глотку Льва.

Далее рассказчик красочно описывает, как раскаленный камень путешествовал по телу Льва, потом, наконец, «прожег кишки» и несчастный Лев скончался.

Вскоре после этого Гиена, привлеченная ароматом жареного мяса, пришла к дому Льва и попросила кусок мяса. Шакал отдал ей кости, велел не шуметь, поскольку Лев утомился и спит. Потом он уселся между Гиеной и мертвым Львом и – словно от нечего делать – попросил разрешения у Гиены поиграть с ее хвостом. Гиена, поглощенная костями, не возражала и даже не заметила, как Шакал привязал ее хвост к хвосту Льва. Вдруг Шакал закричал: «Посмотри! Лев проснулся!» Гиена бросилась вон, волоча за собой мертвого Льва,

с трудом добежала до своей норы и нырнула туда. Туша Льва, естественно, застряла, загородив вход в нору. Гиене долго пришлось отсиживаться в норе, пока с течением времени правда не выплыла наружу. Тем временем Шакал, покончив с мясом, отправился на поиски легкой добычи, желая проделать свой трюк вторично. Он опять уселся в зарослях и принялся рыдать, поджидая доверчивого и добросердечного путника. На этот раз им оказался Слон, нагруженный медом. Он не только сочувственно выслушал историю Шакала, но и позволил ему забраться к себе на спину. Наслаждаясь поездкой, Шакал поедал мед из бурдюка, который Слон нес на спине. Несколько капель меда упали на шкуру Слона, и он осведомился, не пошел ли дождь, но Шакал ответил, что эти капли – его слезы, которые он не может сдержать всякий раз, когда вспоминает о своей матери. Покончив с медом, Шакал рассказал Слону, что когда отец брал его с собой на прогулку, то не только сажал Шакала к себе на спину, но всегда старался подходить как можно ближе к плодоносящим деревьям, чтобы Шакал мог собирать фрукты, не слезая с отцовской спины. Добродушный Слон, увидев дерево с согнувшимися под тяжестью спелых плодов ветвями, подошел ближе, Шакал прыгнул на ветку и был таков. Сомнительно, конечно, чтобы шакалы могли лазить по деревьям, но оставим этот спорный момент на совести рассказчика. «Когда Слон пришел домой, его жена заглянула в бурдюк и увидела, что он пуст». Что было дальше, пусть вам подскажет воображение.

Как уже отмечалось, Шакал – любимый герой готтентотских сказок. Изучив истории, в которых фигурирует Шакал, Шульце составил его портрет: «Хитрость Шакала становится более очевидной, когда она сочетается с его храбростью или когда Шакал берет верх над трусливым соперником, как в случае с Леопардом или безобидным Павианом. Когда соперники не уступают друг другу в глупости и жадности – как в истории о Шакале и Буре, – хитрому плуту удается ускользнуть в последний момент. Когда оппоненты проявляют чрезмерную снисходительность (как миссионер из современной сказки, который поручает Шакалу заботиться о своей ферме и в результате становится жертвой обмана), самые серьезные проступки Шакала остаются безнаказанными. Впрочем, иногда мошенник все же получает взбучку... например, когда он выказывает непростительную дерзость в отношении семьи Фламинго. Преследуемый более сильными физически врагами, Шакал одолевает их при помощи своей смекалки и пользуется безграничной симпатией готтентотов, даже когда замышляет деяния, от которых впоследствии сам и страдает. Но более всего готтентоты любят сказки, в которых Шакал выступает в роли защитника слабых».

У готтентотов есть примечательная история, в которой Шакал воспытал любовью к Солнцу (которое в данном случае женского рода). Шакал пытается взвалить Солнце себе на спину, но лишь обжигает мех, который и по сей день остается темным (в сказке речь идет о южноафриканской разновидности шакала, известной как черноспинный шакал). В других вариантах Солнце – это младенец, которого Шакал подбирает на дороге, сажает на спину и приносит домой. «Солнце обжигало Шакалу спину, и тогда он велел ему слезть, но Солнце крепко сидело на его спине».

Вспомним интересный эпизод из «Сказок дядюшки Римуса», когда Братец Кролик представляет Братца Лиса как «свою скаковую лошадь». Подобный эпизод встречается и в историях о Шакале. В роли жертвы выступает Гиена. Оба приглашены на свадьбу, но Шакал притворяется, что слишком слаб и не в силах передвигаться на своих ногах. Обманутая Гиена не только сажает Шакала себе на спину, но и позволяет ему нацепить на себя седло, уздечку и шпоры, поскольку Шакал уверяет, будто без них он ни за что не удержится на спине Гиены.

В заключение хотелось бы упомянуть некоторые эпизоды из индийских историй о Махдео и Шакале. Шакал забирается на спину Слону; Махдео прячется под водой и хватается Шакала за лапу, а тот уверяет, что Махдео схватил корень. Затем Махдео ловит Шакала при помощи Смоляного чучелка, но Шакалу удается сбежать, обманом убедив другого шакала занять его место. Махдео так поражен хитростью и смекалкой Шакала, что в конце концов доверяет ему сторожить свое имущество.

Тут вряд ли можно говорить о том, что все истории о Зайце и Шакале пришли в Индию из Африки. Мне представляется, что они появились независимо друг от друга.

Глава 12

Истории о черепахе

В историях, рассказываемых о Зайце, этот популярный герой фольклора обычно выходит победителем. Исключение составляет приведенный выше рассказ о Зайце и Петухе. Кроме того, в некоторых случаях перехитрить Зайца удается Черепахе, как, например, в истории о животных и их колодце. Ниже приведены африканские варианты двух наиболее известных подвигов Братца Черепахи.

Нетрудно понять, почему Черепаха завоевала ту репутацию, которой пользуется не только в африканском фольклоре, но и в фольклоре других континентов. Ее способность долгое время обходиться без пищи, неуязвимость для врагов, скорость, с которой она прячется, в совокупности с медленными движениями и необычным обликом, – все вместе позволяет предположить, что Черепаха наделена наблюдательностью, терпением, выносливостью и мудростью, своеобразным чувством юмора, а также некими магическими или сверхъестественными способностями. В некоторых случаях интеллект Черепахи поставлен на службу злу, в других Черепаха выступает благодетелем и защитником слабых.

Следует отметить, что Черепаха появляется во всех трех разделах африканского фольклора – вместе с Зайцем (или иногда занимающей его место Антилопой), Шакалом и Пауком. В историях фигурирует и сухопутная черепаха, и морская или одна из разновидностей пресноводных черепах – выбор конкретного вида, несомненно, зависит от местности.

Баронга в своем фольклоре не уделяют Черепахе особого внимания. Ее место занимает странное маленькое земноводное, называемое ими *чинана*, а зоологами – *Breviceps mossambicensis* (восточноафриканский узкорот).

В Сьерра-Леоне Черепаха превращает Леопарда в верховую лошадь, а в Вест-Индии в этом эпизоде фигурирует Ананси. Черепаха, пустив в ход всю свою хитрость, обманом заставляет Леопарда усадить ее к себе на спину, более того, одураченный Леопард даже настаивает на этом. Обнаружив, что его провели, Леопард решает отомстить Черепахе, привязывает ее к «большому дереву» и колотит так, что у Черепахи и по сей день на панцире можно увидеть отметины. Впрочем, подобный эпизод в историях встречается редко. Как правило, необычный вид черепаший панцирь объясняют тем, что однажды он разбился на куски, а потом был склеен.

Известная история, напоминающая басню Эзопа о состязании Черепахи и Зайца, появилась сравнительно недавно. Эта нехитрая сказка получила широкое распространение на африканском континенте, и ученые даже предположили, что ее вариации появились одновременно и независимо друг от друга у разных племен. История одновременно и поучительна, и удивительна. Акамба рассказывают, что между Черепахой (*Нгу*) и Орланом (*Haliaeetus vocifer*), которого акамба называют *Кипалала*, а суахили – *Фурукомбе* или *Чаликоко*, состоялось состязание. Оба решили жениться на одной девушке из племени акамба (камба), но ее отец сказал, что отдаст дочь в жены только тому, кто «отправится днем к побережью, а вечером вернется, принеся пригоршню морской соли».

Орлан сразу согласился участвовать в состязании, а Черепаха попросила отложить его на десять месяцев. «На следующий день, втайне от Орлана, Черепаха отправилась к побережью за солью. Весь путь туда занял у нее пять месяцев, столько же отняла обратная дорога.

Соль Черепаха спрятала в своей хижине. По пути к побережью она договорилась со всеми встреченными черепахами о том, что, если Орлан, пролетая, спросит: «Черепаха, ты здесь?» – то они крикнут в ответ: «Да, да, я здесь!» В назначенный день Орлан поднялся в воздух и полетел к морю. Время от времени он спрашивал: «*Нгу ико?*» – и везде получал

заготовленный ответ. Орлан был очень удивлен, увидев, что Черепаха не уступает ему в скорости передвижения, и еще больше поразился, прилетев на берег моря и увидев там Черепаху, собирающую соль. Орлан быстро набрал соли и полетел обратно, не подозревая, что Черепаха, которую он оставил на берегу, вовсе не была его соперником. Орлан торжествовал, он был уверен в победе. В четыре часа пополудни настоящая Черепаха увидела в небе точку – это приближался Орлан. Она вышла из укрытия, где пряталась весь день, отправилась в деревню и объявила там о своем возвращении с побережья и протянула отцу девушки мешочек с солью».

Орлан же, прилетев в деревню и обнаружив, что его обвели вокруг пальца, «очень рассердился и в гневе улетел прочь». Отец девушки, Мукамба, сказал Черепахе: «Это правда, ты выиграла, но, если я отдам тебе свою дочь в жены, найдете ли вы безопасное жилище? Орлан так рассержен, что наверняка найдет и убьет тебя». – «О! Все в порядке, не тревожься о моей безопасности, – ответила Черепаха, – с этого дня я буду жить в воде, и Орлану никогда не найти меня».

Неизвестно, какие именно виды черепах водились на территории племени, но слова Черепахи позволяют предположить, что по крайней мере один из этих видов был пресноводным.

Кронляйн записал готтентотскую историю о черепахах, в основе которой – тот же сюжет, что и в сказке, рассказанной выше, но мотив соревнования отсутствует.

«Говорят, однажды черепахи собрались на совет, чтобы решить, как лучше охотиться на страусов. Наконец они решили: «Давайте выстроимся в ряд, а кто-нибудь погонит страусов в нашу сторону». И вот черепахи выстроились цепочкой, и, пока страусы бежали мимо них, они постоянно кричали друг другу: «Ты здесь?» – «Я здесь!» Испуганные страусы, думая, что черепахи преследуют их по пятам, бежали все быстрее и быстрее, пока, совершенно обессилив, не упали замертво. Черепахи пришли туда, где лежали страусы, и съели их».

Другая история о Черепахе, пересказанная Бlichem (оригинальный вариант принадлежит гереро), повествует о том, как Слон, отправившись на охоту, оставил Черепаху приглядывать за озером. До этого Слон повздорил с Дождем, который, рассердившись, ушел с земли Слона. Сначала Слон попросил Стервятника выступить в роли «вызывателя Дождя», но тот отказался. Тогда Слон обратился к Ворону. Тот произнес необходимые заклинания, и Дождь наполнил «озера, которые почти все, за исключением одного, вскоре высохли». В отсутствие Слона Жираф, Зебра и Сернобык, а также некоторые другие животные пришли к озеру и потребовали воды, но Черепаха всем отказала. «Вода принадлежит Слону», – сказала она. Последним пришел Лев, который, не тратя лишних слов, схватил Черепаху, хорошенько поколотил ее, а потом вдоволь напился воды. «С тех пор животные пьют воду», – поясняет рассказчик, словно они никогда не делали этого прежде. «Вернувшись с охоты, Слон спросил: «Маленькая Черепаха, где же вода?» – «Животные выпили воду», – ответила Черепаха. Затем Слон поинтересовался: «Маленькая Черепаха, мне прожевать тебя или проглотить?» – «Проглоти меня», – ответила Черепаха, и Слон тут же сделал это. Попав внутрь Слона, Черепаха разорвала его печень, сердце и почки. «Маленькая Черепаха, ты убиваешь меня!» – закричал Слон и умер, а Черепаха выбралась из его утробы и отправилась восвояси».

Я процитировала последнюю часть истории полностью, поскольку она, возможно, имеет отношение к одному любопытному, но загадочному эпизоду в истории суахили, рассказывающей о животных, которым пришлось «петь», чтобы получить воду. Никому из животных не удалось добыть воду. Потом «появилась Черепаха. Увидев Черепаху, Слон тут же проглотил ее, но Черепаха благополучно вышла через хобот, и его (Слона) товарищи сказали: «Отпусти ее, может быть, ей удастся достать воду». Черепаха пошла, спела свою песню и получила много воды».

Еще один примечательный момент – это поедание Слона изнутри, с таким эпизодом мы уже сталкивались прежде. В сказке мандинго Гиена проникла в тело Слона и питалась им,

стараясь не трогать сердце. Заяц, выведав секрет у «Дядюшки Гиены», отправляется вместе с Гиеной и, не обращая внимания на ее просьбы, сразу хватается за сердце Слона и убивает животное. Когда слуги вождя пришли, чтобы разделать тушу, Заяц спрятался в желчном пузыре, который слуги выбросили в заросли, и таким образом спасся, а Гиена погибла.

Черепаша мпонгве и Леопард действуют похожим образом в отношении Великана Козла, который, впрочем, достаточно добродушен, чтобы попустительствовать такому паразитизму до тех пор, пока соблюдаются установленные правила. Похожий инцидент встречается в историях об Ананси. Возможно, в основе подобных историй лежит представление, характерное еще для первобытных людей, полагавших, что причиной необъяснимых внутренних болей являются проникшие в организм животные.

Широкое распространение в Африке получила история о «перетягивании каната». Обычно участие в состязании принимают Слон и Гиппопотам. В американской версии сказки, напомним, Братец Черепаша ныряет в озеро и привязывает один конец веревки к коряге, а другой конец вручает Братцу Медведю. Возможно, это связано с тем, что в Новом Свете трудно найти животное, равное медведю по силе.

История, рассказываемая племенем мпонгве (Габун), звучит так:

Черепаша, несколько раз одержавшая верх над Леопардом и наконец убившая его, возомнила себя равной Слону и Гиппопотаму и во всеуслышание заявила: «Мы трое равны силой, мы должны есть за одним столом и обладать равной властью». Услышав Черепашьи речи, люди рассказали о них Слону и Гиппопотаму, но те в ответ лишь рассмеялись.

Однажды Слон и Гиппопотам встретились в лесу, и Гиппопотам спросил Слона, слышал ли тот о словах Черепаша. «Да, – ответил Слон, – я слышал, но отношусь к ним с презрением, ибо я Ньягу. Я велик. Да одна моя ступня больше Черепаша, как же Черепаша смеет утверждать, что равна мне! Пусть лучше не попадается мне на глаза, потому что, если я сам услышу ее лживые речи, Черепаше не поздоровится».

Услышав об этих угрозах, Черепаша отправилась на поиски Слона и, найдя его, поприветствовала, фамильярно назвав Слона «Мвера» (примерный эквивалент – обращение «Пряатель!»). Возмущенный Слон спросил: «Кого ты назвала «Мвера»?» – и услышал высокомерный ответ: «Тебя». Черепаша снова принялась уверять Слона, что равна ему по силе, и в доказательство предложила устроить состязание по перетягиванию веревки. Слон неохотно согласился. Решено было, «что тот, кто перетянет веревку, будет признан самым сильным, если же соперники окажутся равными по силе, они станут друзьями».

Черепаша отправилась в лес и срезала там длинную лиану – такую, которая в Западной Африке называется «веревкой из буша». Один конец она протянула Слону и велела тянуть за веревку, когда на следующий день Черепаша подаст сигнал. Затем Черепаша отправилась к Гиппопотаму, точно так же вызвала его на состязание и, получив согласие, вручила Гиппопотаму другой конец веревки. «Завтра, – сказала Черепаша, – почувствуешь слабое подергивание, это означает, что я готова, тогда начинай тянуть за веревку. Мы не будем прерываться ни на еду, ни на сон до тех пор, пока состязание не завершится».

В тот же день соперники, хотя и были уверены в себе, все же отправились в лес «на поиски целебных листьев, придававших силу». На следующее утро Черепаша подала знак, потянув сначала одну половину веревки, а потом другую. Два соперника принялись что есть мочи тянуть веревку, а Черепаша сидела и смеялась над ними. Проголодавшись, она пошла в лес и вдоволь наелась грибов, потом отправилась домой, выспалась и ближе к вечеру снова пришла в лес, чтобы посмотреть, как проходит состязание. Веревка была туго натянута, и, хотя соперники время от времени получали некоторое преимущество, в целом баланс сил сохранялся.

Наконец Черепаша, устав ждать исхода состязания, перерезала веревку, и соперники повалились на землю, причем Слон сильно ушиб ногу, а Гиппопотам голову. Каждый из них признал Черепашу равной себе. «После этого куда бы ни являлись эти трое, им всегда доставались лучшие места».

Широкое распространение в Африке получила еще одна история о Черепаше. Из пяти

известных мне вариантов этой сказки в одном вместо Черепахи фигурирует Заяц, в другом – Хлаканыяна. Поражает удивительная схожесть двух вариантов, обнаруженных в разных районах территории, населенной бантуязычными племенами – одна принадлежит басуто, другая – племени бенга из Камеруна.

По мнению Жакотте, эта история может являться пережитком древнего религиозного предания, принадлежащего коренному населению. История рассказывает о дереве, плоды с которого можно рвать только с разрешения владельца, и то только тем, кто знает «имя» дерева. К владельцу дерева неоднократно отправляют посланцев, и он каждый раз сообщает им требуемую информацию, но те забывают название дерева на обратном пути – как правило, вследствие какого-либо инцидента. Более удачливой оказывается Черепаха (или в одном случае Заяц).

В двух случаях в роли владельца дерева выступает Бог (Леза, Мавеза). В другом варианте владельца, или, скорее, владелицу (поскольку имя означает «бабушка»), называют Коко. В ряде вариантов дерево принадлежит «вождю животных», а по версии ронга – некой безымянной женщине. Примечательно, что название дерева иногда не несет смысла или же рассказчик не может объяснить его. Возможно, это архаичное слово, значение которого было утрачено. Может быть также, что его оригинальная, первоначальная форма несла в себе ныне уже забытое мифологическое значение.

Доктор Нассау записал очень интересную версию этой истории, рассказанную племенем бенга из Камеруна.

В давние времена все животные жили вместе, за исключением Питона Мбамы, обитавшего на некотором расстоянии от остальных. В стране, населенной животными, росло плодоносящее дерево, называемое Бойяби, но никто из зверей этого названия не знал, не знали они также, съедобны ли плоды этого дерева. И вот настал голодный год. Животные, сбившиеся с ног в поисках корма, долго ходили вокруг дерева, но никто не осмелился прикоснуться к его плодам, поскольку никто не знал, пригодны ли они в пищу. Наконец животные решили отправить гонца к Питону Мбаме и спросить его совета. В качестве посланца они выбрали Крысу, велев ей плыть по морю, а не идти по берегу (чтобы не задерживаться по дороге) и взять с собой один из плодов, чтобы Питон мог определить, съедобен ли он. Крыса благополучно преодолела весь путь и предстала перед Мбамой, тот сказал, что дерево называется Бойяби и плоды его съедобны. На следующее утро Крыса пустилась в обратный путь. Она села в каноэ и, энергично работая веслами, уже к вечеру прибыла в свою деревню. Однако из-за волнения на море Крыса долго не могла причалить к берегу и за это время успела позабыть все, что узнала от Питона. Крыса вынуждена была признаться в своей проступке, и разочарованные животные устроили ей хорошую взбучку. Затем к Питону отправился Дикобраз. Он тоже успешно выполнил поручение, но и его на обратном пути подвела память. Вслед за Дикобразом в путь отправилась Антилопа. Результат, впрочем, был тот же. Так один за другим все животные побывали у Питона, но безуспешно. Наконец Черепаха вызвалась пойти к Питону, но остальные животные подняли ее на смех и даже хотели поколотить за самонадеянность. Но тут вмешалась Газель. «Пусть идет, – сказала она, – мы все потерпели неудачу, с ней случится то же».

Но мудрая Черепаха перед тем, как отправиться в путь, посоветовалась со своей матерью. Та велела Черепахе во время путешествия по морю ничего не есть и не пить. Черепаха запомнила наставления, прибыла к Мбаме, узнала у него название дерева и на следующий день отправилась домой. Чтобы не забыть название, она пела, работая в такт веслами:

Слон! Ешь плоды Бойяби! Да, да, да! Бойяби!
Буйвол! Ешь плоды Бойяби! Да, да, да! Бойяби!

Она уже отплыла на некоторое расстояние, когда огромная волна опрокинула ее каноэ. Черепаха уцепилась за него и добралась до берега, повторяя: «Бойяби! Бойяби!» Каноэ было

повреждено, и Черепахе пришлось чинить его, но она продолжала петь свою нехитрую песенку и вскоре продолжила путешествие. Когда Черепаха уже приближалась к берегу, где собрались все животные в ожидании ее возвращения, волна подхватила каноэ и понесла в открытое море, но животные бросились в воду, схватили каноэ и благополучно доставили его на берег. Животные попросили Черепаху сказать им название дерева, но она ответила, что сделает это, только когда они придут в деревню. Животные доставили Черепаху в деревню, где она выдвинула новое условие – она хочет первой набрать себе плодов с дерева. Только принеся фрукты к себе в хижину, мудрая Черепаха сообщила животным название дерева.

История о Черепахе, записанная в Ньясаленде (1894 г.), выставляет героя далеко не в выгодном свете: Черепаху ограбила Игуана. Черепаха, будучи существом столь же мстительным и безжалостным, как неизвестный ростовщик Шейлок, поступила с Игуаной жестоко – несчастное животное было разрублено надвое, и Черепаха, не скрывая своей радости, потащила домой ее хвост и две задние лапы. Мне больше нравится другая история, рассказанная представителем народности банту кавирондо. Каким-то образом этот человек попал в миссию в Нгао. Считалось, что он работает там, в действительности же он предпочитал рассказывать мне сказки и помогал ухаживать за моей собственной черепахой, чью печальную историю я здесь рассказывать не буду.

Лев принял облик человека и явился в деревню просить руки девушки. Получив согласие самой девушки и ее родителей, Лев повел невесту к себе домой в сопровождении ее сестер и подруг. Когда настала ночь, жених превратился во Льва и, оставив девушек в хижине, отправился звать других львов на пир. Лев думал, что все девушки спят, но одна из них видела, как он принял свой истинный облик. Как только Лев ушел, девушка разбудила подруг, и они убежали. Девушки прошли долгий путь, устали и были сильно напуганы. По дороге они встретили Черепаху, которая, услышав об их бедственном положении, пришла девушкам на помощь и проглотила их. Потом она съела немного травы и листьев и снова пошла своей дорогой. Через некоторое время перед ней появился Лев, выслеживавший девушек. Он спросил Черепаху, не видела ли она беглянок. «Нет», – ответила Черепаха, но Лев, оглядев раздувшееся тело Черепахи, что-то заподозрил. «Что ты ела?» – спросил он. «Только траву», – ответила Черепаха и, видя, что Лев по-прежнему настроен скептически, выплюнула немного травы, чтобы убедить его. Успокоенный Лев отправился дальше, а Черепаха все шла и шла, пока не достигла деревни, где жили девушки. Там на глазах их изумленных родителей она выплюнула беглянок целыми и невредимыми.

Такой же малоприятный способ спасения использовала Черепаха из сказки бенга. Получив в жены девушку, руки которой просил и Леопард, Черепаха глотает ее вместе со слугами и всеми пожитками. Отвечая на вопрос Леопарда, Черепаха уверяет, что обьялась грибами, и отчасти это было правдой. Но Леопард, который был менее доверчив, чем Лев, настаивает на том, чтобы Черепаха продолжала демонстрировать содержимое своего желудка, и та извергает из себя сначала пожитки, потом коз, рабов и, наконец, жену. «Я недостаточно сильна, чтобы бороться с Леопардом», – подумала Черепаха и не выказала неудовольствия, хотя ее снедал гнев». Впрочем, через некоторое время Черепаха отомстила Леопарду.

Глава 13

Истории о пауке

Персонаж западноафриканского фольклора – Ананси – разительно отличается от Паука, о котором рассказывают в бантуязычных регионах и который связан с сотворением мира или действует как посредник между небом и землей. Так, в ангольской истории о сыне Киманавези, женившемся на дочери Солнца и Луны, говорится, что когда служанки Солнца спускались на землю, чтобы набрать воды, то поднимались и опускались они при помощи паутины. Племена Нижнего Конго верят, что Паук принес с неба огонь. В истории «Звери и

куница» (*Мбанга-ньо*) животные обращаются к Пауку за советом. Однажды звери решили расчистить место для строительства деревни, но ни у кого из них не было топора. Единственным обладателем топоров был Мбанга-ньо. Он согласился одолжить топоры только при условии, что животные назовут его имя, хранившееся в тайне. Звери отправили антилопу *Изеру* (возможно, аналог Хитрого Кролика) за советом к Пауку. Паук велел антилопе отправиться в лес и отыскать там силок с пойманной птицей, а потом пойти на реку и найти ловушку с пойманной в нее рыбой. Птицу следовало положить в ловушку для рыбы, а рыбу, наоборот, оставить в силке для птиц. Затем антилопа должна была спрятаться и ждать результата. Через некоторое время два сына Куницы пришли проверять свои ловушки, и каждый воскликнул в изумлении: «О, отец мой Мбанга-ньо! Кто видел подобное?» Когда сыновья Куницы ушли, *Изеру* вернулась в свою деревню, созвала животных и сказала: «Теперь пойдём и возьмем топоры из дома того, чье имя нам неизвестно». Животные отправились в дом Куницы за топорами. «Как же меня зовут?» – спросила Куница. «Твое имя – Санго Мбанга-ньо». Удивленная Куница отдала животным топоры, и звери еще долго восхваляли мудрость *Изеру*.

Шён рассказывает историю, в которой Паук поднимается на небо по своей паутине, чтобы присутствовать на свадебном пиршестве. Он отказывается поблагодарить Паутину, которая помогла ему подняться на небо, и обиженная Паутина отказывается опустить неблагодарного Паука обратно на землю. На помощь Пауку приходит Голубка. Она предлагает Пауку перенести его на землю за некоторое вознаграждение. Однако, спустившись на землю, Паук вместо того, чтобы отдать Голубке обещанное золото, жарит птицу и съедает ее.

По словам Эллиса, племена Золотого Берега верят, будто человеческая раса произошла от Паука. Это может означать, что Паук некогда был тотемом или одним из животных-Демидургов (как Иоскеха). Примечательно, что при переходе из мифологии в фольклор характер Паука изменился в худшую сторону.

Типичная история о Пауке, или Ананси, в Западной Африке относится к категории, в которую входят истории о Зайце, Шакале и Черепахе. Паук отнюдь не положительный персонаж, африканцы склонны отрицать наличие у него хотя бы одной хорошей черты, которая в какой-то степени компенсировала бы его дурные качества. Впрочем, у племени хауса таким персонажем является не Паук, а Гиена. Раттрей говорит: «Гиена в фольклоре хауса – это олицетворение жадности и коварства. Этот персонаж отличается от Паука, чья хитростью и умением втираться в доверие скорее восхищаются, чем наоборот». Этого нельзя сказать о темне, которые хотя и отдают должное смекалке Паука, но все же проводят очень четкое разграничение между ним и более привлекательным для них персонажем – Хитрым Кроликом.

Паук не только смышлен и изобретателен, но также нечестен, жаден и жесток, а его обращение с собственной семьей вызывает возмущение у всякого достойного африканца. Любопытно, что его сын (иногда называемый Квеку Ананси, а в Вест-Индии – Такома) обычно предстает в более выгодном свете. Неясно, является ли сын, что называется, чистокровным пауком: космогония бушонго и различные факты из бушменской мифологии говорят о довольно причудливых отношениях между животными. Темне, например, утверждают, что женой Паука была *Коки* (Богомол).

Иногда говорят – и утверждение это, возможно, присуще поздней стадии развития мифологии, – что Паук некогда был человеком. Одна из историй хауса гласит, что когда-то он был кузнецом, сыгравшим забавную, но довольно гнусную шутку над Львом, который, разгневавшись, порвал человека на куски и втоптал в пыль. Части тела воссоединились и превратились в Паука. Темне объясняют, почему у Паука такая тонкая талия: услышав, что в окрестных деревнях состоятся празднества, жадный Паук решил принять участие во всех пиршествах. Заняв стратегическую позицию на полпути между деревнями, он вручил каждому из детей по веревке, концы которых обвязал вокруг своей талии. Затем Паук велел детям отправляться в упомянутые деревни и потянуть за веревку, когда в какой-нибудь из

деревень начнется праздник, чтобы отец не терял времени и сразу поспешил на пир. К несчастью для Паука, празднества начались в одно и то же время, так что его одновременно начали тянуть в разных направлениях, и в результате его фигура стала такой, какой остается и поныне.

Общепризнанной отличительной особенностью Паука является его речь. У хауса он шепелявит и говорит «шаки» вместо «саркин» (вождь), «дойна» вместо «дройна» (гиппопотам) и т. д. Жители Золотого Берега говорят, что Паук гнусавит.

Типичные истории о Пауке встречаются у тви, темне, хауса, вай и многих других племен. Примечательно, что они отсутствуют в фольклоре икома, йоруба, где место героя занимает Черепаха, а также на территории Сенегамбии и Французской Гвинеи, где предпочтение отдается, насколько мне удалось установить, Зайцу – или животному, которое французские власти называют lievre (заяц).

Паук, несмотря на свою смекалку и изобретательность, отнюдь не всегда выходит победителем. Подтверждением тому может служить следующая сказка, рассказываемая хауса, а также – в другой вариации – племенем с Золотого Берега.

У жены Паука была корова, которую Паук – всегда страдающий от неутолимого голода – хотел съесть. Но он не мог тронуть корову (этот африканский обычай часто обходят вниманием) без разрешения жены, которое она вовсе не намерена была давать. Тогда Паук притворился больным и пожелал, чтобы жена проконсультировалась у некоего одноглазого знахаря, которого можно было найти в месте, указанном Пауком. Когда жена ушла, Паук закрыл один глаз повязкой, отправился коротким путем через заросли и пришел на место раньше жены. Не узнав мужа, жена Паука приняла его за знахаря, уплатила вознаграждение и сказала, что пришла посоветоваться по поводу своего мужа, который был серьезно болен. Паук сказал, что пациент не поправится, если «она не отдаст ему свою корову; Паук должен отвести корову в заросли, где его никто не увидит, даже мухи, и там заколоть ее». (Упоминание о мухах, считает рассказчик, свидетельствует о крайней жадности Паука: он не согласен пожертвовать даже крошечным кусочком мяса.) Жена вернулась домой и нашла мужа в постели. Притворяясь больным, тот громко стонал. Как и следовало ожидать, Паук выразил желание немедленно принять предписанное лекарство, а когда жена сказала, что он слишком слаб, чтобы встать с постели, Паук заявил, что если не сможет идти, то поползет за коровой. Фактически он уже чувствовал себя настолько хорошо, что смог вылезти из постели и поймать корову. Долго шли Паук, его жена и сын через заросли, пока не нашли подходящее место, где можно было бы заколоть корову. Наконец проголодавшийся Паук заколол корову, освежевал ее, а затем, думая, что альпийский закат, видневшийся сквозь заросли, – это горящий вдалеке костер, отправил сына за головней, чтобы они могли зажарить мясо. Пока сын пробирался через заросли, солнце село, но он по-прежнему видел алое пятно, которое принимал за огонь. На самом же деле это была открытая пасть демона зарослей, известного как Додо. Мальчик пытался зажечь от предполагаемого огня пучок сухой травы, когда над его головой внезапно раздался голос. «Кто ты такой?» – спросил Додо. Трясаясь от страха, мальчик смог вымолвить только: «Мой отец приглашает вас», тогда Додо встал и последовал за ним. Раздосадованный вторжением непрошеного гостя, Паук довольно резко спросил: «Кто тебя звал?» Додо сказал: «Твой сын позвал меня». Паук готов был ударить сына, но Додо сказал: «Не бей его». Паук сдержался, отрезал кусок мяса и отдал его Додо, но тот выказал удивление: «И ради такой малости друг позвал друга? Не мешало бы добавить». И так далее и так далее, пока Додо не забрал себе все мясо.

Но, даже забрав все мясо, Додо не был удовлетворен, а на замечание Паука, что у него больше ничего нет, сказал: «Если ты предложишь мне себя, я не откажусь». Паук, игнорируя этот прозрачный намек, отдал Додо сначала сына, потом жену, которых Додо запрятал в мешок из слоновьей кожи, куда до этого уже положил мясо. Потом Паук принялся собирать молодые тыквы, росшие поблизости, но и опустошив все поле, не смог заполнить мешок, а продовольственные ресурсы меж тем уже истощились. Тогда Додо открыл мешок и сказал: «Полезай-ка сюда», и Паук, вздыхая, полез в мешок.

Затем Додо завязал мешок, закинул его на спину и отправился через лес, ища удобное место, где можно было бы развести огонь и зажарить добычу. Вдруг из зарослей вышел Верблюд, он шествовал словно вождь, сопровождаемый длинной процессией, поющей ему хвалу. Верблюд прошел мимо, не обратив внимания на Додо. Вскоре появился Козел, тоже окруженный свитой. И он прошествовал мимо, не сказав ни слова. Потом из зарослей вышла Крыса. Она уже тоже было прошла мимо, но кто-то из окружавших ее животных обратил внимание на поклажу Додо. Крыса, несомненно уже имевшая опыт общения с Додо, остановилась и поинтересовалась, что у Додо в мешке. Додо, не желая делиться добычей, поспешил проглотить Крысу, но той удалось трижды выйти невредимой из разных частей тела Додо. Потом Додо упал на землю и умер. Крыса развязала мешок, и оттуда вышли Паук, его жена и сын. Услышав историю Паука, Крыса сказала: «Ничтожество, забирай свое мясо и ступай домой. Аллах был добр к тебе сегодня» – и с тем отбыла. Паук же, пропустив ее слова мимо ушей, собрал мясо, которого чуть не лишился, и отправился домой, а потом еще послал своих слуг за телом Додо, которого счел съедобным.

Мы уже видели, что Паук иногда фигурирует вместо Черепахи в истории о перетягивании каната. Версия истории, предложенная хауса, содержит некоторые новые детали и интересное продолжение. Здесь Паук не отстаивает свое достоинство перед Слоном и Гиппопотамом, его заботит лишь добыча пропитания, которым, надо отдать ему должное, он на этот раз собирается поделиться с семьей. Он приносит Слону весть, якобы от Гиппопотамы, прося сотню корзин зерна и обещая взамен прислать лошадь во время сбора урожая. То же самое, но уже от имени Слона, он обещает Гиппопотаму в обмен на сотню корзин с рыбой. Когда наступает время выполнить обещание, Паук вручает каждому кредитору конец веревки, сказав, что на другом конце привязана лошадь, но очень дикая и норовистая. Оба тянут веревку изо всех сил, перебирая ее, пока, наконец, не сталкиваются в лесу лицом к лицу. Только тут они понимают, как их провели. Естественно, первой их мыслью было отловить Паука и задать ему жару, но хитрец был готов к этому. Он находит шкуру мертвой антилопы, прячется в нее и бродит по лесу, являя собой печальное зрелище. Он встречает Слона, который спрашивает, что случилось с антилопой, которая вдруг так уменьшилась в размерах. «По глупости я повздорила с Пауком, и он показал на меня пальцем, а те, на кого он показывает, начинают чахнуть, как я». Слон поверил словам мнимой антилопы, поскольку (как и Лев в подобной ситуации) «был глуп», и немедленно прекратил поиски Паука. С Гиппопотамом случилось то же самое. Таким образом Паук избежал возмездия.

Теперь обратим внимание на сказку эве, которая в некоторых отношениях напоминает историю, процитированную в главе 5, хотя и не упоминает мир духов. У Паука был друг по имени Детсйови, который в голодное время бродил по зарослям и вдруг увидел жернов, который сам собой молот муку, а с жернова стекал мед. Детсйови съел столько меда, сколько смог, а потом взял немного меда и муки для своей жены и детей. Так он делал время от времени, и члены его семьи не только пережили голод, но даже стали толстеть. Однажды Паук пришел навестить Детсйови и поинтересовался, где тот достает пищу для своей семьи. Детсйови отказался сообщить Пауку этот секрет, потому что тот был слишком болтлив. Паук, однако, проявил настойчивость, и Детсйови уступил, но сказал, что они должны подождать до следующего утра, когда женщины уйдут за водой. Паук был слишком нетерпелив, чтобы ждать наступления утра. Он пришел к Детсйови, когда было еще темно, с кувшином для воды на голове, внутри которого громыхал черпак. Он заявил, что женщины уже отправились к колодцу³⁶. Детсйови выглянул из хижины и увидел, что было еще слишком рано, и велел Пауку подождать, пока женщины не подметут двор. Паук тотчас схватил метлу и принялся подметать так шумно, как только мог, а потом поспешил к

³⁶ Подобные трюки упоминаются и в сказке «Паук и Вороны», где Паук: а) разжигает костер, чтобы уверить ворона, что это рассвет; б) колотит домашнюю птицу, чтобы она начала кричать; в) подает мусульманам сигнал к началу молитвы.

товарищу и сказал, что время настало. Однако Детсйови сказал, что они отправятся в путь, когда встанет солнце. Тогда Паук отошел от хижины и зажег костер, надеясь, что Детсйови примет пламя за рассвет. Но Детсйови не так-то легко было провести, пришлось Пауку дожидаться рассвета.

Когда наконец взошло солнце, они вместе отправились в лес, и Детсйови привел Паука на то место, где жернов молот муку. «Эй! – воскликнул Паук. – Здесь есть пища, а мы голодаем!» – «Не поднимай такой шум!» – предупредил Детсйови. Они напились меда, а потом Паук взвалил себе на голову жернов. Жернов начал петь, веля Пауку положить его на место, но Паук его не послушался. С этим жерновом он отправился в окрестные деревни, и люди платили ему за муку раковинами каури. Наконец мешок Паука наполнился раковинами. Паук решил вернуть жернов на место, но обнаружил, что тот прилип к его голове. Под тяжестью жернова тело Паука распалось на маленькие кусочки. «Вот почему мы часто находим крошечных пауков под большими камнями».

Если бы Паук не унес жернов из леса, люди и по сей день могли бы ходить туда за мукой в голодные времена.

Иногда, например в фольклоре эве, Паук выступает в роли благодетеля. Спит говорит: «У эве Паук превосходит все прочие существа в храбрости и хитрости... Он берет верх над Леопардом... и Слоном... он одалживает деньги у вождя и отказывается, после многочисленных напоминаний, возвратить их. Благодаря своей магической силе он избавляет население целой деревни от губительной птицы. С другой стороны, Паук приносит в мир болезни и даже смерть».

Смысл историй, подтверждающих эти слова, не очень ясен, возможно, они являются отголосками древних преданий. Вот одна из этих историй.

Однажды на землю спустились дети Бога (Маву), и Паук поинтересовался, нет ли на небе его дочери Йийисы. Услышав утвердительный ответ, Паук попросил детей Маву на обратном пути зайти к нему домой и забрать небольшой сверток для Йийисы, а также передать дочери, чтобы она не открывала сверток, пока не принесет его домой. Паук спрятался в свертке. Дочь Ананси, конечно, удивилась при виде отца, но приняла его радушно и сделала все, чтобы он чувствовал себя как дома, сказав ему только, чтобы ночью он куда-нибудь ушел, потому что в этой деревне никто на ночь не оставался. Паук удивился, а Йийиса объяснила: «По ночам в деревню прилетает птица с длинным клювом. Если мы останемся в хижине, она съест нас». Паук ответил: «Птица не захочет есть меня – меня, Маленькое Ружье, меня, Маленькую Тыкву! Я останусь здесь!» И Паук действительно остался в доме, предварительно наточив свой нож. Ночью прилетела птица и запела:

Мы, птицы, мы, птицы, едим человечесье мясо!
Мы, птицы Акема, мы, птицы свободнорожденного,
мы едим человечесье мясо!
Когда мы громко кричим, остальные птицы молчат!
Когда мы громко кричим, трава высыхает в буже!

Паук сидел в комнате и подбадривал себя, повторяя свои хвalebные прозвища, пока в окне не показался кончик клюва птицы. Паук принялся рубить клюв ножом и наконец убил птицу. Тогда он затянул ту же песню, что пела птица, но переиначив ее на свой лад:

Мы, пауки, мы, пауки, мы живем в стене!
Мы, пауки Акема, мы, пауки свободнорожденного...

Вернувшись в деревню, люди услышали о гибели птицы и очень обрадовались, но сообщили Пауку, что их деревню преследует еще одна напасть – человек, чье тело сплошь покрыто язвами и нарывами, не дает им спать по ночам. Паук заверил жителей, что им нечего бояться. Ночью в деревню явился человек, вселяющий страх в ее жителей. Паук

попросил человека спеть, а сам принялся танцевать и танцевал до самого утра, а утром выяснилось, что все тело Паука покрылось нарывами.

Мне не удалось обнаружить ничего, что могло бы пролить свет на этот загадочный эпизод. Неясно даже, исцелился ли человек, заразив Паука. А рассказчик тем временем продолжает: «Сначала в мире не было болезней (возможно, здесь идея, аналогичная ящичку Пандоры), но, заразившись, Паук принес болезни людям. Раньше болезни были на небе, у Маву, теперь они распространились по всему миру, и все благодаря Пауку».

Таким образом, Паук если и был благодетелем, то лишь отчасти. Из следующей истории становится ясно, что хотя намерения Паука и были добрыми, но своими действиями он лишь навредил миру. В Вест-Индии существуют два варианта этой сказки, в одном из них Ананси выдает свою дочь замуж за Смерть, а в другом посылает ее в дом Смерти в качестве служанки.

Эта история тоже начинается с того, что «в стране свирепствовал голод». Смерть, как говорят, жила недалеко от людей, но не появлялась у них. Пропитание себе Смерть добывала, ставя ловушки на животных. Однажды она вскопала широкую полосу земли длиной около 10 километров и установила на ней ловушки. Паук, узнав, что у Смерти в доме вдоволь еды, взял огромную корзину и отправился попрошайничать. В конце концов, чтобы найти оправдание своим бесчисленным визитам, он отдал свою дочь в жены Смерти.

Смерть предупредила свою жену, чтобы та не пересекала вспаханную полосу, когда пойдет на реку за водой, и какое-то время все шло хорошо. Но однажды утром, после проливного дождя, не желая идти по мокрой траве, жена Смерти решила пройти по вспаханной полосе, наступила на ловушку и была убита. Паук, придя в очередной раз в дом Смерти и не найдя там свою дочь, спросил, где она, и узнал о случившемся. Паук, хоть и не был любящим отцом, все же разгневался на Смерть и заявил ей: «Я ухожу, но скоро вернусь. Я не хочу застать тебя врасплох, поэтому говорю, что объявляю тебе войну». Паук отправился домой, взял свой нож, наточил его и вернулся в дом Смерти. Увидев Смерть, Паук бросил в нее нож и убежал. Смерть в отместку подожгла буш, но Паук к тому времени уже успел укрыться в доме. Смерть затаилась в засаде у деревни и, поджидая Паука, развлекалась тем, что стреляла в женщин, проходивших мимо с кувшинами для воды. Через некоторое время Смерть выглянула из засады и, увидев тела женщин, с удовлетворением воскликнула: «Вот так дичь! Мне больше не нужно ходить в буш и ставить там ловушки!» «Так в мир пришла Смерть». В данном случае рассказчик имел в виду мир людей, поскольку животные к тому времени уже были знакомы со Смертью.

О самом Пауке история больше не упоминает, предполагается, вероятно, что в этот раз ему удалось ускользнуть от Смерти. В обоих вариантах этой сказки, что рассказывают на Ямайке, Паук обводит Смерть вокруг пальца. Он забирается вместе со своей женой и детьми на крышу хижины, а Смерть поджидает внизу. Один за другим члены семьи Паука, проголодавшись, спускаются вниз, где попадают в руки Смерти. Оставшись один, Ананси говорит Смерти, что слишком толст и непременно лопнет, если упадет на землю. Если Смерть не хочет этого, «то пусть пойдет и принесет что-нибудь, во что Ананси мог бы прыгнуть». Смерть приносит из хижины бочонок с мукой, и Ананси, прыгнув в него, поднимает такое облако муки, что Смерть на некоторое время слепнет, и Ананси ускользает от нее.

Хочется надеяться, что в будущем специалистам, изучающим африканский фольклор, удастся в полной мере восстановить легенду эве, благодаря которой эти частично утраченные истории станут более понятными.

Глава 14

Истории о колдовстве и оборотнях

Истории о колдунах, как таковых, нетипичны для Африки, у банту они встречаются довольно редко. Персонаж, который в европейских сказках фигурировал бы в качестве

колдуна, в Африке часто относят к многочисленному и таинственному семейству огров или *амазиму*. Теория Блика, гласящая, что «у племен банту поклонение предкам и вера в сверхъестественное породили ужасающие истории о призраках и сказки о колдовстве», в то время как легенды о животных встречаются довольно редко, едва ли нуждается ныне в опровержении. Жакотте говорит, что предания о колдунах встречаются разве что у гереро, народа, более других открытого влиянию извне.

Некоторые интересные особенности колдунов у хауса приводит Тремирн. Большинство из них подтверждают вышеизложенную точку зрения: колдун – это, скорее, сверхъестественное или, во всяком случае, аномальное существо в сравнении с обычным человеком, обладающее магическими способностями. Так, мы обнаруживаем, что «колдун и Додо часто являются персонажами взаимозаменяемыми»; «когда колдуна убивают, каждая частица его тела должна быть уничтожена, ибо даже одна капля его крови может убить жертву» – похоже на то, как из останков Зимви в истории суахили выросла тыква, обладавшая достаточной силой, чтобы причинить вред. А вот другая малоприятная особенность: «У всех колдунов много ртов, которые по их желанию появляются вдруг по всему телу, их владелец может заставить их исчезнуть, достаточно ему лишь похлопать себя по телу». Существо *риму*, о котором рассказывают чага, в одном случае узнали по второму рту на темени, а одно из племен огров, по словам баронга, имеет по второму рту на затылке, обычно они спрятаны под длинными волосами.

Все же колдовство, хотя и нечасто упоминается в африканских сказках, тем не менее занимает в фольклоре видное место. Страх, по причине которого маленьких мальчиков, да и взрослых людей в Ньясаленде не заставишь выйти из дому после наступления темноты, вызывают вовсе не призраки, а *афиши* – колдуны. В Восточной Африке меня со всей серьезностью заверили, что колдуны (*ванга*) имеют обыкновение стучать по ночам в двери домов, и горе тем, кто ответит им или откроет дверь! Они заставляют вас (используя что-то вроде гипноза) следовать за ними в лес и там убивают. Мой рассказчик не уточнил, с какой целью они это делают, но поверье это общеизвестно. Методы и способы колдовства в целом единообразны на огромной территории от реки Тана до реки Кросс. Едва ли можно сомневаться, что теория и практика африканских колдунов лежит в основе ритуалов оби и вуду, которые столь популярны в Вест-Индии и в Южных штатах Америки.³⁷

В отношении последних часто совершается вопиющая ошибка – иногда их расценивают как типичные проявления африканской религии, в то время как они представляют собой не просто неправомочную, но незаконную и большей частью криминальную практику. Следует помнить, что большая часть рабов, *охотно* продаваемых своими собственными племенами в те дни, когда процветала работорговля, были либо преступниками, либо злостными должниками. Точно так же некоторые авторы даже сейчас не видят разницы между колдунами и знахарями, хотя это все равно что не проводить различие между полицейским и вором.

В целом деятельность африканских колдунов не столь разнообразна, как у их европейских собратьев. Разумеется, все слышали о том, как они насылают болезни или смерть из злобы или мести, но все-таки смысл их существования как организованного сообщества (в некоторых районах Восточной Африки, по крайней мере, колдуны, кажется, образуют нечто вроде гильдии) – это жизнь за счет тел недавно умерших людей, которыми они якобы питаются, чтобы прибавить себе силы, мудрости, храбрости и прочих желанных качеств. Поэтому, когда смерть от естественных причин происходит слишком редко или «объекты» непригодны для употребления, колдуны насылают на людей смерть при помощи средств более или менее оккультного толка. Широко распространено убеждение (и, возможно, небеспочвенное), что колдуны весьма сведущи в ядах, а также что они в

³⁷ Конфедерация южных рабовладельческих штатов на территории США, самопровозглашенное независимое государство, существовавшее в период с 1861 по 1865 год. (*Примеч. пер.*)

состоянии убить внушением.

Жители Ньясаленда верят, что жертвы колдунов погибают не от яда, а (как туманно выразился рассказчик) «от силы колдунов». Колдуны якобы могут становиться невидимыми, танцевать в воздухе и передвигаться с места на место, не считаясь с законами физики. Страхом перед колдунами можно объяснить многие погребальные обычаи, например непрерывный барабанный бой и пляски до тех пор, пока умерший не будет похоронен; заброшенность дома покойного – хижину запирают и оставляют разрушаться; тот факт, что никто не спит в этой хижине, пока совершаются погребальные ритуалы, и т. д. Колдуны зажигают на свежей могиле огонь, который видно на многие километры, – в результате к любому огню или свету неясного происхождения относятся с подозрением. (Иногда говорят, что это светится сама могила.) Помню, как меня уверяли, что будто бы языки пламени необычайной высоты и яркости, которые можно наблюдать в сезон сжигания травы на холме Ньямбадве, близ Блантайра, – это тоже дело рук афити. Базиба никогда не осмелится подойти к огню, видимому ночью издали, веря, что он отмечает место, где колдуны собрались на совет, решая, кто станет их следующей жертвой.

Колдуны обладают властью над некоторыми животными, которых превращают в своих посланцев или приближенных³⁸. В число таких животных входят сова, гиена, леопард, иногда лев, разновидность шакала, змея и т. д. Зулусы верят, что *абатагати* (колдуны) посылают павианов и диких африканских кошек со «злодейскими поручениями». Поручения эти бывают разного рода. «Леопарды входят в дом и уводят птицу или коз, как им велено. Змеи могут ужалить любого, на кого укажет им колдун». Или, как говорят зулусы, колдун может заставить дикую кошку доить коров или же послать ее за *изидведве*, то есть старыми циновками. Африканцы верят, что циновки, на которых спит человек, впитывают частицу его личности, а следовательно, их можно использовать для того, чтобы околдовать человека.

Когда колдуны решают устроить пиршество, этих посланцев, в особенности «сову, сидящую на голове вождя» (возможно, главного колдуна), отправляют сзывать членов тайного общества к могиле, на которой зажжен дьявольский огонь. Когда могила разрыта (этот факт можно объяснить печально известными привычками гиен), тело покойного извлекают из нее, возвращают к жизни, затем человека снова убивают, режут на куски и пожирают – часто прямо не отходя от могилы. Иногда мясо, поделенное между участниками пиршества, колдуны уносят домой и прячут.

Каждый член колдовской корпорации по очереди предоставляет жертву, и никому не позволено уклоняться от этого обязательства, даже если в результате жертвой падет его ближайший родственник. Популярная песня, записанная на острове Пемба, дает представление об этом обычае: это стенания матери, которая пожертвовала своей дочерью и, так сказать, продешевила, продав ее душу, поскольку не получила взамен того, что ожидала.

В случаях, описанных выше, жертву пожирают *после* смерти и погребения (всегда ли ее оживляют и снова убивают, как в Ньясаленде и Занзибаре, неясно), однако процедура, судя по рассказам некоторых западноафриканских племен (например, мпонгве), отличается. Здесь, если можно верить рассказам, в дело вступает гипноз. По всем признакам колдуны мирно спят в своих хижинах, но их «истинные сущности», или, как бы сказали теософы, их астральные тела, отправляются в лес на ночные оргии, забирая с собой тем же или аналогичным способом «сущность» намеченной жертвы, извлекают «из сердца жизнь» и пожирают ее. Человек, с которым поступили подобным образом, умирает, если поглощена вся его жизненная сила. Если же колдуны не съедают ее сразу, человек начинает страдать от долгих болезней, но может пойти на поправку, если останется хоть частица его жизненной

³⁸ Леопард в этой роли отличается от того полусакрального животного, что фигурирует во многих сказках. Шкура леопарда предназначается только для вождя, иногда только для верховного вождя. Среди зулусов Наталя собственное имя леопарда – *ингве* – это табу, причиной тому – связь леопарда с колдунами. Любопытно, что еще один из подручных колдунов – гиена – в Восточной Африке (там, где она не ассоциируется с колдовством) тоже считается до некоторой степени священным животным.

силы.

Иногда тела умерших возвращают к жизни не для того, чтобы съесть их. Говорят, что зулусские колдуны раскапывают могилу, чтобы превратить покойного или покойную в своего приближенного, известного как *умкову*. Они дают умершему некие средства, чтобы вдохнуть в него жизнь, затем «вонзают раскаленную иглу в затылок и разрезают язык» – или, по другим свидетельствам, отрезают его кончик, так что умерший может говорить лишь нечленораздельно. Эти существа колдуны по ночам отправляют насыпать порчу или подкладывать яд в краали. Они идут, «издавая пронзительные крики и вой, вселяя в души людей страх». Они могут заставить траву обвиться вокруг ног припозднившегося путника, чтобы задержать его до их прихода. «Если они окликают человека по имени и он, введенный в заблуждение, отвечает им... его, словно Синдбадовы корабли, притягивает к скале... вскоре умкову приканчивают его, перерезают горло, вырывают язык и зачисляют несчастного в свои ряды».³⁹

Появление умкову в краале – предзнаменование смерти, и если кто-то заболевает в этот момент, то поправиться ему уже не суждено.

Позволю себе привести здесь одну из редких сказок суто о колдовстве, поскольку она иллюстрирует некоторые упомянутые выше эпизоды, а также из-за примечательных совпадений с историей, пришедшей из дальнего района Калабара, о которой я расскажу чуть позже. По всей вероятности, история эта была придумана, чтобы объяснить, как среди басуто впервые появилось колдовство.

Юную девушку, недавно вышедшую замуж за человека, жившего вдали от ее дома, однажды ночью разбудила свекровь. Она повела девушку в лощину, где та увидела людей, «а также призраков, павианов и многих других животных». Свекровь принесла с собой два посоха, черный и коричневый. Приказав собравшимся сесть, она махнула в их сторону черным посохом, и они умерли. Затем она махнула коричневым посохом, и все вернулись к жизни. Потом колдунья протянула посохи невестке и велела проделать то же самое. Девушка махнула «тем посохом, что убивает» и бросилась домой, чтобы рассказать обо всем мужу. Поутру вождь деревни созвал жителей и обнаружил, что многие хижины пусты. Тогда он отправился со своей женой к месту ночного шабаша и нашел там лежащих без чувств людей. Свекровь девушки взмахнула коричневым посохом, и все они ожили. Девушка же вернулась к родителям, которым заявила: «Меня выдали замуж в деревню колдунов; они и меня пытались научить колдовать». Узнав об уходе невестки, свекровь очень рассердилась и следующей же ночью отправила за девушкой *обе* (сказочное животное огромных размеров). Напрасно девушка пыталась разбудить родителей и других людей в краале, колдуны вытащили ее из хижины и жестоко избили своими посохами. Обе принес девушку в хижину, и утром родители увидели, что все тело дочери распухло и покрыто синяками. То же случилось еще дважды, а на четвертый раз вооруженные мужчины, притаившиеся в засаде по приказу знахаря, убили обе. На следующее утро в деревню пришла колдунья и попросила отдать ей шкуру обе, но встретила отказ. Вскоре колдунью изгнали из ее собственной деревни, и она «ушла навсегда».

История, рассказанная членом племени икома, живущего у реки Кросс (Южная Нигерия), если и не объясняет возникновение колдовства в целом, то, по крайней мере, рассказывает, как оно стало известно этому конкретному племени.

Вождь по имени Ндабу, который на протяжении многих лет оставался бездетным, обратился за помощью к знахарю, который посоветовал вождю избавиться от всех его жен, за исключением одной, от которой, после проведения надлежащих церемоний, он мог ожидать прибавления в семействе. При рождении старшего сына знахарь предсказал, что однажды один из сыновей вождя «узнает нечто, о чем народ икома никогда прежде не

³⁹ Я помню, как в Ньясаленде коренные африканцы рассказывали мне, что, если ночью к тебе обратится афити, ему ни в коем случае нельзя отвечать. Впрочем, здесь мнения расходятся. Кто-то считает, что разумнее всего в этом случае оказать сопротивление и пригрозить афити.

слышал». Один из вождей икома, Элулло, позавидовал власти и влиянию Ндабу и сговорился с Элилли, одной из отвергнутых жен, извести Ндабу. Оба входили в тайное общество колдунов, о существовании которого за его пределами никто не знал. Элулло и Элилли не могли причинить вред непосредственно Ндабу и его дому, поскольку вождь обладал могущественными защитными талисманами. Тогда колдуны решили «наслать чары» на младшего сына вождя, Амору, и использовать его в своих целях. Элулло пригласил Ндабу со всем его семейством на обед и заколдовал пищу, предназначенную для Амору. Колдовство возымело действие: следующей ночью Элулло (проникший в дом вождя в облике совы) позвал Амору, и тот вынужден был подчиниться. Однако влияние колдуна было, судя по всему, ограниченным, поскольку, когда Амору на шабаше колдунов велели отведать человеческого мяса, он спрятал кусок и ел только ямс. Каждую ночь на протяжении шести недель «колдун, сидевший» в Амори, принуждал юношу присоединиться к колдовскому пиршеству, но вместо того, чтобы есть мясо, Амори приносил свою долю домой и припрятывал. Наконец колдуны сообщили Амори, что настала его очередь привести жертву для пира, но тот сказал, что слишком молод и у него нет на примете подходящей жертвы. Тогда вождь Элулло сказал: «У тебя есть отец и мать, много братьев и сестер, мы рады будем съесть любого из них». Напрасно юноша умолял колдунов отпустить его. Наконец решено было подождать, когда очередь дойдет до Амори во второй раз, и тогда он должен будет принести в жертву одного из родителей. По мере того как назначенный срок подходил все ближе и ближе, Амори нервничал все больше и больше и наконец рассказал о своей тайне старшему брату, предъявив ему в качестве доказательства спрятанные куски человеческого мяса. Братья разработали план по поимке колдунов.

Ночью, когда Амору, как обычно, отправился на колдовской пир, Элулло напомнил ему об обязательстве, и юноша ответил, что решил принести в жертву своего старшего брата Нканьяну. Вождь велел своим людям пойти и привести Нканьяну, при этом они должны были взять с собой «ночной калebas», который был совершенно необходим при выполнении подобных поручений, поскольку волшебным образом удлинял ночь. Амору стал настаивать, чтобы Элулло, как вождь, непременно сопровождал их, и тот согласился. Амору шел первым, показывая дорогу. Когда процессия вошла в хижину, человек, несший «ночной калebas», трижды махнул им в сторону Нканьяны. На третий раз Нканьяна вскочил с постели и разбил калebas. Немедленно наступил день, и колдуны бросились бежать. Но Нканьяна собрал жителей деревни, и злодеев схватили. Ндабу созвал других вождей на совет. Колдунов допросили, осудили и сожгли живьем, а Элулло запытали насмерть⁴⁰. Амору отправили на лечение к знахарю, который «вырвал колдовство из сердца юноши и спрятал его под камень», после чего Амору полностью излечился. «Жители деревни собрали останки колдунов и бросили в реку, радуясь, что избавились от зла в своей деревне».

Чрезвычайно интересный рассказ об организации, созданной с целью противодействия деяниям колдунов, был записан несколько лет назад в Ньясаленде. К сожалению, сейчас я могу воспроизвести его только по памяти в надежде, что документы, относящиеся к этому или другим подобным случаям, будут обнаружены в самом ближайшем будущем. Общества такого рода вовсе не редкость. Фактически «Люди-леопарды» из Сьерра-Леоне первоначально были организацией, чьей целью была защита людей от колдунов.

Член общества предстал перед судом за убийство человека. Вину свою он признал, но был оправдан, поскольку жертва была колдуном. Во внимание были приняты все обстоятельства, включая его мирный нрав, и виновный был освобожден. Рассказ этого человека об обществе и о его связи с ним звучал так.

⁴⁰ Подобные детали не характерны для африканского фольклора, нечасто их можно встретить и у братьев Гримм. Однако икомские истории часто пропитаны жестокостью, не свойственной африканцам. Видимо, это связано с тем, что Калабар, будучи на протяжении трех столетий одним из форпостов работорговли, притягивал к себе отнюдь не лучших представителей разных континентов, оказавших влияние на формирование фольклора этого региона.

Когда этот человек был еще молод, в деревне, где он жил, последовала череда смертей столь скоростижных и необъяснимых, что они неизбежно породили слухи. Молодой человек долго думал о случившемся и наконец пошел за советом к отцу, спрашивая, не знает ли тот, как исправить дело. Отец ответил, что средство есть, и если бы он сам был моложе, то непременно испробовал бы его. Сын тоже может сделать это, если чувствует в себе силы, поскольку это предприятие трудное, требующее смелости и решительности, а также недюжинной физической силы. Сын заявил, что готов сделать все, что требуется. Тогда старик велел ему отправляться к знахарю в отдаленную деревню и делать все, что тот велит. Некоторое время знахарь потратил на обучение юноши и, когда решил, что тот достаточно подготовлен, отослал его домой. «По пути, – сказал знахарь, – ты встретишь погребальную процессию. Один из носильщиков уступит тебе свой конец бамбукового шеста» от носилок, на которых покоится тело умершего, завернутое в циновки, «и ты должен будешь занять его место».

Отойдя от деревни на некоторое расстояние, юноша увидел, что к нему по узкой тропе приближается похоронная процессия. Охваченный страхом, он свернул с дороги и спрятался в высокой траве, ожидая, пока процессия не минует его. После этого он вышел и отправился своей дорогой, но вскоре увидел вторую процессию и снова спрятался. То же самое повторилось еще раз, и постепенно юноша понял, что это была одна и та же процессия и ему не убежать от нее. Тогда он, собрав всю свою храбрость, вышел вперед и опустил на плечо бамбуковый шест, переданный ему носильщиком. Как только юноша коснулся шеста, в голове его будто что-то взорвалось и он потерял сознание. Придя в себя, он увидел, что лежит на дороге и вокруг никого нет. Юноша встал и продолжил свой путь без дальнейших приключений.

Встретившись через некоторое время со знахарем, он рассказал о происшедшем, высказав предположение, что увиденное могло быть иллюзией. Знахарь ответил: «Ты прав, это была не похоронная процессия, это дело моих рук». Возможно, таким образом знахарь хотел испытать храбрость юноши, однако, за отсутствием заслуживающих доверия подробностей, бесполезно пытаться найти какое-либо объяснение.

Вернувшись домой, юноша не то организовал местное отделение тайного общества по борьбе с колдунами, не то вошел в контакт с членами такового. По ночам они дежурили возле свежих могил и хватали любого, кто приближался к ним. Люди верили, что в ночной час к могиле может приблизиться только тот, кто пришел с поручением от упыря. Члены общества убивали пришельца, вонзая отравленную бамбуковую щепку в тело так, чтобы не оставлять видимых следов. Жертва возвращалась домой и, сознавая свою вину или зная, что не может ничего доказать, не осмеливалась жаловаться и умирала через несколько дней. Однако последний «колдун», зная, что европейцы придерживаются другой точки зрения, перед смертью пожаловался в магистрат, поэтому убийца предстал перед судом.

Многие африканские племена верят в то, что колдуны могут превращаться в львов, леопардов, гиен или других животных, и со временем вера эта не слабеет. Во всяком случае, не более тридцати лет назад в Чиромо (Ньясаленд) некий старик предстал перед судом по обвинению в убийстве невинных путников – он затаивался в высокой траве и набрасывался на проходивших мимо людей. Старик признал свою вину, утверждая, что является оборотнем и иногда превращается во льва. Всякий раз при таком превращении его охватывало непреодолимое желание убивать.

Иногда такие оборотни переходят на службу к колдунам. Да и сами колдуны в состоянии изменять облик, а гиены, разрывающие свежие могилы, в действительности являются афити (*мфити*). Колдуны в любой момент могут вернуть себе свой истинный облик, в отличие от мертвых, превращающихся в животных лишь на определенный период. Африканцы верят, что, приняв определенные меры, можно гарантировать себе превращение в животное после смерти.

Говорят также, что иногда во сне люди тоже могут превращаться в животных – то есть душа покидает человеческое тело и на некоторое время вселяется в животное. Гаунаб,

существо из готтентотской мифологии, которого иногда называют Дьяволом, может по своему желанию принимать любой облик, будь то человек или животное, однако в животное он может превращаться лишь в дневное время. Все его воплощения – козел, шакал или другое животное – неуязвимы и потому никогда не убегают от охотника.

Когда Уолтер Дин, выдающийся охотник и человек, горячо любимый африканцами Конго, был убит слонем в Луколеле в 1888 году, африканцы сразу уверовали в то, что это был не обычный слон, а «дурной фетиш». Это могло означать одно: это был «слон-оборотень», животное, в которое вселился злой колдун; животное могло действовать по поручению колдуна, велевшего убить Дина, это мог быть слон-тотем какого-то врага.

В Абиссинии (как и среди сомалийцев, масаи и других) люди, работающие с железом, живут обособленно и даже до некоторой степени являются отщепенцами. Африканцы верят, что кузнецы могут превращаться в гиен и в таком облике нападают на людей, как волк в истории Апулея. Вот история, рассказанная европейцем, который, «можно сказать, был почти очевидцем» случившегося. Коффин, проживший несколько лет в Абиссинии, как-то нанял одного юношу в качестве слуги. Однажды вечером тот пришел и попросил разрешения отлучиться до следующего вечера. «Разрешение было незамедлительно дано, и юноша ушел; но едва лишь Коффин занялся своими делами, как услышал взволнованный голос: «Смотрите, смотрите! Он превращается в гиену!» Коффин немедленно обернулся и, хотя сам процесс превращения он не видел, все же успел заметить, что молодой человек исчез, а на расстоянии сотни шагов появилась огромная гиена. Надо сказать, что все произошло на открытой равнине, где не было ни деревьев, ни кустов».

Что бы мы ни думали по поводу вышесказанного, подобные представления занимают важное место в народных поверьях. Идея оборотней в различной форме часто встречается в африканском фольклоре. Иногда не человек оборачивается животным, а, напротив, животное превращается в человека с целью жениться на девушке, которую потом можно убить и съесть. Впрочем, в большинстве случаев своей цели оборотень не достигает, обычно ему мешают братья и сестры предполагаемой жертвы, доброе животное или что-то другое. Самыми популярными оборотнями являются леопард и гиена. Для этой истории характерны многочисленные вариации: иногда в роли «жениха» выступает не животное, а огр – замаскированный, разумеется. В некоторых регионах Африки, долгое время испытывавших европейское влияние, его называют Дьяволом».

Причудливым можно назвать представление племени чага об оборотне – *ириму*. Иногда он превращается в пантеру, но может явиться и в облике обычного человека, разве что на затылке у того имеется второй рот. Иногда он предстает в виде бесформенного чудовища, все тело которого покрыто кустами, как у зулусского Усилосимапунду. У чага много историй о том, как подобные существа являются к людям. В одной из них гиена (которую не называют ириму) принуждает девушку выйти за нее замуж и держит ее в своем логове, пока на помощь несчастной не приходит старуха. Но эта сказка в нынешнем ее виде представляет собой смешение двух разных историй, поэтому лучше обратиться к типичной истории из Ньясаленда.

Девушка отказывала всем своим поклонникам (это обычное начало сказки, оно призвано служить моралью, порицающей гордыню и чрезмерную привередливость). Но вот она пленяется привлекательным незнакомцем из далекой земли, который в действительности был гиеной-оборотнем. Родители девушки дали согласие на брак, и вскоре жених и невеста сыграли свадьбу. Через несколько дней новоиспеченный супруг вместе с женой стал собираться домой, в свою деревню. Маленький брат девушки, заподозривший неладное, попросил сестру взять его с собой, но получил отказ. Мальчик выждал некоторое время, а потом тайком последовал за супругами, прячась в высокой траве. Когда они отошли от деревни на изрядное расстояние, мальчик перестал прятаться и подошел к сестре, однако зять прогнал его. Мальчик сделал вид, что возвращается домой, а сам опять тайком последовал за сестрой и ее мужем и подошел к ним, только когда они добрались до деревни. Когда стемнело, мальчика отправили спать в курятник, но он не сомкнул глаз. Ночью на

улице собралось множество гиен (днем все жители этой деревни принимали человеческий облик). Они кружились вокруг дома, где спала невеста, и пели:

Давайте съедем ее, нашу дичь, разве она недостаточно упитанна?

Утром мальчик рассказал сестре о том, что слышал, но девушка не поверила ему. Тогда он попросил ее привязать к ноге нитку и конец ее просунуть в курятник. Когда с наступлением темноты гиены снова принялись танцевать возле хижины, мальчик потянул за нитку, чтобы разбудить сестру, и та увидела пляски гиен своими глазами. На следующее утро мальчик позаимствовал у зятя тесак, сказав, что хочет сделать себе игрушку, а сам смастерил деревянный ящик, очевидно обладающий магическими свойствами. Мальчик забрался в ящик вместе со своей сестрой, с помощью заклинаний поднял ящик в воздух, и они благополучно добрались до своей деревни.

Похожую историю рассказывают мпонтве о Леопарде. Однажды Леопард услышал, как девушка объявила всем, что выйдет замуж только за мужчину с абсолютно гладкой кожей. Леопард отправился к знахарю и с его помощью довел свою кожу до совершенства. Затем он женился на девушке и едва не съел ее. Ему помешала волшебная лошадь, подаренная девушке ее мудрым отцом.

Глава 15

Современные и заимствованные мифы

Работая над этой книгой, я не ставила перед собой задачу дать определения мифологии и фольклора или попытаться провести между ними границу. Мне кажется, что, хотя древние народные поверья живы и по сей день, ныне наша цивилизация уже не способна породить что-то подобное. Я не хочу сказать, что мифотворческая способность народов мира угасла, но между древними преданиями и нынешними историями существуют несомненные отличия. Я не включаю в число современных мифов рассказы вроде истории о чудесной рыбе, пойманной в Занзибаре, на боках которой якобы были начертаны строки из Корана, – без сомнения, этому анекдотическому эпизоду самое место в колонке «Пикантные новости» газеты «Дейли мейл». Большая часть так называемых современных мифов словно почерпнута из средневековых легенд. Рассказывают, например, о том, как женщины Мамбруи во время долгой засухи отправились в паломничество к руинам мечети, находившимся в лесу. Здесь женщины принялись возносить молитвы, прося ниспослать дождь, и в промежутках между молитвами вдруг услышали голоса «древних шейхов», эхом отдававшиеся в старых стенах: «*Ла иллах илл'аллах*» («Нет Бога, кроме Аллаха...»). Прежде чем женщины успели дойти до дому, хлынул проливной дождь. А вот еще история о нечестивом солдате – «одном из тех, для кого нет ничего святого». Он выстрелил в сверкающую чашу, венчавшую верхушку огромной колонны, и свалился замертво еще до того, как ее осколки упали на землю. А дедушка одного из моих рассказчиков исцелился от слепоты при помощи средств, о которых ему во сне сообщил «господин наш Хамза».

Замечательным примером современных мифов может служить следующая история, присланная мне почтенным К. Бекером, ранее трудившимся в миссии Нёйкирхен на реке Тана. Его рассказ представляет собой перевод заметок одного из африканских учителей, работавших в миссии. Учитель этот, в свою очередь, услышал рассказ, что называется, из первых рук, от престарелой женщины в Мванатамбе – деревне, расположенной близ Нгао. Должна сказать, что я слышала об этой истории еще до того, как пришло письмо Бекера, и дважды ходила в Мванатамбу, чтобы поговорить с Хадулу – героиней истории, но безуспешно.

Эта женщина принадлежала к племени буу, которое теперь занимает территорию вокруг Нгао, примерно в 50 километрах от моря. По словам рассказчицы, во время

описываемых событий – то есть приблизительно пятьдесят – семьдесят лет назад – племя буу представляло собой плачевное зрелище – оно постепенно деградировало, главным образом из-за пьянства. Из сока некоторых разновидностей пальмовых деревьев, дающих съедобные плоды, племя изготовляло опьяняющий напиток. Помимо других пороков, порожденных пьянством, члены племени истребили так много пальм, покрывая их стволы надрезами, что это серьезно сократило продовольственные ресурсы племени.

И вот однажды одного представителя племени, по имени Мпембе, посетил белокожий человек, одетый в длинные белые одежды. Волосы у него были длинными, как у европейских женщин. Он сказал Мпембе, который, будучи знахарем, имел некоторый вес в племени, что он должен убедить своих соплеменников оставить свои греховные привычки. Мпембе повиновался, но увещания его принесли незначительный результат. Сперва люди подняли его на смех, потом испугались и сделали вид, будто вняли голосу разума, на деле же многие из них втайне продолжали предаваться порокам. Тогда незнакомец посетил Мпембе вторично и осыпал его такими суровыми упреками, что тот чуть не умер от страха.

В это время три юные девушки отправились на рисовые поля, чтобы отгонять птиц от созревающих колосьев. Одна из девушек принадлежала к племени буу, а ее товарки – к соседним племенам нгатана и калинди. В один из дней, когда птицы причиняли меньше беспокойства, чем обычно, девушки оставили свой пост, чтобы набрать в лесу хвороста, и увидели среди деревьев незнакомца, одетого в белое. Фигуру его окружало таинственное сияние. Испуганные девушки бросились бежать к рисовому полю и легли на землю, стараясь укрыться среди колосьев. Через некоторое время они осмелились выглянуть из своего укрытия и увидели, что незнакомец приближается к полю, а сияние, окружавшее его, становится все ослепительнее. Наконец он остановился под пальмой *мухафа*, наклонил ее до земли и воскликнул: «Аминь! Аминь! Люди жалуются: «Голод! Голод! Голод!» Я заставил плодоносить *мукинду*, и *мухафа*, и *мукома*, чтобы вы питались их плодами, но вы разорили и уничтожили их, и виной всему ваш грех». Длинной палкой, которую незнакомец сжимал в руке, он снова и снова ударял по стволу пальмы, и при каждом ударе с нее слетали листья. Наконец дерево совсем лишилось кроны. За исключением слова «Аминь!», которое девушкам было незнакомо, все остальное было сказано незнакомцем на их языке. Затем он обратился к девушкам: «Я сделал это, чтобы вы могли предупредить своих соплеменников. Скажите им, что, если они продолжают губить деревья и не отрекутся от своих пороков, я сделаю с ними нечто ужасное! Только что я видел пьяного, карабкавшегося на пальму. Я сказал ему: «Спускайся!» – но он стал насмехаться надо мной. Тогда я прикоснулся к нему своим посохом, и он упал замертво. Скажите своим людям, чтобы они пошли и забрали его тело, и пусть зло исчезнет с земли!»

Внезапно началась сильная буря: ветер прибил к земле стебли риса, в которых прятались девушки. Они увидели, как незнакомец поднялся в воздух и исчез в облаках.

В то же время Мпембе, находившийся в своей хижине в деревне, получил некое сверхъестественное послание, после чего вышел к людям и объявил им, что незнакомец, о котором он говорил, только что явился трем девушкам на рисовом поле. Жителям деревни следует немедленно отправиться на поле и помочь девушкам, поскольку те совершенно обессилели от страха. Люди поспешили на рисовое поле, и девушки рассказали им обо всем, что с ними приключилось.

Впрочем, предупреждение и на сей раз не возымело длительного действия. Членам племени не удалось встать на путь исправления, и незнакомец привел свою угрозу в исполнение: через некоторое время река Тана изменила свое течение, и племя буу вынуждено было покинуть плодородную пойму. Потом на всей территории, принадлежавшей племени, погибли пальмы муха-фа, и люди лишились не только своего излюбленного напитка, но также и съедобных плодов. Затем рассказчик переходит к описанию нынешнего существования племен, к которым принадлежали три девушки, и к их первому знакомству с христианством.

Миссионеры из Нгао предполагают, что история порождена неким бродячим монахом,

странствовавшим в лесах Таны в середине прошлого века. Мне же представляется более вероятным, что перед нами продукт мифотворчества народа, испытавшего влияние христианского учения еще до основания миссии Нейкирхен в 1887 году.

Интересно сравнить эту историю с преданием племени чага (к сожалению, оно изложено довольно туманно), о котором сообщает Гутманн. Сравнительно недавно – когда «первые европейцы уже пришли к нам» – в воздухе появился призрак светлогокожего человека. В каждой руке он держал по колокольчику и громко восклицал:

Уплати то, что должен брату своему!
Если у тебя его бык, верни его.
Если у тебя его козы, верни их.
Король приказывает тебе!
Позволь всякому страннику в земле твоей вернуться домой.
Освободи каждое дитя, что пребывает в рабстве.
Положи конец насилию, сломай копье!
Король приказывает тебе!

На закате призрак появился снова, люди видели его во многих местах, и он ни разу не коснулся земли. Вождь, услышав слова призрака, велел своим людям сообщить, если тот появится снова. В тот день жители деревни послушно глазели в небо до тех пор, пока вечерняя прохлада не загнала их в хижины, но призрак так больше и не появился.

Другой пример современной или в значительной степени осовремененной истории из того же района Африки – рассказ о сражении с озером, уже упоминавшийся в четвертой главе.

Переходя от современных мифов, созданных коренным населением, к историям, определенно привнесенным извне, мы сталкиваемся с весьма любопытной проблемой их распространения. По мере расширения арабского влияния все чаще стали встречаться мусульманские предания. Эти предания в более или менее адаптированной форме можно найти в фольклоре суахили, хауса и других народов, населяющих Восточный и Западный Судан. В Восточной Африке широко распространены сказки из «Арабских ночей». Трудно сказать, были ли они изначально заимствованы в письменной форме или же передавались изустно. Я лично склоняюсь к последнему предположению, поскольку большую часть подобных историй приносят караванщики и другие не отягощенные образованием люди.

Свой прямой или косвенный вклад в развитие фольклора Восточной Африки внесла и Индия. Историю об «Осле мойщика» можно проследить до «Сумсумара джатака», а корни сказки «Груды золота» следует искать в «Ведаббха джатака». Один африканец из племени покомо рассказал мне на суахили версию «Венецианского купца», ее он, в свою очередь, услышал от одного индийца, почерпнувшего историю «в какой-то из принадлежащих ему книг».

Выше уже упоминались истории об Абу Нувасе. В некоторых случаях они смешались со сказками о Зайце, принадлежащими к африканскому фольклору. Некоторые из приключений Абу Нуваса (Зайца) идентичны тем, что происходили с Ходжой Насреддином, известным шутником, но вовсе не обязательно говорить здесь о заимствовании.

Абу Нувас был реальным человеком, поэтом и юмористом, жившим (762–815) при дворе Гаруна аль-Рашида, и – подобно Теодору Хуку и другим – приобрел репутацию столь мудрого и эксцентричного человека, что ему приписывали многие эпизоды, имевшие место не только при его жизни, но также до его рождения и после его смерти. Некоторые из его остроумий действительно смешны, но все же главным образом свои таланты он применял в практической области, постоянно подшучивая над окружающими, и, как гласит легенда, стал до такой степени действовать им на нервы, что Гарун аль-Рашид и Джаафар пустили в ход всевозможные уловки, чтобы избавиться от Абу Нуваса. Способы, при помощи которых Абу Нувас обходит ловушки султана, иногда похожи на те, что встречаются в африканском цикле

о Хубеане и Каликаланье. Мы уже видели, как имя Абу Нуваса – Банаваси – превратилось в имя нарицательное, означающее умного и находчивого человека, порой оно даже используется африканцами в качестве эпитета для Зайца. В африканском фольклоре Гарун аль-Рашид превращается в «султана» или «вождя» (впрочем, в некоторых версиях суахили сохраняется его настоящее имя и имя Джаафара), а в Делагоа-Бей с Гаруном аль-Рашидом произошла удивительная метаморфоза – он превратился в португальского губернатора Мозамбика. Одним из самых популярных эпизодов является тот, в котором Султан или вождь велит Абу Нувасу построить дом в воздухе. Он запускает огромного воздушного змея с привязанными к нему колокольчиками и объясняет, что это звенят молоты рабочих, готовых приступить к строительству, для начала которого нужно доставить наверх камни и известь. Султан или вождь признает свое поражение, и Абу Нувас освобождается от выполнения поставленной перед ним задачи.

Когда Султан приказывает сжечь дом Абу Нуваса, тот смиряется с судьбой и просит лишь позволения собрать в мешок золу. Эту золу он продает португальцам (людям, которых, по мнению рассказчика, очень легко надуть) за серебро, заставив их поверить, что в мешке находятся ценные дары для португальского короля. Вернувшись домой с серебром, Абу Нувас объявляет, что португальская территория – прекрасное место сбыта золы. В результате Султан и все горожане сжигают дотла свои дома и нагружают золой семь кораблей. С этим грузом они спешат к португальцам, но по пути встречают португальскую эскадру, горящую желанием отомстить за шутку. Корабли Султана тонут, и лишь немногие их пассажиры успевают спастись, прыгнув за борт. Разъяренный Султан ищет Абу Нуваса, чтобы казнить его, но тому удается ускользнуть.

Несмотря на происшедшее, Абу Нувас вскоре обводит вокруг пальца другую группу португальцев и обманом заставляет Султана забить весь его скот, чтобы продать шкуры и кости по баснословной цене. В наказание Абу Нуваса бросают в клетку со львом, но он заверяет зверя, что Султан прислал его специально для того, чтобы почесывать льву шкуру всякий раз, когда тот пожелает. Лев так польщен этим, что не причиняет Абу Нувасу никакого вреда.

Одна из типичных шуток берберского шутника Си Джохы⁴¹, Насреддина и Абу Нуваса: позаимствовав одну кастрюлю, они через некоторое время возвращают ее вместе с маленькой кастрюлькой, уверяя, что большая кастрюля произвела на свет маленькую. В следующий раз владелец кастрюли сужает ее с большой охотой, надеясь и во второй раз получить свое добро с прибавлением, но кастрюля к своему владельцу уже не возвращается, а взявший ее займы объясняет, что она, увы, скончалась.

Истории о Джохе мне рассказали в Ламу: они были очень похожи на истории о Тиле Уленшпигеле и, очевидно, происходили из арабского источника. Та, что я помню лучше всего, рассказывает, что, когда мать Джохи велела ему «стеречь дверь», он снял ее с петель и носил на спине. Как правило, события в историях, рассказываемых в Ламу, происходят в соседней деревне Шела – местном эквиваленте Абдеры, Готама, Шильды (немецкого «города дураков») и французского Сен-Мексана. В одной из историй охотник, вытащив из ловушки бушбока и слишком спеша, чтобы забить его в соответствии с ритуалами, отпускает бушбока, наказав ему отправиться в деревню, чтобы там жена охотника могла убить его как полагается. Подобную историю берберы рассказывают о Си Джохе, правда, развитие сюжета здесь иное. Однажды Си Джохы поймал трех зайцев. Ожидая гостей, он отдал двух зайцев матери, велел ей зажарить одного, а другого спрятать в углу хижины. Третьего зайца Си Джохы взял с собой в поле. Узнав, что Си Джохы в поле, гости направились туда. Увидев их, Си Джохы стреляет в принесенного с собой зайца и объясняет гостям, что у него есть два

⁴¹ Берберские истории, судя по всему, ведут свое происхождение от очень древнего пласта арабского фольклора. Со временем эти истории проникли в Италию, где имя Джоха превратилось в Джуфа или Джукка. Итальянский герой, однако, куда больший простофиля, чем Джоха, демонстрирующий причудливую комбинацию хитрости и тупости.

волшебных зайца, один из которых всегда оживает, когда убивают другого. В доказательство этому по возвращении домой Си Джоху показал гостям живого зайца, сидящего в углу хижины. Распространение этих шуток и их отношение к африканским сказкам о Хубеане и прочим вполне может составить тему отдельного исследования.

В Мамбруи в 1912 году одна старая леди по имени Мвана Мбеу бинти Салики, уроженка деревни Шела, женщина, достигшая, как говорят, весьма преклонного возраста – ста шестнадцати лет (хотя это довольно сомнительно), рассказала мне следующую историю. К сожалению, я не смогла в тот момент записать ее на суахили слово в слово и воспроизвела рассказ по памяти уже после беседы.

Одна бездетная пара отправилась за советом к предсказателю, и тот сказал, что, если они будут следовать его указаниям (каким именно – не уточняется), у них родится сын. Так оно и случилось. Родители дали долгожданному ребенку хорошее образование, истратив на него все свое состояние, и к тому времени, как сын закончил университет, они превратились в бедняков. Тогда родители решили продать сына, но тот заявил, что будет гораздо разумнее, если он, напротив, продаст родителей. Те, будучи более сговорчивыми, чем их сын, согласились. Сын продал родителей за одежду, меч, нож и лошадь и отправился путешествовать. По дороге он встретил человека, несущего письмо к султану соседнего города. В документе содержался приказ убить подателя письма. (Неясно, что послужило причиной подобного приказа, впрочем, в рассказе встреченный юношей человек именуется *фисади* – мот, негодяй.) Ничего не подозревавший юноша предложил посланцу помощь, и тот с радостью отдал письмо, которое юноша для пущей сохранности спрятал в тюрбан. Затем он снова пустился в путь и вскоре очутился в безводной пустыне. Юноша уже был на грани смерти от голода и жажды, когда наконец набрел на колодец, возле которого лежала мертвая овца. В колодце не было ни веревки, ни какого-либо сосуда, с помощью которых можно было бы достать воду, но юноша размотал свой тюрбан, совсем позабыв про письмо, спрятанное в его складках, опустил конец ленты в колодец и, когда она пропиталась водой, утолил жажду. Обнаружив, что письмо промокло, юноша развернул его, чтобы просушить на солнце, ознакомился с его содержанием и порвал письмо. Затем он разделал тушу овцы, обнаружил, что ягненок, которого овца не успела родить, еще жив, убил его, зажарил и съел. С новыми силами он отправился в путь и вскоре достиг чужой страны. Тут он узнал, что дочь султана решила выйти замуж только за того, кто сумеет обыграть ее в шахматы. Неудачливые партнеры теряли голову. Юноша пришел во дворец, сыграл с принцессой в шахматы и вышел победителем. Тогда ему предложили поучаствовать в другом испытании и отгадать загадки, предложенные принцессой. Юноше и тут сопутствовала удача. Потом он задал принцессе свой вопрос, на который девушка не смогла ответить: «Кто носил отца, ел мертвое (или «то, что не рождено») и пил воду смерти?» История заканчивается свадьбой юноши и принцессы.

Некоторые эпизоды этой истории показались мне знакомыми, но я никак не могла вспомнить, где встречала их прежде. Наконец, через несколько лет мне пришлось перечитывать книгу Хиндеса Грума «Цыганский фольклор». Тут я обнаружила, что история Мваны Мбеу в основном идентична сказке турецких цыган, озаглавленной «Загадка». Хотя конец в цыганской истории другой – принцесса одерживает верх, используя нечестные приемы. Автор книги пишет: «Когда я переводил эту историю, она показалась мне уникальной, хотя эпизод с «письмом Беллерофонта» встречается и в индийских, и в европейских сказках, как и принцесса, отгадывающая или, наоборот, загадывающая загадки... Теперь же... я нахожу, что эта история практически идентична сказке Кэмпбелла «Рыцарь, загадывающий загадки», с которой, в свою очередь, очень схожа сказка братьев Гримм «Загадка».

Однако в двух упомянутых Грумом сказках, а также в более поздних вариантах, цитируемых Кёхлером и другими, загадки отличаются друг от друга, в то время как версия турецких цыган очень близка к варианту Мваны Мбеу. Подобный эпизод встречается и в русском фольклоре. Европейские варианты сильно отличаются от упомянутого выше, да и

друг от друга. Похоже звучит лишь арабская загадка: «Кто ехал верхом на матери, вооруженный отцом, и пил воду не из земли и не из неба, неся смерть на своей голове?»

По всей вероятности, сказка эта родилась в Аравии, откуда цыгане принесли ее в Европу.

С точки зрения распространения сказок особый интерес представляют несколько историй, включенных Жюно в категорию *Contes Etrangers* («Сказки других стран»). Одна из историй, «Бонаваси» (Абу Нувас), уже упоминалась выше. Приключения Дживао (Жоао) представляют собой смесь экзотики и местных элементов. Три различные сказки есть у суахили: «Султан Дарай» (эпизод с зачарованным замком и змеей, которая в данном случае заменена Сакатабелой, белой женщиной с семью головами), «Султан Маджнун» («Нунда, пожиратель людей») и «Кибарака» (волшебная лошадь, помогающая герою). Здесь снова возникает эпизод, знакомый нам из историй о Хлаканьяне, сварившем в кипятке мать людоеда. В данном случае в роли жертвы выступает Гванази, вождь из Мапуту, который, между прочим, был еще жив, когда записывалась история.

Лишь одна из упомянутых Жюно историй кажется явно европейской. Сказку «Дочь короля» рассказчик, по его словам, услышал на португальском языке от кого-то из европейцев, работавших в Лоренсу-Маркише. В действительности это сказка братьев Гримм «Стоптаные туфельки». Дорогу в Анголу нашли еще несколько португальских историй. Остается удивляться, что при сложившихся обстоятельствах их не оказалось гораздо больше.

Одним из самых любопытных примеров распространения фольклора может служить сказка, приведенная Жюно под названием *Les Trois Vaisseaux* («Три корабля»). У «белого человека» было три сына, и все трое втайне от отца и друг от друга влюбились в одну девушку. Каждый попросил у отца корабль, и вскоре все трое отправились в море. Сказка настолько четко привязана к местности, что мы без труда узнаем три пункта возле Делагоа-Бей, где юноши высадились, чтобы продать свои товары. Какая-то старуха убеждает старшего сына купить у нее старую корзину, обладающую свойствами ковра-самолета; второму она продает волшебное зеркало, а третьему – порошок, способный возвращать мертвого к жизни. И вот юноши видят в зеркале, что девушка, в которую они влюблены, умерла и ее уже готовят к погребению. При помощи волшебной корзины старший брат в мгновение ока переправляет всех троих домой, а младший воскрешает девушку. После этого встает вопрос: кто из юношей сделал больше для спасения жизни любимой и, следовательно, должен жениться на ней? В данном случае вопрос остается нерешенным.

Вариант племени яо «История о вожде», записанный в Ньясаленде около двадцати лет назад, изменен практически до неузнаваемости и утратил большую часть своей экзотичности. Более того, там встречается странное заявление, что юноши вернули к жизни мужчину и, как следствие, каждый из братьев считает его своим рабом (эту загадку можно объяснить ошибкой переводчика, поскольку слово *мунду* может одинаково означать как мужчину, так и женщину).

Судя по всему, эта сказка принадлежит к категории тех историй, где окончательное решение возникшей проблемы остается за аудиторией, поэтому у этой истории конца, как такового, нет.

Другая история была записана на территории, населенной народами кру. Она имеет определенное сходство с историей конго «О том, как жены воскресили своего мужа», но речи о заимствовании здесь, скорее всего, не идет. В этой сказке женщины согласились разрешить проблему следующим образом: «Пусть каждая приготовит пищу и поднесет мужу, как только он поправится и сможет есть. Победит та, чей горшок с едой он выберет первым!» Муж решил в пользу той, что приняла в его воскрешении самое деятельное участие, «и все люди сказали, что он прав в своем выборе».

Все сказанное выше представляет собой лишь поверхностный обзор некоторых проблем, которые вполне могут быть выделены в самостоятельные области изучения.

Приложение. Мифы, собранные капитаном Дж.Э. Филиппсом в

протекторате Уганда

Руанда (Восточная Африка)

I. Появление человека (тутси)

Тутси Кигва спустился в Индугу с неба вместе со своей женой из племени мвега и двумя сыновьями по имени Катутси и Кахуту. На земле он встретил кланы аборигенов багессера, базигабе и басинга, принадлежавшие к племени хуту. Все кланы были равны, и вождя у них не было. Вооружившись камнями (другого оружия они не знали), они напали на семью Кигвы.

На смертном одре Кигва велел сыновьям обучить аборигенов разным ремеслам, что они и сделали. В результате коренное население научилось плавить железо, изготавливать копья и ножи.

У Катутси была дочь. Желая основать отдельную ветвь семьи и избежать в дальнейшем родственных браков, он велел Кахуту жениться на дочери и поселиться на холме, на другом берегу реки.

Кахуту сначала отказался, поскольку родство было очень близким, но потом согласился, не желая, чтобы род их вымер.

Жену Кахуту (и ее отпрысков) с тех пор стали называть Абега ба Куля (Нижняя принцесса).

Катутси сказал, что «банья-гинья будут производить на свет королей», а Кахуту ответил: «А аб-эга – матерей королей».

Слово «Руанда» (Королевство) появилось в языке кинья-руанда.

История записана со слов тутси Ниримбилима, двоюродного брата султана Юхи Мусинга, *умвами* (верховного вождя) Руанды. Однако в пересказе других людей она существенно изменяется, обычно вариации зависят от того, к какому племени принадлежит рассказчик – тутси или хуту. Жители округа Индуга считают лишь себя истинным, исконным родом Руанды.

II. Появление скота (коров)

Банья-руанда верят, что при сотворении мира скот на земле появился сразу после человека.

У Умвами Ндори (Ндахиро) была дочь, Ньираручаба, которую он выгнал из дома.

Она отправилась в пустынную местность возле озера Киву. Отец считал ее умершей.

На лесной поляне Ньираручаба увидела двух странных животных. Одним из них была корова, а другим – ее теленок. Корова терлась о большой камень в лощине. Когда она ушла в лес, Ньираручаба подошла и обнаружила в лощине жидкость белого цвета. Девушка попробовала жидкость на вкус и нашла ее превосходной.

Каждое утро она наблюдала за коровой: сначала та кормила теленка, затем спускалась в лощину и сцеживала из вымени излишек молока.

Через некоторое время Ньираручаба встретила в лесу мужчину, изгнанного из племени хуту, у которого не было ничего, кроме копья. Они стали жить вместе. Ньираручаба постоянно пила коровье молоко, чтобы поддержать силы, а потом захотела, чтобы мужчина помог ей приручить корову. Для этого она предложила сперва поймать теленка. Но хуту испугался и сказал: «Если мы поймаем теленка, его мать убежит и больше не даст нам молока». Но Ньираручаба сама поймала теленка и привела его в свою хижину из веток и листьев. На следующий день она отправилась в лощину и повела с собой теленка. Ньираручаба позволила корове покормить теленка, а потом подошла и сама напилась молока из вымени. Вскоре корова совсем привыкла к девушке. Наконец Ньираручаба научилась доить корову, собирая молоко в кувшин. Каждый день она доила корову, и у них было молоко. Однажды на окраине леса Ньираручаба встретила странного человека, который сказал: «По-моему, я знаю тебя». Она ответила: «Возможно». Он сказал: «У нас горе. Король

неизлечимо болен». Ньираручаба дала ему глиняный кувшин с молоком и велела отнести его королю в качестве лекарства, но не говорить никому, что кувшин дала женщина, чтобы не лишиться лекарства его силы. Ньираручаба боялась, что ее отец решит, будто тут замешано колдовство. Ндахиро согласился попробовать молоко только после того, как тот, кто принес его, сделал несколько глотков. Через два дня король исцелился от болезни, которая много лет терзала его. Уступив королю, мужчина, принесший молоко, признался, что получил его от девушки из леса. За Ньираручабой немедленно послали, она явилась к королю в сопровождении коровы и теленка. Увидев дочь, король несказанно обрадовался. Однако девушка сказала, что молоко – это сок деревьев, она боялась, что корове, к которой она успела привязаться, причинят вред.

Но однажды король увидел, как дочь, обнаженная, доит корову.

Так он раскрыл ее секрет и разгневался, увидев дочь обнаженной, поскольку это было нарушением табу.

Впоследствии у коровы и ее подростого теленка появились еще телята, стадо разрослось, и короля, как его владельца, окружили почетом.

Король велел дочери научить пастухов доить коров, а женщинам запретил делать это. Через несколько лет *абанфуму* (жрецы) предсказали, что из пещер близ озера Руондо (Мулера) выйдут огромные стада скота, его хватит на всех, бедность исчезнет и все станут равны, как прежде.

Король, опасавшийся за свою власть над Руандой, заявил, что весь скот является королевской собственностью (так обстоит дело в Руанде и по сей день). Скот появился в правление Кичанги, и тот раздал его своим людям, ставшим королевскими пастухами.

III. Появление человека (хуту)

а) Согласно преданиям Руанды, первым человеком на земле был Луганзу. Он спустился с неба, и там, где он первый раз коснулся земли, остался его след (иллюстрация 6). Отчетливо видны также следы коровы, теленка и собаки и отметины, оставленные луком и стрелой.

На земле можно увидеть не только следы Луганзу, но и отпечатки коленей его жены. Перед тем как снять эти свидетельства на фото пленку, следы пришлось очистить от мха. Музереро, вождь хуту, запечатлен на фотографии в позе Луганзу, только что спустившегося на землю. Женщина рядом приняла позу жены Луганзу.

Место это находится в полутора километрах к северу от подножия горы Сабиньо (горная цепь Бирунга). Невдалеке виден холм, по которому проходит англо-бельгийская граница (Конго).

б) Поилка для скота Луганзу (иллюстрация 7). Любопытная горная формация. Вода в поилках появляется только после дождей, сейчас они в качестве водных резервуаров не используются. Поилки находятся примерно в 18 метрах от места, изображенного на иллюстрации 6.

Здесь мы видим юношу из племени тутси. Хорошо заметна своеобразная прическа, типичная для Руанды. У тутси волосы длиннее, и заботятся они о своих прическах тщательнее, чем представители двух остальных племен банья-руанда – хуту и тва.